

МУЗЕУС

Сказки
и
Легенды

МУЗЕУС

Сказки
и
Легенды

Перевод с немецкого
Е. В. ПУГАЧЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Предисловие и примечания
Ю. КАГАН

Переводы под редакцией
Д. КАРАВКИНОЙ

Художник
Б. СВЕШНИКОВ

МУЗЕУС И ЕГО СКАЗКИ

Имя Музеуса вряд ли знакомо широкому кругу наших читателей. Другими именами славна немецкая литература XVIII века — именами Лессинга, Гёте, Шиллера. Но, как нередко бывает, время заставляет по-новому звучать старинные и, казалось бы, забытые произведения. Сказки Музеуса, недавно переизданные в Германии, до сих пор покоряют своим мягким юмором, теплотой и человечностью. Они — лучшее из всего, что создал этот писатель, чей жизненный и творческий путь по-своему сложен и интересен.

Иоганн Карл Август Музеус (1735—1787) родился в Эйзенахе, в семье судейского чиновника; учился в Иенском университете, готовясь к карьере священника. В 1758 году, получив степень магистра, он вернулся на родину в надежде занять вакантное место в одном из близлежащих приходо́в. Но желания его не сбылись — этому помешали как раз те качества, которые так привлекают в его сказках. Добродушный, живой, ироничный, он любил повеселиться, и жители той деревни, где юный теолог собирался взойти на амвон, не захотели доверить свои души столь несерьезному на их взгляд молодому пастору. Музеус переехал в Веймар, литературную столицу того времени, и взялся за перо. Успех первого романа обеспечил начинающему писателю место гофмейстера, то есть попросту домашнего учителя, при доме веймарской герцогини Анны Амалии. Позже, с 1768 года, Музеус — учитель Веймарской гимназии, где преподает немецкий и латинский языки, а также ораторское искусство.

Первый роман Музеуса «Грандисон Второй» был пародией на известный роман английского писателя Ричардсона. Второй —

«Физиогномические странствия» — высмеивал учение Лафатера об определении характера и судьбы человека по чертам лица. Обе эти книги, несмотря на всю разумность просветительской критики, оказались чрезвычайно многословны, растянуты, однообразны, отягчены непременным морализированием. Популярны среди современников, они вскоре после смерти автора были забыты.

Но живут его сказки. Изданные в пяти томах под титулом «Народные сказки немцев», они представляют собой переработки в духе времени не только преданий германской старины, но и романской и славянской. Грациозные и увлекательные, они написаны в манере рококо, модного тогда в Европе культурного течения. Стремление культуры рококо отойти от повседневных забот, от неприятных размышлений, ее желание превратить жизнь в постоянный праздник, в сплошное наслаждение, ее вкус к изяществу, к галантным темам, ее ироничность были очень близки литературным кругам маленькой столицы крошечного Веймарского герцогства, где жил Музеус. Реальная прозаическая жизнь захолустной Германии XVIII века не приносила настоящей радости; от нее, от всего, что о ней напоминало, хотелось отстраниться, уйти. Вот почему увлечение сказками вообще характерно для того времени.

Виланд пишет на средневековый сюжет знаменитого «Оберона» — поэтичную, но вычурную и несколько растянутую сказку в стихах. Гердер, увлекшись фольклором, издает сборник «Голоса народов в песнях». Фольклор и, в частности, народная сказка считались вплоть до конца XVIII века явлением, не имеющим с искусством ничего общего. Лишь благодаря Гердеру стал утверждаться взгляд, «что поэзия вообще достояние народа и всего мира, а не частное дело отдельных, изысканных, ученых мужей» (Гёте).

Музеус чувствовал и ценил народное творчество не так глубоко, как Гердер, Гёте, Арним и Brentano. Но мотивы народных сказок и преданий настолько заинтересовали его, что он создал на их основе несколько книг, и в этом его несомненная заслуга. Иногда источником сказок Музеуса был не только фольклор, но и его обработки, потому что писатель считал сказкой все, в чем есть хоть сколько-нибудь фантазии.

Любитель усложненного, хитросплетенного сюжета и психологизации характеров, Музеус использовал фольклорную основу как повод для собственного рассказа. Он говорил, что берет самые обычные, всем известные сказки и делает их в десятки раз удивительнее, чем они были. Сделать сказку более «удивительной» для Музеуса значило превратить ее в остроумную, развлекательную новеллу. Однако, верный идеям Просвещения, он не только развлекает публику, но и поучает ее, считая, что «не существует на свете

такой легкомысленной сказки, которая не сделала бы человека более мудрым» (Виланд).

Литературные вкусы эпохи объясняют и то, что своих героев Музеус зачастую изображает в обстановке средних веков — в XVIII веке они считались самым интересным периодом в истории Германии. Однако средние века у Музеуса только декорация, да и то весьма условная. Герои сказок — его современники, и относится он к ним, как к своим современникам. Взять ли героев из легенд о Рюбецале, или оруженосцев Роланда, грубоватых, наивных мужиков, или мудрого правителя Богемии Крока, выходца из народа, или, наконец, аристократов — обо всех них Музеус говорит как о людях, которых видел и знает. О простых скромных тружениках, о крестьянах, ремесленниках, подмастерьях, добывающих хлеб свой честным трудом, он повествует с теплым подкупающим радушием и любовью, о бездельниках и лодырях, праздно шатающихся в поисках легкой поживы, — с безжалостной издевкой, о высокородных тунеядцах — с иронией, переходящей в ядовитый сарказм. В изображении горного духа Рюбецала, доброго, благородного, и в то же время коварного и мстительного, сказалось не только писательское мастерство Музеуса, но и его социальные симпатии. Рюбецаль, обманутый дочерью силезского короля, не шадит богатых и знатных, но вызволяет из нищеты семью бедного дровосека. Хотя для Музеуса характерно сочувствие обездоленным, зло для него — прежде всего понятие этическое и психологическое. В причудливом мире сказок Музеуса добрые всегда побеждают злых, хорошие поступки вознаграждаются, а дурные наказываются. Сказочное в них затейливо, прихотливо, остроумно и увлекательно переплетается с реальным. Волшебный горный дух мирно беседует с молоденькой крестьянкой, неудачливые оруженосцы Роланда изыскивают разные способы беззаботной жизни; графине, напуганной таинственным Рюбецалем, доктор рекомендует поставить клистир. Весь мир сказок Музеуса наполнен неожиданными ситуациями, юмористическими сопоставлениями.

Обращение к сказкам, использование фольклорных сюжетов сближает Музеуса с братьями Гримм. С другой стороны, там, где он смешивает в своих сказках два плана — реальный и фантастический, переосмысливает традиционные сказочные положения, придает им новый, чаще всего иронический смысл, там его сказки предвосхищают сказки немецких романтиков: Л. Тика, Э. Т. А. Гофмана, А. Шамиссо.

Манера изложения и язык сказок Музеуса соответствуют причудливости их содержания, где в расчете на комический эффект реальное переплетено со сказочным. Музеус вкрапливает в авторскую речь поговорки, строки из народных песен и наряду с этим называет

массу мифологических имен, имен литературных и исторических героев. Он употребляет архаические выражения, строки из библии, иностранные слова, неологизмы. Обычный прозаический текст сказок неожиданно прерывается ритмической прозой, рифмованными фразами. Все эти стилистические и лексические богатства языка, разумеется, очень затрудняют перевод сказок Музеуса на другой язык,

В России сказки Музеуса переводились в прошлом веке, но переводы не давали представления о своеобразии манеры писателя, были сокращены и переработаны. В настоящем издании мы всячески старались восполнить этот пробел и надеемся, что наши читатели с интересом прочтут и полюбят сказки Музеуса.

Ю. Каган

легенды
о
Рубенале

ЛЕГЕНДА ПЕРВАЯ

Судетских горах, этом Парнасе * Силезии, не раз воспетом в томных стихах, обитает, в мирном согласии с Аполлоном и девятью его музами, знаменитый горный дух по имени Рюбецаль. Он-то, пожалуй, и прославил Исполиновы горы более, нежели все силезские пииты вместе взятые. Правда, князю гномов принадлежит на поверхности земли всего лишь небольшое владение, замкнутое со всех сторон цепью гор в несколько миль протяжением, да еще делит он это владение с двумя другими могущественными монархами, не желающими даже признавать его прав. Зато всего в немногих саженях под поверхностью древней земной коры начинается его необозримая держава, уходящая на восемьсот шестьдесят

миль вглубь, к самому центру земли, и тут власть его безраздельна и не ограничена никакими трактатами.

Властелину подземного царства порой нравится бродить по своим владениям, широко раскинувшимся в преисподней, созерцать неистощимые сокровищницы благородных металлов, наблюдать за работой подвластных ему гномов, из коих одни строят прочные плотины, дабы сдерживать силу огненных потоков в недрах земли, другие — улавливают минеральные пары, кои обильно насыщают газами полую горную породу, этим самым превращая ее в драгоценную руду. Иногда, когда наскучат ему заботы правления в подземном царстве, поднимается он на поверхность, чтобы отдохнуть и развлечься, и там, в Исполиновых горах, всячески насмеяется и издевается над детьми рода человеческого, как беспутный проказник, который забавы ради может до смерти зашекотать своего соседа. Ибо наш приятель Рюбецаль, да будет вам известно, подобен всем великим гениям: он прихотлив, неистов, взбалмошен; задорен, груб, необуздан; горд, тщеславен, непостоянен; сегодня — самый ласковый друг, завтра — холоден, как чужой; временами он добродушен, благороден, чувствителен, но всегда противоречив; бывает глупым и умным, подчас мягким, а через мгновение крутым, как яйцо, брошенное в кипяток; он может быть плутоватым и честным, упрямым и податливым; одним словом, все у него зависит от настроения минуты и первого порыва.

Еще во времена седой древности, до того как потомки Иафета * проникли далеко на север, сделав страну эту обитаемой, Рюбецаль бушевал в диких горах, на травливал друг на друга туров и медведей или раскатистым гулом распугивал робкую дичь, заставляя ее в ужасе кидаться с отвесных утесов в глубокие ущелья. Утомившись этой забавой, он спускался опять по Эрихштрассе * в свое темное царство и оставался там целыми столетиями, пока вновь не брала его охота поваляться на солнце и насладиться красотами живой природы. Как же был он изумлен однажды, когда, поднявшись наверх, в подлунный мир, и, оглядывая окрестности со снеговой вершины Исполиновых гор, нашел их совершенно неузнаваемыми! Дремучие, непроходимые леса были вырублены и превращены в плодородные поля, где зрел богатый урожай. Из цветущих плодовых садов приветливо

выглядывали соломенные крыши деревенских домиков, из труб которых вился мирный дымок очага. Там и сям на склоне горы высилась одинокая сторожевая башня, служившая для охраны страны. На испещренных цветами лугах паслись овцы и рогатый скот, а из светлых роц доносились мелодичные звуки пастушьей свирели.

Новизна и прелесть этой картины, развернувшейся перед ним, на первый взгляд так восхитила удивленного властелина гор, что он не только не разгневался на самовольных поселян, распорядившихся здесь без его ведома и соизволения, но и предоставил им спокойно владеть присвоенными землями, — подобно тому как добродушный хозяин дома дает приют под своей кровлей хлопотливым ласточкам или неугомонным воробьям. Мало того, ему пришло в голову свести знакомство с людьми, этой странной породой животных, одаренных душой, изучить их характер и нравы и подружиться с ними. Однажды он принял обличие дюжего крестьянского парня и нанялся батраком к одному из деревенских богатеев. Любая работа спорилась у него в руках, и Рипс, как назвался мнимый батрак, прослыл лучшим работником на деревне. Но хозяин его был мот и кутила, пускал на ветер все доходы, доставляемые верным слугою, и нисколько не ценил труды и усердие последнего. Поэтому Рипс ушел от него прочь и нанялся в пастухи к соседу, который поручил ему пасти стадо овец. Рипс заботливо ухаживал за стадом, гонял его на пустынные пастбища, на крутые склоны гор, где росли целебные травы. Стадо росло и размножалось под его опекой; ни одна овца не сорвалась со скалы и ни одна не стала добычей волка. Но хозяин был жадный скряга и, чтобы не платить своему верному слуге сколько положено, выкрал у него из стада лучшего барана и вычел стоимость из заработка. Тогда батрак ушел от скупца и поступил слугой к судье. Здесь он стал грозой воров и строгим ревнителем правосудия. Но хозяин был судьей неправедным, попирал закон, судил лицепрятно и насмехался над справедливостью. Рипс не захотел быть орудием беззакония и отказался служить у судьи, за что его бросили в темницу, откуда, однако, он легко ускользнул обычным для духов путем, — через замочную скважину.

Эта первая попытка заняться изучением человеческой природы, естественно, не могла расположить его к

людям. Разочарованный, вернулся он на вершину скалы и, обозревая оттуда веселые нивы, возделанные человеческими руками, удивлялся, что мать-природа расточает свои дары такому подлому отродью. Несмотря на это, он решил еще раз спуститься в деревню и понаблюдать за людьми. Тихонько прокрался он в долину и стал подглядывать из-за кустов и изгородей; и тут вдруг перед ним возник образ очаровательной девушки, прекрасной, как Венера Медицейская *, и, так же как и та, совершенно нагой, ибо в эту минуту она собиралась войти в воду. Вокруг нее, у водопада, низвергающего свои серебряные струи в естественный водоем, расположились на траве ее наперсницы. Полные невинного веселья, они беспечно резвились и всячески превозносили свою повелительницу. Эта соблазнительная картина чудесным образом подействовала на подглядывавшего гнома; он почти забыл, что он — не человек, а дух, наделенный особыми свойствами, и, завидуя участи смертных, смотрел на дочерей земли с таким же вожделением, как некогда в древности его собратья боги на смертных женщин.

Но органы чувств у духов так тонки, что впечатления их не бывают ни прочными, ни длительными. Гном решил, что ему недостает телесной оболочки, чтобы глазами вобрать в себя образ купающейся красавицы и запечатлеть его в своей памяти. Тогда он принял образ черного ворона и взлетел на высокое дерево, осенявшее ветвями своими место купанья, чтобы оттуда насладиться полным очарования зрелищем. Однако, приняв сей облик, он не достиг цели, ибо воспринимал внешний мир как ворон и смотрел на все глазами ворона. Гнездо лесных мышей было ему теперь милее, чем купающиеся нимфы, ибо помыслы души не могут не зависеть от телесной ее оболочки.

Как только эта мысль пришла ему в голову, он тотчас же исправил свою ошибку. Ворон полетел в кусты и перевоплотился в цветущего юношу. То был правильный путь, ибо только теперь он в совершенстве постиг чары идеальной девичьей красоты. В груди его пробудились чувства, о которых он никогда не подозревал за все время своего существования. Мысли его приобрели новый смелый полет. Он ощутил неведомое ему доселе беспокойство, в груди бушевали и рвались наружу смутные, необъяснимые желанья. Властный порыв неудержимо

влек его к водопаду; в то же время что-то в нем с не меньшей силой противилось этому желанию и непонятная робость мешала ему, после того как он принял образ юноши, приблизиться к купающейся Венере Медицейской или выступить из-за кустов, под покровом которых он тайком любовался красавицей.

Прекрасная нимфа была дочерью силезского короля, правившего в те времена областью Исполиновых гор. Она часто любила гулять в сопровождении своих придворных девиц в рощах и кустах на склонах гор, срывая цветы и душистые травы или собирая в лукошко лесные вишни и землянику для стола своего отца, что было обычным в те буколические времена *, а в жаркий день располагалась на отдых у источника, бьющего из расселины скалы, и освежалась купанием.

Испокон веков такие источники, говорят, были местом любовных приключений, и этой славой они пользуются и по сей день. Во всяком случае, страсть гнома к столь отличной от него смертной девушке зародилась возле упомянутого водоема в Исполиновых горах. С того мгновенья, как он встретил ее, любовь своими сладостными чарами опутала горного духа, приковала к этому месту, и он уже не покидал его, с нетерпением ожидая появления прелестных купальщиц.

Нимфа долго не показывалась, но когда наконец, в знойный летний день, она опять пришла со своею свитой под прохладную тень у водопада, то не могла опомниться от удивления, — так все вокруг изменилось: дикие скалы были выложены мрамором и алебастром, вода не низвергалась бурлящим потоком с крутого утеса, как прежде, но с ласковым журчанием тихо струилась по многочисленным уступам в широкий мраморный бассейн, из середины которого бил вверх высокий фонтан. Теплый ветерок колебал струю то в одну, то в другую сторону, и она распылялась мелким, частым дождиком, падая обратно в водоем, по краям которого цвели маргаритки, нарциссы и романтические цветочки незабудки. На некотором расстоянии от бассейна тянулась живая изгородь из роз, переплетающихся с диким жасмином и лунником, и окаймляла прелестнейший уголок. Справа и слева от каскада открывались два хода в великолепный грот, своды и стены которого сверкали пестрой мозаикой из разноцветных кусков руды, горного хрусталя

и слюды, переливавшихся ослепительным блеском. На столах в нишах были расставлены угощение и прохладительные напитки, один вид которых возбуждал аппетит.

Долго стояла принцесса в безмолвном удивлении, не веря глазам своим и не зная, войти ли в это зачарованное место, или бежать. Но она была дочерью прародительницы Евы и не могла совладать со страстным желанием все осмотреть и отведать великолепных фруктов, приготовленных как бы нарочно для нее. После того как она со своей свитой достаточно позабавилась в этом маленьком храме и все внимательно осмотрела, у нее явилась охота выкупаться в бассейне, и она приказала девушкам поглядывать вокруг, чтобы какой-нибудь дерзкий соглядатай, притаившийся в кустах, не оскорбил ее девичьей стыдливости.

Едва грациозная нимфа скользнула с гладкого края мраморного бассейна в воду, как тотчас же погрузилась в бездонную глубину, хотя серебристый гравий, обманчиво сверкавший с неглубокого дна, не позволял предполагать, что здесь таится какая-либо опасность. Прежде чем подоспевшие на помощь молодые девушки успели схватить свою прекрасную повелительницу за ее золотистые косы, принцессу поглотила прожорливая бездна. Воздух огласился душераздирающими воплями и жалобами испуганных девушек, когда их госпожа исчезла у них на глазах. Напрасно умоляли они наяд о милосердии, простирая и ломая белоснежные руки, и пугливо метались по мраморному краю бассейна, фонтан которого, казалось, намеренно обрушивал на них потоки воды. Но ни одна из них не осмелилась прыгнуть за утонувшей, кроме Брингильды, ее любимейшей подруги; не колеблясь, бросилась она в бездонный водоем, желая разделить участь своей обожаемой госпожи. Но она всплыла наверх, будто легкая пробка, и, несмотря на все усилия, не могла опуститься на дно.

Делать нечего, пришлось сообщить королю о печальной участи его дочери. С громкими стенаниями девушки бросились ему навстречу, как раз когда он со своими егерями выезжал в лес на охоту. Охваченный горем и ужасом, он разорвал на себе одежды, сбросил с головы золотую корону, закрыл лицо пурпурной мантией

и стал громко рыдать, оплакивая потерю любимой Эммы.

Отдав первую дань отцовской скорби, он собрал все свое мужество и отправился сам осмотреть место у водопада, где случилось несчастье. Но обманчивый мираж уже исчез: первозданная природа по-прежнему являлась во всей своей дикости. Не было никакого грота, ни мраморного бассейна, ни ограды из роз, ни жасминных зарослей. К счастью, ничто не давало бедному королю повода думать, что его дочь похищена каким-нибудь странствующим рыцарем, ибо в те времена о похищениях девушек еще не было слышно в стране. Поэтому он не стал ни угрозами, ни пытками добиваться у девушек много, более правдоподобного объяснения внезапной гибели принцессы. Он принял их рассказ на веру и решил, что Тор *, или Водан *, или кто-либо другой из богов был замешан в чудесном похищении, а посему отправился опять на охоту и скоро совсем утешился в своей утрате, ибо, по правде говоря, земных королей ничто не огорчает глубоко, кроме потери своей короны.

Меж тем прелестная Эмма, живая и невредимая, находилась в объятиях своего бесплотного обожателя. Горный дух устроил весь спектакль с погружением принцессы на дно лишь для того, чтобы отвести глаза ее свите, а сам пронес ее подземным ходом в свой великолепный дворец, который не шел ни в какое сравнение со скромным замком ее отца. Очнувшись, она увидела, что лежит на уютной софе в платье из розового атласа с голубым шелковым поясом, казалось похищенными из гардероба самой богини любви. Молодой человек, очень красивый, лежал у ног Эммы и осыпал ее пылкими признаниями в любви, которые она принимала со стыдливой краской смущения. Восхищенный гном рассказал ей о своем положении и происхождении, о подземных царствах, ему подвластных, затем повел по комнатам и залам дворца и показал ей всю роскошь и богатство его. Прекрасный парк, окружавший замок с трех сторон, видимо, особенно понравился девушке своими зелеными лужайками и куртинами, которые прятались в прохладной тени. На фруктовых деревьях зрели золотые яблоки с пурпурно-красными щечками или с золотыми крапинками, подобных которым не мог бы вырвать у природы

сам Гиршфельд *, невзирая на все свое искусство, и никакой другой гениальный садовод наших дней. Из чащи деревьев доносилась многоголосая симфония бесчисленных певчих птиц.

Нежная пара прогуливалась по укромным аллеям, останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться луной; иногда гном выражал свою печаль, когда видел, как увядает цветок на груди возлюбленной. Взгляд его был прикован к ее губам, а уши жадно внимали нежным звукам мелодичного голоса. Каждое слово ее он впитывал, как сладкий мед. Никогда еще за все свое долгое бесплотное существование не испытывал он подобного блаженства, какое дарила ему теперь первая любовь.

Но далеко не такие блаженные чувства таились в груди прелестной Эммы. Печальная тень легла на ее чело; кроткая грусть и нежное томление, придающие столько очарования женскому облику, достаточно ясно показывали, что сокровенные желания, затаенные глубоко в ее сердце, никак не отвечали желаниям ее спутника. Он очень скоро заметил это и старался ласковыми речами рассеять тучки и развеселить красавицу. Но все было тщетно.

«Человек, — думал про себя гном, — животное общительное, подобно пчеле или муравью. Прекрасной смертной не с кем слова сказать. С мужчиной женщина может скоро соскучиться. С кем ей поделиться мыслями? Для кого ей наряжаться? С кем посоветоваться? И что будет питать ее тщеславие? Ведь известно, что первая женщина в кушах Эдема * не смогла долго вынести общества сурового супруга и потому выбрала своим доверенным змея».

Гном поспешно направился в поле, выдернул из земли дюжину реп, сложил их в изящно сплетенную корзиночку с крышечкой и принес прекрасной Эмме, печально сидевшей в тенистой беседке и обрывавшей лепестки розы.

— Прекраснейшая из дочерей земли, — обратился к ней гном, — изгони тоску из души и открой свое сердце для блаженной радости. Ты не будешь больше томиться здесь в грустном одиночестве. В этой корзиночке есть все, чтобы сделать твое пребывание в моем доме приятным. Вот маленькая пестрая палочка: прикоснись ею

к плодам земли, лежащим в корзинке, и придай им образы, какие пожелаешь.

Затем он покинул девушку, и та не теряя ни минуты открыла корзиночку и, воспользовавшись преподанным ей уроком, пустила в ход волшебную палочку.

— Брингильда, — позвала она, — дорогая Брингильда, явись передо мной.

И вот Брингильда уже лежит у ее ног, обнимая колени своей повелительницы и обливая их слезами радости, и ласкается к ней, совсем как прежде. Сходство было так разительно, что Эмма сама не знала, кто был перед нею: то ли настоящая Брингильда, вызванная ею волшебной силой, то ли просто обманчивая иллюзия. Охваченная радостью свидания с любимой подругой, она повела ее в сад, гуляла с ней рука об руку, показывая все его чудеса; нарвала для нее золотых яблок, затем прошла с подругой по всем покоям дворца до комнаты, где хранились ее наряды и где их женскому взору предстало столько пищи для созерцания, что они оставались там до захода солнца. Богатые платья, пояса, серьги были осмотрены и примерены, и мнимая Брингильда при этом вела себя с таким тактом и обнаружила столько вкуса в выборе и сочетании женских украшений, что хотя она и была по существу всего только репой, но уж, во всяком случае, нельзя отрицать, что ее невозможно было отличить от самой прелестной девушки.

Незаметно подглядывающий за ними гном был в восторге от своей удачной выдумки, полагая, что теперь он найдет дорогу к сердцу смертной женщины, и радовался своим успехам в познании человеческой души. Прекрасная Эмма казалась ему теперь красивее, приветливее и веселее, чем раньше. Она не преминула оживить волшебной палочкой весь запас реп, придав им образы своих прежних наперсниц, и так как у нее остались еще две репы, то принцесса обратила одну в кипрскую кошку, хорошенькую и проказливую, каким был когда-то кот фрейлейн Розаурен, а другую — в прелестную, резвую собачку Бени. Таким образом, она опять смогла управлять своим придворным штатом, причем каждой из девушек были поручены определенные обязанности, и никогда ни у одной госпожи не было более исправных служанок. Они предупреждали все желания принцессы,

повиновались малейшему знаку и выполняли ее приказания без малейших возражений.

В продолжение нескольких недель она безмятежно развлекалась в обществе своих девушек. С утра до вечера во дворце гнома танцы сменялись пением и игрой на арфе. Но прошло некоторое время, и Эмма стала замечать, как блекнет свежий румянец на щеках ее подруг. Зеркало в мраморном зале показало ей, что лишь она одна свежа, словно едва распустившаяся роза, меж тем ее любимая Брингильда и прочие девушки напоминали поблекшие цветы. При всем том они уверяли, будто здоровы и благодаря щедрости гнома ни в чем не терпят недостатка. И все-таки девушки чахли на глазах, их живость и веселость улетучивались, а пыл молодости угасал день ото дня.

Однажды ясным утром, освеженная крепким сном, Эмма весело вбежала в залу и в ужасе отшатнулась, увидев толпу ковылявших ей навстречу сморщенных старух; они опирались на клюки и костыли не в силах держаться прямо, и тряслись от одышки и кашля. Шаловливая собачка Бени лежала мертвая, а ласковая кипрская кошка едва двигалась от слабости. В отчаянии выскочила принцесса из комнаты, спасаясь бегством от жуткого зрелища. Выйдя на балкон, она стала громко звать гнома, тотчас же явившегося на ее зов и униженно склонившегося перед ней.

— Злой дух, — гневно вскричала она, — зачем позабывал ты единственной утехе в моей безотрадной жизни и отнял у меня тени моих бывших подруг? Разве не достаточно этой пустыни, чтобы мучить меня? Неужели ты хочешь вдобавок обратить ее в богадельню? Сейчас же верни моим девушкам молодость и красоту, или я отплачу тебе своей ненавистью и презрением за это злодеяние.

— Прекраснейшая из дочерей земли, — возразил гном, — не гневайся на меня так сильно. Все, что в моей власти, — к твоим услугам, но не требуй от меня невозможного. Силы природы покорны мне, но я не властен изменить ее непреложные законы. Пока в репах оставались растительные соки, волшебная палочка по твоему желанию превращала их в живые существа. Но теперь соки эти иссякли и репы близки к тлению, ибо дух жизни покинул их. Но пусть это не огорчает тебя, доро-

гая! Корзина, наполненная свежими репами, легко исправит беду, и ты вызовешь к жизни кого тебе вздумается. Возврати же теперь матери-природе ее дары, развлекавшие тебя так долго. На большой лужайке в саду ты найдешь лучшее общество.

С этими словами гном покинул ее, а она коснулась волшебной палочкой сморщенных женщин и, когда они обратились в высохшие репы, поступила с ними так, как поступают дети с игрушками или как князя с наскучившими им фаворитками. Она бросила этот ненужный хлам в мусор и больше не вспоминала о нем. Легкими шагами поспешила она на зеленую лужайку, чтобы взять вновь наполненную корзину, но нигде не могла найти ее. Она исходила весь сад вдоль и поперек, внимательно осматриваясь кругом, но корзины нигде не было. У виноградной беседки ей повстречался гном, такой озадаченный, что Эмма уже издали заметила его смущение.

— Ты обманул меня, — бросила принцесса. — Где же обещанная корзина? Вот уже целый час я напрасно ищу ее.

— Прелестная владычица моего сердца, — отвечал гном, — простишь ли ты мое легкомыслие? Я обещал больше, чем в состоянии дать. Я обошел все поле в поисках реп, но они все давно уже сняты с полей и вянут в душных погребах. Поля пусты и печальны, внизу в долине уже царствует зима. Лишь твое присутствие задержало весну у этих скал, лишь под твоими ногами распускаются цветы. Потерпи каких-нибудь три месяца, и тогда сколько угодно играй со своими куклами!

Не дослушав до конца слов красноречивого гнома, красавица с негодованием повернулась к нему спиной и направилась в свои покои, не удостоив даже ответом. Гном, приняв облик зажиточного крестьянина, отправился в ближайший городок, купил там осла и погрузил на него мешки, наполненные семенами репы. Все утро засевал он обширное поле. Затем, приказав раздуть подземный огонь, дабы посредством согревания почвы ускорить рост семян, как это делают при выращивании ананасов в теплице. Посеянная репа дала дружные всходы, обещавшие в скором времени богатый урожай. Эмма ежедневно выходила на свое поле, вид которого был ей приятнее, чем сад с позолоченными яблоками,

казалось перенесенными в ее парк из сада Гесперид *. Но все же тоска и печаль туманили ее васильковые глаза. Больше всего ей нравилось проводить время в мрачном еловом лесу, на берегу потока, с шумом катившего в долину прозрачные серебристые воды, и бросать в него цветы, тотчас же опускающиеся на дно; а всем, кто мало-мальски разбирается в символике любви, известно, что такая меланхолическая задумчивость — признак тайной любовной грусти.

Гном прекрасно понимал, что даже тысячей мелких услуг не завоевать ему сердца прекрасной Эммы, — оно оставалось недоступным для любви. Тем не менее он с неистощимым терпением продолжал беспрекословно выполнять все ее прихоти, надеясь смягчить этим красавицу. Полная неопытность в делах любви заставляла горного духа предполагать, что препятствия на пути к исполнению желаний неизбежны в любовных отношениях с земной женщиной, и очень тонко и верно подметил, что и в сопротивлении есть своя прелесть, и чем дольше ожидание, тем более сладостную победу оно сулит. Не зная человеческой души, гном никак не мог догадаться об истинной причине упорства владычицы своего сердца. Он был непоколебимо уверен, что невинное сердце девушки так же свободно, как и его собственное, и по праву принадлежит ему, первому, кто открыл его.

Однако он глубоко заблуждался. Молодой князь Ратибор, владения которого граничили с владениями отца Эммы по берегу Одера, уже зажег в сердце милой Эммы сладостное чувство, и ему принадлежала ее первая любовь, которая, как утверждают, незыблема, как незыблемы четыре стихии природы. Уже близился день исполнения обета счастливой пары, когда невеста внезапно исчезла. Это горестное событие превратило любящего Ратибора в Неистового Роланда *. Он покинул свою столицу и, избегая людей, одиноко скитался по лесам, поверяя скалам свое горе и безумству, совсем как современный герой романа, когда ему строит каверзы злой Амур *.

Верную Эмму между тем мучила тайная грусть в ее роскошной тюрьме, но чувства свои она так надежно спрятала в груди, что даже зоркий гном ничего не смог заподозрить. Она уже давно ломала себе голову, как бы перехитрить его и вырваться из ненавистного плена. Не

одну бессонную ночь провела она, пока не придумала план, который стоило, по ее мнению, попытаться осуществить.

Весна уже вернулась в горные долины, и гном велел прекратить подогревание почвы подземным огнем; репы, росту которых не помешала зима, вскоре созрели. Лукавая Эмма ежедневно выдергивала по нескольку штук и пробовала оживить их, придавая различные образы, якобы для развлечения, но на самом деле у нее была своя тайная цель. Однажды она превратила маленькую репку в пчелу, чтобы послать с нею весточку к возлюбленному и получить от него ответ.

— Лети, милая пчелка, на восток, — сказала она, — к князю Ратибору и тихонько прожужжи ему на ухо, что Эмма еще жива и по-прежнему верна ему, но что она — пленница владыки гномов, обитающего в Исполиновых горах. Не забудь ни одного словечка и принеси мне весточку о его любви.

Пчела тотчас же взвилась с пальца своей повелительницы и полетела, куда ей было приказано. Но едва успела она подняться в воздух, как прожорливая ласточка бросилась на нее и проглотила, к великому огорчению девушки, вестницу ее любви вместе с посланным приветом. Затем она с помощью волшебной палочки превратила еще одну репу в кузнечика и дала ему подобное же роучение:

— Скачи, маленький кузнечик, через долины и горы к князю Ратибору и прострекочи ему на ухо, что верная Эмма ждет, когда он освободит ее своими сильными руками из неволи.

Кузнечик поскакал со всех ног, чтобы выполнить ее приказ, но долговязый аист, встретившийся ему на пути, схватил его своим длинным клювом и похоронил в широком зобу. Эти неудачные попытки не поколебали решимость Эммы и ее надежды на успех. Третьей репе она придала образ сороки.

— Лети, болтливая птица, — сказала она ей, — от дерева к дереву, пока не долетишь до Ратибора, моего нареченного. Расскажи ему о моем злосчастье и передай, пусть он ждет меня через три дня с лошадьми и слугами на границе гор, в Майской долине, да встретит беглянку, которая осмелилась порвать свои цепи и надеется на его защиту.

Черно-белая сорока поднялась в воздух и, перепархивая с ветки на ветку, отправилась выполнять поручение; озабоченная Эмма провожала ее взглядом, пока та не скрылась из виду.

Исполненный скорби, Ратибор все еще бродил по лесам. Возвращение весны и пробуждение природы лишь растравляли его тоску. Он сидел под тенистым дубом и думал о своей невесте, громко вздыхая: «Эмма». И тотчас же многоголосое эхо услужливо повторяло любимое имя. Но вдруг чей-то незнакомый голос окликнул его по имени. Он прислушался и оглянулся, но никого не увидел и уже решил, что ошибся, как вдруг опять услышал тот же зов; тут же он увидел сороку, порхавшую с ветки на ветку, и догадался, что именно она, эта ученая птица, назвала его по имени.

— Жалкая болтушка, — сказал он, — кто научил тебя произносить имя несчастного, который жаждет лишь одного: умереть и исчезнуть из памяти людей? — И, схватив камень, он злобно замахнулся, намереваясь швырнуть его в птицу, как вдруг та прострекотала: «Эмма». Этот талисман обезоружил князя Ратибора. Он не помнил себя от радости, в душе его с тихим трепетом отозвалось: «Эмма».

Тут сидевшая на дереве говорунья, с присущей сорокам болтливостью, затараторила слова, внушенные ей Эммой. Едва радостное известие коснулось слуха князя Ратибора, как на душе у него посветлело, смертельная тоска, туманившая мозг и терзавшая душу, покинула его, он вновь обрел себя и с горячностью начал выпытывать у вестницы счастья подробности о судьбе милой Эммы. Но болтливая сорока ничего больше не знала и лишь беспрестанно, механически повторяла затверженные слова и наконец упорхнула. Как быстрый олень помчался воспрянувший духом лесной отряд всадников, он вскопил на коня, готовый преодолеть все препятствия, и выступил в горы, сулившие ему добрую надежду. А за это время Эмма с чисто женской хитростью подготовила все для выполнения своего замысла. Она перестала истязать терпеливого гнома своей убийственной холодностью. Ее глаза внушали надежду, она, казалось, стала уступчивее. Ни один вздыхающий поклонник не преминул бы воспользоваться таким счаст-

ливым поворотом в чувствах любимой. Женолюбивый гном благодаря свойственной духам тонкости восприятия скоро почуял эту кажущуюся перемену в обращении с ним прелестной упрямыцы. Обвораживающий взгляд, ласковое слово, многозначительная улыбка — все это воспламенило пылкого гнома, как электрическая искра воспламеняет ложку спирта. Он стал смелее, возобновил свои домогательства, которые совсем было оставил, попросил выслушать его и не встретил отпора. Подготовительные переговоры закончились как нельзя более успешно, Эмма потребовала только, приличия ради, еще один день на размышление, и опьяненный блаженством гном с готовностью на это согласился.

На следующее утро, едва вспыхнул первый луч солнца, Эмма вышла из своих покоев точно невеста, наряженная и увешанная всеми драгоценностями, какие нашлись у нее в шкапулке. Белокурые волосы были подобраны в узел и украшены миртовым венком, а опушка платья сверкала драгоценными камнями. Когда гном, ожидавший ее в большой беседке парка, вышел ей навстречу, она стыдливо закрыла смущенное лицо краем вуали.

— Ангел мой, — запинаясь, проговорил гном, — дай мне испить блаженство любви из глаз твоих и не скрывай более от меня взгляда своего, который подтвердит, что я — счастливейшее существо, когда-либо жившее под лучами утренней зари.

И он хотел откинуть покрывало с ее лица, чтобы прочесть в глазах Эммы свой приговор, ибо не осмеливался требовать устного признания. Но девушка еще плотнее закутала лицо вуалью и скромно возразила:

— Может ли смертная устоять перед тобой, о повелитель? Твое постоянство победило. Прими это признание из моих уст! Но разреши мне скрыть под вуалью мое смущение и слезы.

— Откуда эти слезы, о любимая? — спросил обеспокоенный дух. — Каждая слеза твоя падает мне на сердце, словно расплавленная капля смолы. Я прошу любви в ответ на мою любовь и не хочу жертвы.

— Ах, — возразила Эмма, — почему ты так дурно истолковываешь мои слезы? Сердце мое — награда за твою нежность, но смутное предчувствие разрывает мне душу. Жена не может всегда оставаться прелестной возлюбленной. Ты никогда не состаришься, но земная

красота — цветок, подверженный быстрому увяданию. И где порука, что ты будешь таким же нежным, пылким, терпеливым и услужливым супругом, каким был женихом?

— Требуй любых доказательств моей верности и покорности в исполнении твоих приказов, — отвечал д у х , — испытай мое терпение и тогда вынесешь суждение о силе моей неизменной любви.

— Будь по-твоему, — решила коварная Эмма. — Я потребую только доказательства твоей услужливости. Поди в поле и сосчитай там все репы. Хочу, чтобы в день моей свадьбы у нас были гости. Я превращу все репы в девушек, и они будут моими свадебными подружками. Но не вздумай меня обмануть или обсчитаться хотя бы на одну репу, ибо это будет испытанием твоей верности.

Как ни тяжело было гному покидать в такую минуту свою невесту, однако он немедленно повиновался и тут же принялся за работу. Он проворно шмыгал между репами, как врач французского лазарета между больными, которых он собирается отправить на тот свет. Благодаря такому усердию он скоро справился со своей задачей на сложение. Однако, боясь ошибиться, решил проверить счет еще раз и, к великой досаде, получил новое число. Это заставило его сызнова пересчитать репы, но и на этот раз в итоге получилась ошибка, да и не удивительно. Прелестная девичья головка может сбить со счета наимудрейшего математика, и даже непогрешимый Кестнер *, бывало, путался при подобных обстоятельствах.

Как только паладин ее скрылся из виду, хитрая Эмма тотчас же стала готовиться к бегству. У нее была припрятана крупная, сочная репа, которую она немедленно превратила в горячего коня, оседланного и взнузданного. Мигом вскочив в седло, дева помчалась через горные пастбища и луга. Быстроногий Пегас *, ни разу не споткнувшись, в один миг доставил ее на своей гладкой спине в Майскую долину, где она радостно бросилась в объятия любимого Ратибора, с тревогой ожидавшего ее прибытия.

Между тем гном так усердно погрузился в свои вычисления, что и не подозревал о происходящем рядом, подобно тому как занятый вычислениями Ньютон * не

услышал грома победы, раздававшегося у него под окном в честь Блендгеймского сражения *. После долгих усилий, потребовавших напряжения всех его способностей, горному духу удалось наконец правильно сосчитать все репы на поле — и мелкие и крупные. Торжествуя, поспешил он к повелительнице своего сердца, надеясь добросовестным отчетом о беспрекословном выполнении приказа убедить ее, что он будет самым любезным и преданным супругом, над каким когда-либо властвовали фантазия и каприз одной из дочерей Адама. Преисполненный самодовольства, вступил он на лужайку, но Эммы там не нашел. Он обежал все тенистые беседки и дорожки, но и там ее не оказалось. Гном бросился во дворец, обшарил все уголки его, звал дорогую Эмму по имени, но лишь эхо в пустынных залах откликалось на его зов. Он жаждал услышать хотя бы одно слово из любимых уст, но полное молчание было ему ответом. Тогда, почуввав недоброе, он вмиг сбросил с себя тяжелую телесную оболочку, как ленивый ратман сбрасывает свой шлафрок, когда на башне бьют пожарную тревогу, взлетел высоко в воздух и увидел вдали обожаемую беглянку, как раз в ту минуту, когда она на ретивом коне своем уже пересекала границу его владений. Рассвирепевший дух в бешенстве столкнул вместе два мирно плывших облака и швырнул вслед неверной сильнейшую молнию, но она только разбила в щепы тысячетлетний дуб на границе, по ту сторону которой месть гнома была бессильна, и грозовая туча растаяла нежным, легким туманом.

В отчаянии метался гном по заоблачному пространству, жалуясь всем четырем странам света на свою несчастную любовь. Когда приступ ярости несколько утих, он в глубокой тоске вернулся в свой дворец, где уныло бродил по опустевшим залам, оглашая их своими стонами и вздохами. Заглянул еще раз в парк, но волшебная красота потеряла для него всю свою прелесть. Замеченные им следы ножек дорогой изменницы, опечатавшиеся на песке, привлекали его внимание больше, чем золотые яблоки на деревьях или пестрая мозаичная кайма из самшитовых кустов на цветочных куртинах. Воспоминание о блаженных часах пробудилось в нем с новой силой при виде тех мест, где она когда-то ходила, стояла, собирала цветы и обрывала лепестки

их, где он часто незаметно подглядывал за ней. Он вспоминал, как, приняв человеческий облик, подолгу беседовал с любимой. Все это так угнетало его и переполняло такой тоской, что он под бременем своего горя погрузился в тупую апатию. Затем, сказав последнее прости своей первой любви, он излил злобу в страшных проклятиях и дал себе слово в будущем не знаться больше с ненавистным, коварным родом человеческим.

Приняв такое решение, он трижды топнул ногой о землю, и весь волшебный дворец исчез со всем своим великолепием, и все вокруг опять превратилось в первобытную пустыню, недра земли широко разверзлись, и гном опустилс я вглубь, до противоположных границ своих владений, к центру земли, унося с собой мрачную ненависть к человеческому племени.

В то время как в горах происходила эта катастрофа, князь Ратибор думал лишь о том, как укрыть в безопасном месте прелестную добычу, захваченную им на большой дороге. С великим торжеством доставил он свою красавицу невесту в столицу ее отца. Сочетавшись с ней браком, он разделил с женой отчий престол и построил город Ратибор *, носящий это название и до наших дней.

История о чудесном приключении Эммы в Исполиновых горах, о ее смелом бегстве и счастливом спасении стала народной легендой, передаваемой из рода в род с отдаленнейших времен до наших дней. Она так полюбилась силезским женщинам и их соседкам на севере и юге, на востоке и западе, что они зачастую применяют ту же стратегию и отсылают немилых мужей считать репы, когда назначают свидание любезному другу.

А жители тех мест, не зная настоящего имени своего грозного соседа, горного духа, дали ему насмешливое прозвище — Рюбецелер, или сокращенно — Рюбецаль, что значит Репосчет.

так, мать-земля искони была прибежищем для жертв несчастной любви. Неудачники и горемыки, дети Адама, обманувшиеся в своих надеждах и желаниях, прокладывали себе туда путь с помощью веревки и кинжала, свинца и яда, через чахотку и сухотку, а то и каким-либо иным мучительным способом. Но духи не нуждаются во всех этих ухищрениях и пользуются сверх того преимуществом — возвращаться при желании на поверхность земли, если они утешились или страсть их остыла, тогда как для смертных обратный путь в мир закрыт навеки.

Полный негодования, покинул гном землю с твердым намерением никогда больше не смотреть на дневной свет. Но мало-помалу благодетельное время смягчило бурю его гнева. Все же это длилось очень долго: девятьсот девяносто девять лет прошло, прежде чем исцелилась старая рана властелина гор.

И вот однажды, когда его одолевали сильное уныние и скука и он был в очень дурном расположе-

нии духа, его любимец, придворный шут подземного царства, забавный Кобольд, предложил совершить увеселительную прогулку в Исполиновы горы. Такое предложение понравилось его величеству, и не прошло и минуты, как далекая цель путешествия была достигнута. Гном очутился посреди большой лужайки своего прежнего парка, которому он, как и всей окрестности, мгновенно придавал прежний вид. Однако от человеческого глаза это оставалось скрытым. Путники, проходившие через горы, ничего здесь не видели, кроме самых глухих дебрей. Вид местности, напоминавший ему безвозвратную пору его любви, озаренную розовым сиянием, вновь всколыхнул в нем все мысли о его давнем любовном приключении, и ему казалось, что встреча с прекрасной Эммой произошла не далее как позавчера, а образ ее витал перед ним так зримо, словно она стояла тут рядом. Но воспоминание о том, как она перехитрила и обвела его вокруг пальца, с новой силой возбуждало в нем гнев на все человечество.

— Несчастные земные черви, — вскричал он, озирая с высокой горы колокольни церковей и монастырей в городах и местечках. Вы, я вижу, все так же влачите жалкое существование внизу, в долине. Вы немало изводили меня своими кознями и коварством, но теперь я отмщу за все. Буду травить и преследовать вас, чтобы вы трепетали перед духом гор.

Едва произнес он эти слова, как услышал вдали человеческие голоса. Трое молодых парней шли через горы и самый смелый из них беспрерывно кричал:

— Рюбецаль, иди сюда! Эй, Рюбецаль, похититель девушек!

Скандальная хроника о любовном приключении горного духа с незапамятных времен неизменно переходила из уст в уста и, как водится, обрастала новыми вымышленными подробностями. Каждый путник, вступающий в Исполиновы горы, неизменно заводил со своими сотоварищами разговор об этом приключении, приводил бесчисленные небылицы о привидениях, преследуя цель напугать робких.

Но вольнодумцы, шутники и философы, которые среди бела дня и в многолюдном обществе не верят в привидения и лишь смеются над ними, нередко в пути, шутки ради или чтобы доказать свою храбрость, прини-

мались вызывать горного духа и бранить его ненавистной кличкой. Никто никогда не слышал, чтобы миролюбивый горный дух наказал за это оскорбителя, но это происходило лишь потому, что до глубины его преисподней не доносилось ни одного слова из этих злобных насмешек. Тем более он был поражен теперь, услышав «скандальную хроника» о себе самом, изложенную со всей откровенностью. С быстротой ветра помчался он над мрачным сосновым лесом, намереваясь задушить беднягу, потешавшегося над ним без всякого злого умысла. Но тут ему пришло в голову, что такой открытой местью он вызовет большой переполох в деревнях, путники будут избегать этих мест, перестанут ходить через горы, и он, таким образом, лишится возможности продолжать свои проделки над людьми. Поэтому он предоставил парню с товарищами спокойно идти своей дорогой, но про себя решил не оставлять его озорство безнаказанным.

На ближайшей развилке дорог насмешник простился с обоими попутчиками и на этот раз добрался благополучно до Гиршберга, своего родного городка. Но незримый провожатый следовал за ним до постоянного двора, чтобы знать, где в случае надобности отыскать его. Затем вернулся в горы и стал думать, как бы отомстить за себя. Вдруг видит, идет по дороге в Гиршберг богатый еврей, и в голове гнома мелькнула мысль сделать ростовщика орудием своей мести. Приняв облик своего оскорбителя, он присоединился к путнику и, дружески беседуя с ним, незаметно увел в сторону от дороги, а когда они очутились в чаще, злодейски напал на него, вцепился в бороду, сильно исколотил, а затем, повалив наземь, связал, заткнул рот кляпом и похитил кошель, полный денег и драгоценностей. Хорошенько отделав его кулаками и дав на прощанье крепкого пинка, он ушел, бросив в кустах бедного еврея, ограбленного и полуживого.

Когда еврей пришел в себя от испуга и убедился, что жив, то начал стонать и громко звать на помощь, потому что боялся умереть с голоду в этой ужасной пустыне. Скоро к нему подошел почтенный человек, по виду горожанин из близлежащего города, и спросил, что с ним приключилось. Увидев, что еврей связан, он распутал веревки на его руках и ногах — словом, сделал все, что

сделал евангельский милосердный самаритянин для человека, подвергнувшегося нападению разбойников, — освежил его глотком чудесной студеной воды, оказавшейся при нем, вывел на дорогу и затем, как ангел Рафаил * юного Товия, дружески проводил до дверей постоянного двора в Гиршберге. Там он дал ему немного денег на пропитание и простился.

Каково же было удивление еврея, когда, войдя в кабачок, он увидел, что грабитель его сидит за трактирным столом свободно и непринужденно и ведет себя как человек, не знающий за собой никакого преступления. Он сидел за кружкой местного вина, шутил и забавлялся со своими собутыльниками, а рядом лежал его дорожный мешок, куда был запрятан украденный кошель. Пораженный еврей не знал, верить ли своим глазам. Он пробрался в уголок и стал обдумывать, как ему вернуть свою собственность. Он был твердо уверен, что не ошибся, и поэтому незаметно вышел за дверь, отправился к судье и написал «письмо с приветом вору»¹.

Гиршбергская юстиция славилась тогда тем, что быстро и рьяно восстанавливала право и справедливость, если при этом было чем поживиться, но там, где следовало выполнять свой долг *ex officio*², она, как и во всяком другом месте, двигалась черепашьим шагом. Многоопытный еврей был уже знаком с этими обычаями и указал нерешительному судье, колеблющемуся подписать его прошение, на ценность *congrus delicti*³. Эта блестящая надежда заставила судью поторопиться с приказом об аресте. Стражники вооружились копьями и кольями, оцепили кабачок, схватили ни в чем не повинного преступника и провели в помещение ратуши, где уже собрались мудрые отцы города.

— Кто ты, — сурово спросил городской судья, когда подсудимого ввели в комнату, — и откуда пришел?

Тот отвечал чистосердечно и без всякого страха:

— Я честный человек, портной по профессии, зовут меня Бенедикс, пришел из Либенау, а здесь нахожусь на службе у мастера.

¹ Так в давние времена в судах называли официальное заявление о краже. (Прим. автора.)

² По обязанности (лат.).

³ Вещественные доказательства (лат.).

— Не ты ли злодейски напал в лесу на этого еврея, жестоко избил, связал и присвоил его кошель?

— Я этого еврея никогда в глаза не видел, не избивал его, не связывал и не брал его кошель. Я — честный ремесленник, а не разбойник с большой дороги.

— Чем ты докажешь свою честность?

— Моим цеховым свидетельством и уверенностью в том, что совесть моя чиста.

— Покажи свидетельство.

Бенедикс спокойно развязал мешок, будучи уверен, что в нем ничего нет, кроме приобретенной честным трудом собственности, но что это?.. Под жалкими пожитками, вытряхнутыми из мешка, что-то зазвенело, вроде как золото. Стражники проворно начали рыться в его вещах и вытащили оттуда тяжелый кошель. Обродованный еврей тут же признал претензию на *deductis deducendis*¹ и заявил, что это — его похищенная собственность. Малый стоял бледный, как громом пораженный; он едва не лишился чувств от ужаса, губы у него тряслись, колени подгибались. Он потерял дар речи и был не в силах произнести ни слова. Нахмуренный лоб и грозное лицо судьи не предвещали ничего доброго.

— Ну что, злодей! — заремел о н . — Хватит ли у тебя наглости и теперь отпираться?

— Смилуйтесь, господин судья, — зарыдал обвиняемый, бросаясь на колени и умоляюще простирая руки, — всех святых неба призываю я в свидетели, что невиновен в ограблении и не знаю, какими судьбами кошель еврея попал в мой мешок. Бог тому свидетель!

— Ты уличен, — продолжал судья, — кошель — в твоём мешке, что достаточно наглядно доказывает твою вину. Окажи уважение господу богу и властям и добровольно сознайся, прежде чем явится палач и пытками вынудит тебя сказать правду.

Перепуганный Бенедикс продолжал настаивать на своей невиновности, но он взывал к глухим; его принимали за упорного мошенника, который всячески старается увильнуть от виселицы. Тогда пригласили страшного мастера Хемерлинга *, дабы он докопался до истины и стальными аргументами своего красноречия заста-

¹ Законная доля, причитающаяся суду (*лат.*).

вил преступника оказать на свою шею уважение богу и властям. Бедный парень окончательно потерял радостное спокойствие человека с чистой совестью и весь затрепетал в ожидании предстоящих мук. Когда палач уже вознамерился поднять его на дыбу, бедняга понял, что эта операция делает его неспособным к труду и навсегда лишит возможности взяться за иглу. Не желая оставаться на всю жизнь калекой, он решил разом покончить со всеми мучениями и сознался в грабеже, в коем не был виноват ни душой, ни телом.

На этом следствие *brevi manu*¹ было закончено, и подсудимый, по единогласному приговору судьи и помощников, присужден к повешению, каковой приговор, по обычаю скорой на руку юстиции и для экономии издержек, надлежало привести в исполнение на следующий день рано поутру. Публика, привлеченная захватывающим судебным делом и предстоящей казнью, находила решение мудрого магистрата справедливым и верным, но всех громче рукоплескал судьям милосердный самаритянин, пробравшийся в зал суда и неустанно превозносивший любовь к справедливости господ из Гиршберга. И действительно, никто не принял более горячего участия в этом деле, чем этот друг человечества, а был то не кто иной, как сам Рюбецаль, невидимой рукой переложивший кошель еврея в мешок портного.

На другой день рано утром он в образе ворона уже поджидал у здания суда выхода печальной процессии, которой надлежало сопровождать жертву его мести на виселицу. У него начал разгораться вороний аппетит, так не терпелось выклевать казненному глаза. Но в тот день он ждал напрасно.

Некий благочестивый монах, брат Граурок, совсем иначе расценивал смысл обращения на путь истинный грешников на лобном месте, чем некоторые новоиспеченные теологи, и старался всех грешников, которых он готовил к смерти, ревностно насытить духом святости. Но невежественный Бенедикс оказался таким грубым, неотесанным и тупым чурбаном, что монах понял невозможность в короткий срок, отпущенный ему для увещания, выкроить из него святого. Поэтому он просил суд о трехдневной отсрочке, каковой наконец, не без большого

¹ Без проволочек (*лат.*).

труда и под угрозой отлучения от церкви, добился у богобоязненного магистрата.

Когда Рюбецаль узнал об этом, то полетел в горы, чтобы там дождаться часа мести. По привычке прогуливаясь по лесу, он вдруг увидел молодую девушку, расположившуюся на отдых под тенистым деревом. Голова ее устало поникла, и она поддерживала ее белоснежной рукой. Платье на ней было недорогое, но чистое и городского покроя. Время от времени она вытирала рукой слезы, катившиеся по щекам, и жалостные вздохи порой вырывались из ее пышной груди. Когда-то гном уже испытал на себе влияние женских слез. И сейчас они так растрогали его, что он впервые решил сделать исключение из взятого себе правила: травить и тиранить детей Адама, проходящих через горы. В нем даже проснулось благотворное чувство сострадания, и он проникся желанием утешить красавицу. Приняв образ почтенного горожанина, он подошел к молодой девушке и приветливо спросил:

— О чем ты грустишь здесь, милая девушка, одна в глуши? Не скрывай от меня своего горя, кто знает, может быть я смогу помочь тебе.

Девушка, глубоко погруженная в свои печальные мысли, вздрогнула, услышав его голос, и подняла опущенную голову. Ах, какие тоскующие, лазурные глаза взглянули на него! Их нежный мерцающий свет мог бы растопить даже стальное сердце. Две прозрачные слезы сверкали в них, как алмазы, а хорошенькое юное лицо выражало невыносимую боль, что придавало еще больше прелести ее миловидному, невинному облику. Увидев перед собой человека столь почтенной наружности, девушка открыла свой пунцовый ротик и проговорила:

— Какое вам дело до моего горя, добрый человек? Вы все равно ничем не поможете. Я — несчастная убийца, я погубила человека, которого любила, и хочу искупить свою вину слезами и скорбью, пока сердце мое не разорвется от горя.

Почтенный человек удивился.

— Ты — убийца? — вскричал он. — С таким ангельским личиком ты носишь ад в сердце? Невозможно! Правда, люди способны на всякое зло и коварство, это мне известно, однако от тебя я этого не ожидал!

— Я вам поясню, если хотите, — возразила опечаленная девушка.

— Говори.

— Был у меня друг детства, — всхлипнула та, — сын добродетельной вдовы, нашей соседки. Став взрослым, он сделал меня своей избранницей. Он был так мил и добр, так честен и правдив, любил меня так верно и преданно, что завладел моим сердцем, и я поклялась ему в вечной любви. Ах! Я, змея, отравила сердце любимого человека, заставила его забыть наставления честной матери и толкнула на преступление, за которое он поплатится жизнью!

— Ты? — воскликнул гном.

— Да, сударь, я — его убийца, я заставила его стать разбойником на большой дороге и ограбить лукавого еврея. Его схватили господа из Гиршберга, приговорили к повешению и — о горе! — завтра он будет казнен!

— И в этом ты виновата? — спросил пораженный гном.

— Да, господин, на моей совести его загубленная жизнь!

— Каким же образом?

— Он отправился странствовать через горы и, когда прощался со мной, обнимая, сказал: «Будь мне верна, дорогая. Когда яблоня в третий раз зацветет и ласточка в третий раз сошьет гнездо, я вернусь из странствия и возьму тебя в свой дом как молодую жену...» И я в этом твердо поклялась. Когда яблоня в третий раз зацвела и ласточка в третий раз свила гнездо, Бенедикс вернулся. Он напомнил мне о своем обещании и уже хотел вести к венцу, а я давай его дразнить да насмехаться, как это часто делают девушки со своими женихами, и все твердила: «Не стану я твоей женой: моя кровать тесна для двоих, а у тебя нет ни кола ни двора. Добудь побольше блестящих монет, тогда поговорим!» Бедный Бенедикс, как он был опечален этими словами. «Ах, Клерхен, — сказал он, глубоко вздохнув, и слезы навернулись у него на глаза, — если у тебя на уме только деньги да богатство, значит, ты не такая честная девушка, какой была прежде. Разве не пожала ты мне руки, когда клялась в верности, а что я имел тогда, кроме этих рук, чтобы прокормить тебя? Откуда в тебе столько гордости и тщеславия? Ах, Клерхен, я все понял — другой,

богатый, жених похитил у меня твое сердце. Вот как ты вознаградила меня, неверная? Три года я прожил в одиночестве, в тоске и ожидании, считая каждый час до того дня, когда введу тебя в дом своей женой. Как быстро и легко надежда и радость несли меня вперед, когда я странствовал в горах, а теперь ты отворачиваешься от меня».

Он просил и умолял меня, но я стояла на своем: «Мое сердце не отвергает тебя, Бенедикс. Я только временно отказываю тебе в своей руке. Прибери хозяйство и деньги и, когда все это у тебя будет, приходи, и я охотно разделю с тобой свою постель». — «Хорошо, — бросил он гневно, — раз ты так хочешь, я пойду по свету, буду бегать, просить милостыню, грабить, убивать, и ты увидишь меня не раньше, чем я добуду гнусные деньги, чтобы заплатить за любовь твою. Будь, здорова, я ухожу, прощай». Так свела я бедного Бенедикса с пути истинного. Он ушел от меня обиженный, добрый ангел-хранитель оставил его, и он сделал то, к чему сердце его питало отвращение.

При этих словах почтенный человек покачал головой и после минутного молчания задумчиво пробормотал:

— Странно.

Затем обратился к девушке.

— Но за чем, — спросил он, — ты оглашаешь безлюдный лес своими жалобами, которые не помогут ни тебе, ни твоему жениху?

— Дорогой господин, — возразила она, — я направлялась в Гиршберг, но вдруг мне так стеснило сердце от горя, что я была вынуждена присесть под этим деревом.

— А что тебе делать в Гиршберге?

— Упаду к ногам беспощадного судьи и постараюсь громкими воплями умиловать его, и дочери города помогут мне в этом. Может быть, господа сжалятся и даруют жизнь невинному. Ну, а не удастся мне вырвать своего милого из когтей позорной смерти, то с превеликой радостью умру вместе с ним.

Дух был так растроган столь задушевными словами, что с этой минуты оставил всякую мысль о мести и решил возвратиться безутешной девушке ее милого.

— Осуши слезы, — сказал он участливо, — и прогони печаль свою. Прежде чем взойдет солнце, твой милый будет свободен, как ветер. Завтра, как только запоет первый петух, жди и слушай. И когда постучат в твою

окно, отвори дверь каморки, за ней увидишь своего Бенедикса. Но остерегайся снова рассердить его своими непомерными требованиями. А еще знай, что он не совершил преступления, кое ты ему приписываешь, и ты, следовательно, ни в чем не повинна, ибо даже твое своеобразие не смогло толкнуть его на злое дело.

Девушка очень удивилась этим словам и пристально посмотрела новому знакомому в лицо, но, не обнаружив и тени хитрости или насмешки, поверила. Ее грустный взор прояснился, и она, все еще в сомнениях, но уже повеселев, спросила:

— Дорогой господин, если вы не смеетесь надо мной и все обстоит так, как вы говорите, то, верно, вы — пророк или добрый ангел моего любимого, а не то откуда вы все это знаете?

— Добрый ангел? — пробормотал Рюбецаль смущенно. — Нет, совсем нет, но я могу стать таковым и докажу это! Я горожанин из Гиршберга и присутствовал в совете, когда судили бедного грешника, но его невиновность доказана, а потому не бойся за его жизнь. Я пойду и освобожу Бенедикса от оков, потому как имею в городе большое влияние. Приободрись и ступай с миром домой!

Девушка тотчас же повиновалась и пустилась в путь, хотя страх и надежда все еще боролись в ее груди.

Досточтимому патеру Грауроку нелегко пришлось, когда он в трехдневный срок, оставшийся до казни, надеющимся образом подготавливал преступника, сиюсь вырвать его грешную душу из рук дьявола, которому, по его мнению, она была прозакладана с детства. Ведь несчастный Бенедикс был невежественный селянин, привыкший иметь дело больше с иглой и ножницами, чем с четками. Он постоянно путал «Богородицу» с «Отче наш», а о «Символе веры» и вовсе ничего не знал. Усердный монах прилагал все усилия, чтобы научить его последнему, и потратил на это целых два дня. Но когда он заставлял беднягу повторять слова молитвы наизусть, то, если даже тому и удавалось что-либо запомнить, он часто возвращался мыслью к земному и в продолжение всего урока негромко вздыхал: «Ах, Клерхен!» Поэтому набожный монах нашел нужным, как того требует религия, стращать заблудшую овцу адом. Это ему настолько удалось, что перепуганный Бенедикс обливался холод-

ным потом от ужаса, к священной радости своего наставника, и мысль о Клерхен совершенно вылетела у него из головы. Обещанные ему в аду муки неотступно стояли у него перед глазами, и он ничего не видел, кроме козлоногих, рогатых чертей, которые лопатами и крюками волочили проклятых грешников в чудовищную геенну огненную. Это мучительное состояние духовного сына позволило рьяному пастырю так глубоко проникнуть в его сердце, что он нашел теперь более благоразумным опустить завесу на заднем плане и скрыть за нею страшную картину ада. Но тем сильнее он разжигал перед ним огонь чистилища, что, впрочем, было слабым утешением для Бенедикса, который страшно боялся огня.

— Сын мой, велик твой грех, — говорил пастырь, — и потому не страшись пламени чистилища, ибо оно поможет тебе смыть его. Благодарю бога, что жертвой твоего злодеяния стал не правоверный христианин, а не то, во искупление греха, тебя пришлось бы опустить в кипящую смолу по самое горло на тысячу лет. Но ты ограбил всего лишь презренного еврея, и душа твоя за сто лет успеет очиститься, как серебро, побывавшее в огне, я же буду молить господу не погружать твою бренную плоть в неугасимую лаву глубже, чем по пояс.

И хотя Бенедикс прекрасно сознавал свою невиновность, в нем жила такая непоколебимая вера в право своего духовника казнить и миловать, что он совсем не рассчитывал на пересмотр своего дела на том свете, настаивать же на пересмотре его в этом мире остерегался из страха перед пыткой. Поэтому все надежды он возложил на помощь духовного отца. Он умолял своего Радаманта * о милосердии и пытался как можно больше сократить предстоящие муки чистилища. Наконец строгий духовник согласился погрузить его в жидкое пламя только по колена, но на этом уперся и, несмотря на все мольбы, не уступил более ни дюйма.

Не успел неумолимый враг греха покинуть тюрьму, в последний раз пожелав безутешному преступнику спокойной ночи, как повстречал у выхода невидимого Рюбецаля, не решившего еще, каким способом ему выполнить свое намерение и выпустить преступника на свободу, да так, чтобы не испортить удовольствия гиришбергским блюстителям закона и дать им возможность, хоть и с опозданием, привести в исполнение свой приговор,

ибо магистрат снискал уважение горного духа своим неусыпным попечением о справедливости. Внезапно его осенила мысль, показавшаяся удачной. Вслед за монахом он проскользнул в монастырь и, похитив одно из его монашеских одеяний, накинул оное на себя. Так, в образе брата Граурока, он направился в тюрьму, дверь которой ему раболепно открыл надзиратель.

— Забота о спасении твоей души, — обратился он к узнику, — вновь привела меня сюда, хотя я только что покинул темницу. Сознайся, сын мой, что еще тяготит твое сердце или совесть, дабы я утешил тебя?

— Досточтимый отец, — ответил Бенедикс, — совесть моя спокойна, но чистилище страшит и пугает меня, и ужас тисками сжимает сердце.

Приятель Рюбецаль имел очень слабое и смутное представление о догматах церкви, и потому простительно, что он ответил вопросом на вопрос:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ах, отче, — ответил Бенедикс, — брести по колена в огненной лаве — этого я не выдержу.

— Глупец, — возразил Рюбецаль, — так не бреди, если она для тебя слишком горяча.

Бенедикс смешался при этих словах и удивленно посмотрел пастырю в лицо. Тот заметил это и сообразил, что ответил невпопад. Тогда он переменял тему.

— Ладно, поговорим об этом после, — заметил он, — а теперь скажи, думаешь ли ты еще о Клерхен? Любишь ли ее, считаешь ли своей невестой? И если ты хочешь что сказать ей перед тем, как уйти в иной мир, то доверься мне.

Услышав имя Клерхен, Бенедикс удивился душе прежнего. Мысли о ней, которые он так усердно пытался подавить в своем сердце, заговорили с новой силой, — особенно при упоминании о прощальном приветии, — он громко зарыдал, не в силах произнести ни единого слова. Эта душераздирающая сцена возбудила такую жалость у сострадательного пастыря, что он решил тут же покончить с игрой.

— Бедный Бенедикс, — сказал он, — утешься, будь спокоен и тверд: ты не умрешь! Я узнал, что ты не виновен в разбое и руки твои не запятнаны никаким злодеянием, поэтому и пришел освободить тебя из темницы и снять оковы.

Он достал из кармана ключ.

— Посмотрим, — продолжал он, — не подойдет ли этот.

Попытка удалась. Кандалы упали с рук и ног узника, и, избавленный от них, он свободно распрямился. Затем благодушный патер обменялся с ним платьем и сказал:

— Спокойно, как набожный монах, пройди через толпу стражников у ворот тюрьмы и по улице, пока не оставишь за собой городскую черту, тогда подбери сутану и беги в горы, без отдыха и остановки, пока не окажешься у домика Клерхен в Либенау. Тихонько постучи в окно, твоя любимая ждет тебя не дождется.

Бедняга Бенедикс подумал, что все это ему грезится. Он тер себе глаза, щипал руки, ноги, чтобы увериться, спит он или бодрствует, и когда убедился, что все происходит наяву, упал к ногам своего спасителя, обнял его колени, хотел выразить словами свою благодарность, но лежал в безмолвной радости, ибо язык отказывался ему служить. Любвеобильный патер выгнал его наконец вон, дав на прощание ковригу хлеба и кружок колбасы, дабы подкрепиться в дороге.

Пошатываясь на нетвердых ногах, перешагнул освобожденный через порог печального узилища и все боялся быть уличенным. Но сутана духовного лица придавала ему ореол святости и добродетели, — стражники и подумать не посмели, что под нею скрывается преступник.

Между тем Клара в грустном одиночестве сидела в своей каморке, прислушиваясь к каждому шороху ветра, к каждому звуку шагов прохожих. Часто казалось ей, будто кто-то шевелится за стеной или петли скрипят у ворот. Она испуганно вскакивала и с бьющимся сердцем смотрела в прорезь ставня, но там никого не было. Уже петух на соседнем дворе хлопаньем крыльев и пением возвестил наступление дня, колокола в монастыре прозвонили к заутрене, и звук их отдался в ее душе, как погребальный звон. В последний раз сторож протрубил в рожок, будя храпящих булочниц и призывая их начать ранний трудовой день. Огонь в лампадке у Клерхен потускнел, в ней недоставало масла. Но беспокойство росло с каждой минутой и не давало видеть доброе предзнаменование — нагар в форме великолепной розы, образовавшийся на тлеющем фитиле. Она сидела на кровати, горько плакала и вздыхала:

— Бенедикс, Бенедикс, какой страшный день наступает для нас с тобой.

Она подбежала к окну. Ах! Кроваво-красное небо нависло над Гиршбергом, и черные зловещие тучи, как траурный флер, как саван, плыли на горизонте. Сердце ее содрогнулось при виде столь дурного предзнаменования. Она погрузилась в тупое раздумье, вокруг царила мертвая тишина.

Вдруг кто-то трижды тихонько постучал в окно. Радостная дрожь пронизала все ее существо. Она вскочила и громко вскрикнула, услышав голос, прошептавший в прорезь ставня:

— Дорогая, ты не спишь?

Вмиг она очутилась у двери.

— Ах, Бенедикс! ты ли это, или только тень твоя?

Но, увидев брата Граурока, она упала навзничь и потеряла сознание от ужаса. Тут рука верного Бенедикса нежно обняла ее, и поцелуй любви, лучшее средство от всех истерик и обмороков, мгновенно привел невесту в чувство.

Когда прошли первые мгновения радостного свидания, когда закончились сердечные излияния, Бенедикс рассказал ей о своем чудесном спасении из ужасной темницы. Однако от изнеможения и жажды язык его прилипал к гортани. Клара принесла холодной воды. Утолив жажду, он почувствовал сильный голод. Но у нее не оказалось никаких припасов, кроме хлеба и соли — традиционной пищи всех влюбленных. При этом оба они на радостях поспешили уверить друг друга, что всю свою жизнь готовы довольствоваться этим, лишь бы оставаться вместе.

Тут Бенедикс вспомнил о копченой колбасе, вытащил ее из кармана и крайне удивился, что она стала тяжелой, словно железная подкова. Он разломил ее и... о диво! Оттуда посыпались настоящие золотые монеты, при виде которых Клара сильно испугалась, ибо подумала, что эти деньги — позорная добыча и что Бенедикс не так уж невиновен в ограблении еврея, как уверял почтенный человек, встретившийся ей в горах. Но честный парень торжественно поклялся ей, что это скрытое сокровище, наверное, свадебный подарок благочестивого монаха, и она поверила его словам.

С глубоким чувством превозносили они своего вели-

кодушного благодетеля. Затем оба покинули родной город и переехали в Прагу, где мастер Бенедикс долгие годы жил в почете и довольстве со своей женой Klarой и многочисленным потомством, коим благословил их господь. Страх перед виселицей так глубоко укоренился в душе Бенедикса, что он никогда не обманывал своих заказчиков и, вопреки нравам и обычаям своих товарищей по ремеслу, не утаивал ни одного обрезка материи.

В тот ранний утренний час, когда Клара, не веря своему счастью, услышала стук жениха в окно, другой стук раздался в дверь тюрьмы. Гиршберга. То был брат Граурок, который в своем благочестивом рвении едва дождался наступления дня, чтобы закончить обращение бедного грешника и передать его, наполовину уже очищенного от грехов, в руки насильника-палача. Рюбецаль, взявший на себя роль преступника, из уважения к закону, решил разыграть ее до конца. Он, казалось, спокойно приготовился к смерти. Набожный монах радовался этому и принимал стойкость приговоренного за благословенный плод своих трудов над душой бедного грешника. Он не преминул поддержать своим духовным увещанием его душевное равновесие и заключил свое нравоучение такими утешительными словами:

— Множество людей пойдут провожать тебя к месту казни. Имей в виду, что столько же ангелов готовы принять твою душу и повести ее в светлый рай.

Затем он снял с узника оковы и уже собирался исповедать его и отпустить грехи, как ему пришла мысль еще раз повторить с ним вчерашний урок, с тем чтобы несчастный грешник, когда будет стоять под виселицей, окруженный народом, мог, в назидание зрителям, свободно и без запинки прочитать вслух «Символ веры». Но как же растерялся монах, когда убедился, что слова молитвы за ночь бесследно испарились из памяти бестолкового узника. Благочестивый пастырь был убежден, что это шутки сатаны, который хочет вырвать у неба отвоеванную душу. Поэтому он стал усердно заклинать черта, но никакими силами не удалось ему изгнать дьявола и вбить в голову преступника слова «Символа веры».

Меж тем время шло, и исполнительные судьи сочли, что настал срок предать тело казни, совершенно не беспокоясь о состоянии души своей жертвы. Без дальней-

ших проволочек приговор был приведен в исполнение, и поскольку Рюбецаль был выведен из тюрьмы в образе закоренелого грешника, то весьма охотно подчинился всей процедуре смертной казни. Когда его столкнули с лесенки, он изо всех сил начал барахтаться в петле и забавлялся этим так долго и так неистово, что даже палачу стало жутко, ибо в толпе поднялся внезапный ропот и послышались голоса, предлагавшие побить палача камнями за то, что он чрезмерно мучил бедного грешника. Дабы избежать этого, Рюбецаль вытянулся и притворился мертвым. Но когда народ разошелся и около уголовного суда осталось только несколько человек, которые прогуливались вблизи виселицы, желая из озорного любопытства подойти поближе и осмотреть труп, шутник в петле снова начал свою игру и напугал зрителей страшными гримасами. Поэтому к вечеру разнесся слух, будто висельник никак не может умереть и все еще танцует в петле перед зданием суда; это побудило сенат поручить нескольким депутатам рано утром исследовать дело точнее. Но когда они прибыли на место, то ничего в петле не нашли, кроме пука соломы, укутанного в старые тряпки, наподобие чучела, какие обычно ставят на гороховом поле, чтобы отпугивать лакомок воробьев. Гиршбергские господа крайне удивились и велели в полной тайне снять с виселицы соломенное пугало и пустить слух, будто ночью сильный ветер сорвал труп легковесного портного с петли и унес через границу.

е всегда Рюбецаль был расположен великодушно исправлять зло и вред, причиненные его шалостями людям. Часто он мучил людей только из злобной мстительности и нисколько не заботился о том, дурачили он честного человека, или мошенника. Сколько раз присоединялся он в качестве провожатого к одинокому страннику, незаметно сбивал его с пути и, оставив посреди болота или у обрыва на вершине горы, исчезал, насмешливо хохоча. Сколько раз пугал трусливых рыночных торговков причудливыми призраками невиданных зверей, появление которых давало повод к забавным недоразумениям. Так, недавно один из наших натуралистов, по имени Бюшинг*, причислил самого Рюбецаля к представителям европейской фауны, в то время как смахивающий на леопарда мифический зверь, появляющийся по временам в Судетских горах и прозванный молочницами «Ризов», был всего лишь одним из обликов, принимаемых Рюбецалем. Не раз поражал он параличом коня под всадником, и

тот не мог сойти с места, не то ломал колесо или ось у телеги или сбрасывал перед возницей на узкую дорогу глыбу оторвавшейся скалы, которую с превеликим трудом приходилось оттаскивать в сторону, чтобы очистить путь. Часто невидимая сила держала пустой фургон, так что шесть горячих коней не могли его сдвинуть, а если возница высказывал предположение, что это шутки Рюбецаля, или с досады раздражался бранью по адресу горного духа, тот выпускал тучу оводов, отчего кони бесились, или осыпал его градом камней, а то невидимой рукой награждал оскорбителя палочными ударами.

С одним старым пастухом, человеком простым и прямодушным, он завел знакомство и даже нечто вроде взаимной дружбы. Он разрешал ему гонять стадо к самой изгороди своих садов, на что никакой другой пастух не отважился бы. Горный дух слушал рассказы седовласого старца о его небогатой событиями жизни с таким же удовольствием, с каким биограф Ганса Губрига * расписывал страдания и радости старого саксонского крестьянина, хотя Рюбецаль не так назойливо пережевывал эти истории, как тот. И все-таки однажды старик провинился. Как-то по привычке он пригнал свое стадо к границам владений гнома, и несколько овец, сломав изгородь, проникли в сад и принялись щипать траву на лужайке. Приятель Рюбецаль рассвирепел и нарочно так напугал стадо, что овцы в диком беспорядке бросились с горы вниз. Большинство овец погибло, что причинило пастуху большой убыток, лишив его средств к существованию. Он совершенно разорился и от огорчения умер.

Некий врач из Шмидеберга, болтун и хвастунишка, имевший обыкновение ходить в Исполиновы горы за целебными травами, также изредка удаивался чести беседовать с гномом, не будучи с ним знакомым. Тот являлся ему то в образе дровосека, то путешественника и не без удовольствия выслушивал поучения шмидебергского эскулапа * о его чудесном искусстве врачевания. Он был так любезен, что подчас неск за ним изрядную часть пути тяжелый сноп трав и указывал ему на некоторые, еще неизвестные тому целебные их свойства. Но врач, считавший себя более сведущим в ботанике, чем дровосек, обижался на эти поучения и однажды недовольно проворчал:

— Всяк сверчок знай свой шесток. И незачем дровосеку учить врача. Но раз уж ты так сведущ во всех травах и деревьях — от зверобоя, растущего на каменных стенах, до кедра ливанского, — то скажи мне, мудрый Соломон *, что появилось прежде: желудь или дуб?

Дух ответил:

— Наверное, дуб, ибо плод происходит от дерева.

— Дурак, — отвечал врач, — откуда же произошло первое дерево, как не от семени, заключенного в плоде?

Дровосек возразил:

— Этот вопрос, знаешь ли, для меня слишком мудрен. Но и мне хочется предложить тебе один вопрос: кому принадлежит земля, на которой мы стоим, — королю Богемии или хозяину гор? (Так называли соседи горного духа с тех пор, как на опыте убедились, что имя «Рюбецаль» было под запретом в горах и приносило производившим его одни колотушки да синяки.)

Врач незамедлительно ответил:

— Я считаю, что эта земля принадлежит моему господину, королю Богемии, а Рюбецаль — лишь плод воображения, бессмыслица, пугало, выдуманное для детей.

Едва произнес он эти слова, как дровосек вмиг обратился в страшного великана с горящими глазами и свирепым лицом. Он яростно набросился на врача и заорал грубым голосом:

— Вот он, Рюбецаль! Я тебе покажу такое пугало, что и костей не соберешь!

Он схватил его за шиворот и давай швырять от дерева к дереву, от скалы к скале, как это проделал некогда в комедии черт с доктором Фаустом; напоследок вышиб ему глаз и бросил на землю полумертвым. С тех пор врач закалялся ходить в горы за травами.

Вот как легко было потерять дружбу Рюбецаля! Но так же легко можно было и приобрести ее. У одного крестьянина, жившего в окрестностях Рейхенберга, злой сосед оттягал все имущество и землю, и когда по приговору судьи увели последнюю коровенку, у него ничего уже не оставалось, кроме измученной жены и полудюжины детей, половину которых он охотно заложил бы судьям за свою последнюю скотинку. Правда, была у мужика еще пара здоровых, крепких рук, но их было недостаточно, чтобы прокормить себя и семью. Сердце сжималось от горя, когда его маленькие галчата про-

силы хлеба, и нечего было дать им, чтобы утолить мучительный голод.

— Будь у меня сто талеров, — сказал он своей жене, убитой горем, — я поднял бы наше разоренное хозяйство и приобрел новый участок земли подальше от клязского соседа. У тебя есть богатые родственники по ту сторону гор. Думаю сходить к ним, рассказать о своей нужде. Может, кто из них сжалятся и ссудит мне по доброте сердечной от излишков своих необходимую сумму под проценты.

Удрученная женщина согласилась на это предложение, ибо иного выхода она не видела, хотя и слабо надеялась на успех. Рано утром муж собрался в путь и, прощаясь с женой и детишками, сказал им в утешение:

— Не плачьте, сердце мне подсказывает, что найдется благодетель и поможет нам больше, чем все четырнадцать угодников, к которым я так часто и напрасно паломничал.

Затем сунул в карман корку черствого хлеба на дорогу и ушел. Усталый и изнуренный полуденным зноем и дальней дорогой, пришел он под вечер в деревню, где жили богатые родственники. Но те и знать его не желали, не то чтобы приютить. Со слезами на глазах сетовал он на свою нужду, но жестокосердые скряги словно оглохли, да еще осыпали его упреками и оскорблениями. Один говорил: «Добро береги смолоду»; другой: «Гордость — источник всех бед»; третий: «Что посеешь, то и пожнешь!»; четвертый: «Каждый сам — кузнец своего счастья».

Так издевались и насмехались они над беднягой, ругая мотом и лентяем, а потом и совсем вытолкали за дверь. Не ожидал бедняк такого приема от богатой женой родни. Безмолвный и печальный, поплелся он из деревни, и так как у него не было денег, чтобы уплатить за ночлег на постоялом дворе, пришлось заночевать в поле, под стогом сена. Но глаз он так и не сомкнул и все ждал рассвета, чтобы отправиться домой.

Когда он добрался до горы, его охватило такое горе и обида, что он едва не впал в отчаяние. «Два рабочих дня потерял я напрасно, — думал он. — И теперь, когда, усталый, обессиленный неудачей и голодом, лишенный утешения и надежды, я вернусь домой, шесть бедных

крошек протянут ко мне ручки, ожидая, что я накормлю их. А я вместо хлеба смогу предложить им только камень. О сердце, отцовское сердце! перенесешь ли ты все это? Лучше тебе разорваться, бедное сердце, чем испытывать такое страдание! И он бросился под куст терновника, чтобы и дальше предаваться своим печальным размышлениям.

Но подобно тому как душа на краю гибели напрягает последние силы, изыскивая путь к спасению, и трепещет каждая клеточка мозга, исследуя все уголки памяти, силясь найти избавление от надвигающейся беды или отсрочку ее; подобно тому как боцман, видя, что суденышко его тонет, быстро взбирается по веревочной лестнице на мачту, чтобы уцепиться за нее или, если он находится в трюме, выскакивает через люк, в надежде ухватиться за доску или пустую бочку, чтобы удержаться на воде, — так и отчаявшемуся Вейту, среди тысячи бесполезных планов и замыслов, внезапно пришла мысль обратиться с просьбой к духу гор. Он слышал много чудесных историй о том, как иногда тот потешался над путниками, обижал их и всячески дурачил, но подчас делал и добро. Ему было также небезызвестно, что гном мстил всякому, кто в насмешку произносил его прозвище. Но бедный крестьянин не знал иного способа вызвать духа и, не испугавшись ожидавшей его потасовки, закричал что было мочи:

— Рюбецаль! Рюбецаль!

И тотчас же на этот зов появился закоптелый угольщик с огненно-рыжей бородой, доходившей до пояса, и неподвижными горящими глазами; он держал в руках кочергу, похожую на вал ткацкого станка, и яростно замахнулся ею, как бы намереваясь прилепнуть дерзкого насмешника.

— Смилуйтесь, господин Рюбецаль, — сказал Вейт, ничуть не испугавшись, — простите, если я вас неправильно назвал. Выслушайте меня, а потом делайте со мной, что хотите.

Смелая речь человека и страдальческое выражение его лица, на котором не было ни задора, ни любопытства, несколько смягчили ярость гнома.

— Земной червь! — загремел о н . — Как ты посмел тревожить меня? Иль ты не знаешь, что за эту дерзость можешь поплатиться головой?

— Сударь, — ответил Вейт, — нужда заставила меня обратиться к вам, кому ничего не стоит исполнить мою просьбу. Одолжите на три года сто талеров, и я верну их, как полагается, с процентами, вот честное вам слово!

— Глупец, — возразил гном, — что я, ростовщик или еврей, чтобы давать деньги под проценты? Иди к своим братьям людям и занимай там сколько угодно, а меня оставь в покое.

— Увы, — отвечал Вейт, — со своими братьями людьми я порвал навсегда. Когда дело касается денег, человек человеку волк!

Тут рассказал он гному всю свою историю и так трогательно изобразил свою безысходную нужду, что тот не смог отказать ему в просьбе. Если бы этот горемыка даже не заслуживал сострадания, то смелость его затеи — попросить у гнома денег в долг — казалась ему столь новой и странной, что за одно доброе доверие он готов был исполнить просьбу этого человека.

— Пойдем, — сказал он и повел крестьянина в глубь леса, к уединенной долине, где высилась крутая скала, поросшая у подножия кустарником. С трудом продираясь сквозь густые заросли, Вейт со своим провожатым добрался наконец до входа в мрачную пещеру. Бедняге стало жутко, когда он ощупью брел в крошечной тьме. Мурашки пробегали у него по спине, и волосы вставали дыбом.

«Рюбецаль уже не одного обманул, — размышлял он. — Почем знать, а вдруг у моих ног бездна. Еще шаг — и я провалюсь в преисподнюю».

К тому же он слышал ужасный шум, словно в пропасть с огромной высоты низвергалась вода. Чем дальше он шел, тем сильнее сжималось у него сердце от страха; но вскоре он с радостью увидел впереди мерцающий голубой огонек. Своды пещеры расширились и образовали большой зал. Огонек горел ярко и трепетно посреди скалистой пещеры, как висячий светильник. Вейту бросился в глаза стоявший на каменном полу медный пивоваренный котел, доверху наполненный серебряными талерами. При виде этого сокровища страх его как рукой сняло и сердце запрыгало от радости.

— Бери, — молвил дух, — сколько душе угодно. Да оставь мне расписку, долговое обязательство, коль хоть малость маракуешь в грамоте.

Должник согласился и честно отсчитал сто талеров, ни одним больше, ни одним меньше. Дух, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания: отвернувшись, он все отыскивал письменные принадлежности. Вейт написал договорное обязательство со всей тщательностью, гном запер таковое в железный ларчик и на прощанье сказал:

— Ступай, приятель, и расходи эти деньги, как надлежит трудолюбивому человеку. Не забывай, что ты — мой должник, и потому точно заметь, как отыскать эту долину и расселину скалы. Ровно через три года ты вернешь мне капитал с процентами. Я — беспощадный кредитор: не заплатишь вовремя, взыщу долг силой.

Честный Вейт пообещал внести долг день в день и поручился в том своей честью, однако не клялся и не закладывал свою душу, как делают обычно беспутные должники. С благодарностью в сердце простился он со своим кредитором в пещере, откуда легко нашел выход.

Сто талеров возымели столь дивное действие на его самочувствие и настроение, что он, выйдя на дневной свет, ощутил необычайный прилив бодрости, словно там, в расселине скалы, выпил эликсир жизни. Радостный, он направил шаг к своему жилищу и ступил на порог убогой своей хижины, когда день уже клонился к вечеру. Как только голодные дети увидели его, все в один голос закричали:

— Хлеба, отец, дай хлеба! Мы так ждали тебя!

Изнуренная несчастьями жена сидела в углу и плакала. Подобно всем малодушным людям, она опасалась худшего и ждала жалоб и проклятий мужа. Но тот ласково протянул ей руку, велел развести в очаге огонь и сварить кашу, да такую крутую, чтобы ложка стояла; из Рейхенберга он принес в мешке крупу и пшено. Потом поведal ей, что хлопоты его увенчались полным успехом.

— Твоиродственники, — продолжало он, — оказались справедливыми людьми, они не попрекали меня бедностью, не отреклись от меня, не указали с руганью на дверь, они дружески приютили родича, открыли ему свое сердце и объятия и дали заимообразно сто талеров наличными.

С груди славной женщины свалился тяжелый камень, столько времени давивший ее.

— Постучись мы раньше в должную дверь, — сказала она, — то избегли бы многих горестей. — Она не могла нахвалиться дружбой тех, от кого раньше ждала мало хорошего, и все гордилась своими богатыми родственниками.

После стольких перенесенных невзгод муж не мешал ей радоваться и восхищаться своей богатой родней, поскольку это льстило ее самолюбию. Но женщина тянула эту волюнку вот уже который день. Тогда Вейту, которому надоели хвалебные гимны жадным драконам, сказал:

— Знаешь, какое мудрое поучение дал мне богатый кузнец, когда я постучался к нему в дверь?

— Какое? — спросила жена.

— «Всяк кузнец своего счастья, — сказал он. — Куй железо, пока горячо». А потому давай-ка возьмемся за работу да потрудимся на славу, чтобы через три года расплатиться с кредиторами да избавиться от долгов.

Вейт купил пашню и луг, потом еще и еще один и под конец целую гуфу*. Благословение лежало на деньгах Рюбецаля, словно среди них был неразменный талер. Вейт засевал поле и собирал урожай и вскоре прослыл по всей округе зажиточным селянином. А в кошельке у него еще позвякивали монеты, и он постепенно расширял хозяйство. На третий год, кроме своей усадьбы, он арендовал еще одну, приносившую недурной доход. Короче говоря, ему все удавалось, за что бы он ни принимался.

Наступил срок уплаты долга, и Вейт к тому времени настолько увеличил свои сбережения, что мог вернуть его без всяких затруднений. Он приготовил деньги и в назначенный день, встав пораньше, разбудил жену, детей, велел ей умыть их и причесать, нарядить в праздничные платья, а также новые башмаки, алые корсажи и косынки, которых они в жизни своей еще не надевали. Для себя он достал костюм, в каком обычно причащались, и крикнул в окно:

— Ганс, запрягай!

— Муж, что ты задумал? — спросила жена. — Ведь сегодня не воскресенье и не праздничный день. С чего это у тебя такое веселое настроение, чего ради готовишь ты нам развлечение? И куда ты собираешься везти нас?

Он ответил:

— Хочу всей семьей навестить богатых родственников по ту сторону гор, чтобы заплатить свой долг и проценты кредитору, который помог мне стать на ноги, ибо сегодня как раз срок уплаты.

Это очень понравилось женщине. Она нарядилась сама и нарядила детей и, чтобы не ударить лицом в грязь перед богатыми родственниками и показать им, как она разбогатела, повязала вокруг шеи ожерелье из гнутых дукатов. Вейт завязал тяжелый мешок с деньгами и, когда все было готово, уселся с женой и детьми в повозку. Ганс стегнул четверку коней, и они резво побежали по ровному полю к Исполиновым горам. Перед крутым подъемом в ущелье Вейт велел остановить лошадей, сошел с повозки и то же самое предложил сделать остальным, а кучеру приказал:

— Поезжай, Ганс, медленно в гору и ожидай нас наверху у трех лип. Если мы задержимся, не беспокойся, пусть лошади тем временем отдохнут и попасутся. Есть тут одна тропинка, она делает небольшой крюк, но по ней очень приятно прогуляться.

Затем в сопровождении жены и детей он стал пробираться через густой кустарник, внимательно осматриваясь по сторонам, жена даже подумала, что муж заблудился, и принялась увещевать его вернуться назад к проезжей дороге. Но Вейт вдруг остановился и, собрав вокруг себя всех своих шестерых детей, сказал:

— Ты воображаешь, дорогая жена, будто мы едем к твоим родственникам? А я о них и думать забыл. Когда я, впад в нищету, искал у них поддержки и приюта, они насмехались и издевались надо мною, а затем высокомерно вытолкали за дверь, не дав ни гроша. Богатый родственник, которому мы обязаны своим благосостоянием, живет здесь. Он под честное слово доверил мне деньги, что так хорошо приумножились в моих руках. Сегодня как раз тот день, когда он назначил возратить долг и проценты. Ясно ли вам теперь, кто наш кредитор? Хозяин гор по имени Рюбецаль.

Женщина пришла в ужас от этих слов и перекрестилась широким крестом, а дети задрожали и робко жалась к матери, испугавшись, что отец поведет их к Рюбецалю. Они много слышали о нем на посиделках; слышали, что он страшный великан и людоед. Но отец рассказал о своем приключении, поведал, как Рюбецаль

явился на его зов в образе угольщика и как с ним потом обошелся в пещере. Вейт превозносил его великодушие с такой благодарностью в сердце и с таким искренним волнением, что загорелые щеки его оросились горячими слезами.

— Побудьте здесь, — продолжал он, — а я схожу в пещеру и завершу это дело. Ничего не бойтесь, я скоро вернусь, и если упрошу хозяина гор, он явится к вам. Без всякого страха пожмите руку вашему благодетелю, хоть она на вид черна и перепачкана в саже. Он не сделает вам ничего дурного и, думаю, будет рад услышать вашу благодарность за свое доброе дело. Только вы не робейте, и он оделит вас золотыми яблоками и орехами.

Испуганная жена замахала руками, не желая отпустить мужа в расщелину скалы, а дети, окружив отца, заплакали и захныкали; когда же он попытался отстранить их и уйти, они ухватились за его платье и не отпустили. Тогда он вырвался силой и, пробравшись сквозь густой кустарник, очутился перед хорошо знакомой скалой. Все приметы местности, столь ясно запечатлевшиеся в его памяти, были налицо: старый полузасохший дуб, у корней которого открывалась расщелина, все еще стоял тут, как и три года тому назад. Но от пещеры не осталось и следа. Пытаясь во что бы то ни стало проникнуть внутрь горы, Вейт поднял камень и постучал им по скале, полагая, что расщелина все-таки откроется, затем вытащил тяжелый мешок с деньгами и, позванивая монетами, крикнул изо всей силы:

— Дух гор, забирай свою собственность!

Но дух не появлялся и ничем не выдавал своего присутствия. И пришлось честному должнику вернуться со своими деньгами назад. Как только жена и дети издали увидели его, они радостно бросились ему навстречу. Но тот был сильно опечален, что так и не вручил кредитору свой долг. Усевшись со своей семьей на зеленом лужке, он долго размышлял, как быть дальше. Вдруг пришла ему в голову мысль повторить свою отчаянную выходку.

— Хочу, — заявил он, — назвать духа ненавистной ему кличкой. Коли рассердится, пусть надает мне тумаков, так и быть. Но зато уж на этот зов он наверняка откликнется.

И он заорал во всю глотку:

— Рюбецаль! Рюбецаль!

Перепуганная женщина просила его замолчать и пыталась зажать рот рукой, но он не слушался и продолжал кричать. Вдруг самый маленький сынишка прижался к матери и испуганно закричал:

— Ой, ой, черный человек!

Вейт спокойно спросил:

— Где?

— Вон, подслушивает за деревом.

Детвора сбилась в кучу и от страха залилась слезами. Отец посмотрел, куда указывал мальчик, но никого не увидел. Малыш ошибся, то была всего лишь тень.

Короче говоря, Рюбецаль не появлялся, все было напрасно, и семейству ничего не оставалось, как отправиться в обратный путь. По широкой проселочной дороге впереди всех шел отец Вейт, задумчивый и грустный. Вдруг из лесу донесся легкий шум деревьев, стройные березки склонили свои вершины, дрожащая листва осин затрепетала сильнее. Шум приближался, ветер закачал развесистые ветви горного дуба, поднял сухие листья и стебли травы, закружил облачка пыли на дороге; дети уже успели позабыть о Рюбецале и забавлялись, ловя листья, которыми играл ветер. Вместе с сухой листвой над дорогой кружился белый лист бумаги, за ним пустился в погоню маленький мальчик, тот самый, что заметил духа. Но едва он настигал его и силился схватить, как ветер гнал листок дальше, и мальчуган оставался ни с чем. Тогда он набросил на него шляпу и наконец поймал листок. То был красивый чистый листок бумаги, и, поскольку экономный отец обычно использовал в хозяйстве каждую мелочь, мальчик, чтоб его похвалили, принес ему свою находку. Когда тот развернул скатанный в трубку листок, то увидел, что перед ним его собственное долговое обязательство, выданное некогда горному духу. Вверху оно было надорвано, а снизу стояли слова: «Благодарю, уплачено».

Вейт так искренне и глубоко был тронут этим, что в восторге воскликнул:

— Радуйся, дорогая жена, и вы, дети, радуйтесь и веселитесь. Он нас видел, слышал нашу благодарность. Наш добрый друг невидимо присутствовал среди нас и знает, что Вейт — честный человек. Я свое обещание исполнил. Теперь со спокойной совестью можно вернуться домой.

Родители и дети пролили еще много радостных слез благодарности, прежде чем вернулись к своей повозке. Жене очень хотелось нанести визит жадным родственникам и похвастать своим богатством, уж больно она разозлилась на этих скряг после рассказа мужа. Они быстро покатали за горы и под вечер остановились в деревне у того самого крестьянского двора, откуда три года назад выгнали Вейта. На этот раз он смело постучался и спросил хозяина. На стук его появился совершенно чужой человек, и Вейт узнал от него, что их родственников нет в общине. Один умер, другой разорился, третий уехал бог-весть куда, и местожительство его никому не известно.

Вейт со своими домочадцами переночевал у гостеприимного хозяина, который подробно рассказал ему и жене о родичах, и на следующий день вернулся в деревню к своему хозяйству. Он приумножил свое состояние и всю жизнь оставался честным и зажиточным человеком.

ЛЕГЕНДА ЧЕТВЕРТАЯ

ак ни старался Вейт, облагодетельствованный гномом, скрыть действительный источник своего процветания, дабы не возбуждать в докучных просителях желания дерзко приставать к властелину гор с просьбами о подобных же милостях, однако в конце концов история получила огласку, ибо если тайна муженька висит у женщины на устах, то достаточно малейшего дуновения ветерка, чтобы она сорвалась и улетела, как мыльный пузырь с соломинки.

Жена Вейта доверила свою тайну молчаливой соседке, та — куме, кума — своему крестному, деревенскому парикмахеру, а тот всем своим клиентам. Так слух разнесся по деревне, а потом и по всему приходу. Разорившиеся хозяева, лодыри и тунеядцы навострили уши. Они толпами уходили в горы, дразнили гнома, заклинали его, а потом обращались к нему с мольбами. За ними потянулись кладоискатели и странники, исходившие горы вдоль и поперек в надежде найти котел с деньгами. Некоторое время Рюбецаль не мешал

им хозяйничать как вздумается: не стоило труда сердиться на таких глупцов. Лишь изредка, в ночное время, он проделывал над ними невинные шутки: то тут, то там зажигал он голубые огоньки, а когда искатели сокровищ кидались к ним, набрасывали на них шапки да шляпы и принимались копать, тут он и подкладывал тяжеленный горшок; торжествуя, те несли находку домой, девять дней хранили в строгой тайне, а когда приходили взглянуть на сокровище, то вместо денег находили зловонные нечистоты или же черепки да камни. И все равно они не оставляли своих попыток и продолжали безобразничать. Это наконец рассердило гнома. Он осыпал беспутный сброд обильным градом камней и выгнал вон из своих владений. Он так озлобился и ожесточился, что ни один путник не проходил теперь через горы без страха и редко кто избегал колотушек, а имя Рюбецаля забыли когда и слышали в горах.

В один прекрасный день дух грелся на солнышке у ограды своего сада. Мимо него легкой походкой прошла маленькая женщина в сопровождении такой странной свиты, что привлекла к себе внимание гнома. Одного ребенка она держала на руках, другого несла за спиной, третьего вела за руку, а четвертый, постарше, семенял за ней с порожней корзиной и граблями, чтобы нагрести листья для скота.

«Да, — подумал Рюбецаль, — мать — это действительно доброе создание; плетется с четырьмя детьми и безропотно выполняет свой долг, да еще потащит тяжелую корзину с листвою. Дорога расплата за радости любви!»

Это зрелище настроило его на добродушный лад и расположило завести с женщиной беседу. Она усадила детей на лужайку, а сама стала обрывать листья с кустов. Малюткам скоро наскучило сидеть, и они громко заплакали. Тотчас же мать оставила работу и принялась с ними играть, шалить и развлекать их. Она брала детишек на руки, кружилась с ними, пела и шутила, а затем, убаюкав, опять возвращалась к делу. Но вскоре малюток начали жалить комары, и они захныкали. Мать, не выказывая нетерпения, побежала в лес, набрала земляники и малины для старших, а самого маленького покормила грудью. Эта материнская забота растрогала гнома. Но

крикун, который приехал на материнском горбу, никак не унимался. Упрямый и своенравный мальчишка отшвыривал ягоды земляники, с любовью протянутые матерью, и ревел, будто его резали. Тут наконец терпение женщины лопнуло.

— Рюбецаль! — позвала она. — Где ты? А ну, съешь крикуна!

Немедля на ее зов появился дух в образе угольщика и, шагнув к ней, молвил:

— Я здесь. Что тебе надобно?

При его появлении мать охватило великое смятение, но, бойкая и храбрая по натуре, она не растерялась и тут же, собрав все свое мужество, схитрила:

— Я звала тебя утихомирить моих крошек, но видишь, они замолкли. Больше мне ничего от тебя не надо. Спасибо, что откликнулся!

— Иль ты не знаешь, — возразил гном, — что меня нельзя вызывать безнаказанно? Ловлю тебя на слове, — подавай сюда крикуна, я его съем. Такого лакового кусочка мне давненько не перепадало. — И он протянул перепачканную сажей руку, чтобы схватить дитя.

Как наседка, заметив парящего над крышей коршуна или расходившегося во дворе пса, тревожным хлоптаньем сзывает цыплят в надежную плетенку, а затем, взерошив перья и распластав крылья, кидается в неравный бой с более сильным врагом, так женщина яростно вцепилась черному угольщику в бороду, с невообразимой силой сжала кулак и закричала:

— Чудовище, скорее ты вырвешь из материнской груди сердце, нежели отнимешь у меня невинного крошку!

Такого мужественного нападения Рюбецаль не ожидал. Он робко отступил назад; не приходилось ему еще получать колотушек от людей. Он дружелюбно улыбнулся женщине:

— Ну, не сердись, не сердись, я не людоед, как тебе показалось, и вовсе не хочу зла ни тебе, ни твоим детям. Но крикуна мне все же отдай, приглянулся он мне! Он заживет у меня барчуком, будет ходить в шелку да бархате и вырастет славным парнем, который будет кормить своих родителей и братьев. Хочешь за него сто гульденов?

— Ха, х а , — засмеялась бойкая женщина, — так вам нравится мой мальчуган? Да, это — лихой парень, и ни за какие сокровища мира я его не отдам!

— Чудачка, — возразил Рюбецаль, — ведь у тебя останутся еще трое, они тебе в тягость и часто надоедают. Ломай голову, чем их накормить, да и покою ни днем, ни ночью.

Женщина. На то я и мать, и это мой долг. С детьми много хлопот, это верно, но немало и радости.

Дух. Хороша радость! Целыми днями возиться с этакими озорниками, водить их на помочах, купать и обстирывать, терпеть капризы и шалости.

Она. Вижу, сударь, вам, к сожалению, незнакомы материнские радости. Все заботы и труд скрашивает один ласковый взгляд, милая улыбка и лепет маленького невинного создания. Вы только взгляните, как он, мое золотко, виснет на мне! Ах ты подлиза, словно и не он ревел. Будь у меня сто рук, я бы всеми работала, чтобы растить вас и нянчить, милые вы мои крошки!

Дух. А разве у мужа твоего нет рук, чтобы работать?

Она. О да, руки у него есть! Он ими здорово орудует, и я это иногда чувствую на себе.

Дух (*возмущенно*). Как? Твой муж осмеливается поднимать на тебя руку? На такую жену? Да я ему шею сверну, мерзавцу!

Она (*улыбаясь*). Право, многим пришлось бы свернуть шею, накажи вы всех мужчин за обиды, учиненные женам. Мужья — скверный народ, недаром говорят: супружество — мука, но вышла замуж — терпи.

Дух. Раз ты знала, что мужчины — скверный народ, тогда зачем было выходить замуж.

Она. И правда, только Стефан казался расторопным малым, имел хороший заработок, а я — бедная девушка, бесприданница. Когда он пришел свататься и дал мне талер с изображением дикого человека, я тут же согласилась, и сделка была заключена. Талер он после отобрал, а дикий муж у меня и по сей день.

Дух (*рассмеялся*). Может быть, ты своим упрямством сделала его диким?

Она. О, упрямство он уже давно из меня выбил. Но Стефан — скряга; когда я требую у него праздничную

монетку¹ для детей, он бушует в доме сильнее, чем вы иной раз в горах, и все попрекает меня бедностью. Тогда я умолкаю. Будь у меня приданое, взяла бы я мушкетерку в ежовые рукавицы.

Дух. Каким ремеслом он занимается?

Она. Торгует стеклом. Из кожи вон лезет, чтобы добыть грош. Что ни год бедняга таскает тяжкий груз из Богемии; разобьет дорогой стекло, а я и мои бедные птенчики расплачивайся за это. Но колотушки милого недолго болят.

Дух. Как? И ты любишь мужа, который так с тобой обращается?

Она. Как же не любить? Разве он не отец моих детей? Вот они вырастут, станут хорошими людьми и уж наверное вознаградят нас за труды и заботы.

Дух. Жди, как же! Дети отблагодарят родителей за труды и заботы! Да они из тебя последний грош выжмут, когда император пошлет их в далекую Венгрию, чтоб их перебили турки!

Женщина. Тут уж ничего не поделаешь. Коли суждено им погибнуть, то умрут они за императора и отчизну. А может, еще вернуться с богатой добычей и станут утешением нашей старости.

И дух опять начал уговаривать женщину отдать ему мальчика, но та не удостоила его ответом, сгребла листов в корзину и, посадив сверху маленького крикуна, крепко привязала его поясом. Рюбецаль между тем повернулся, как бы собираясь уходить. Женщина попыталась поднять корзину, но та оказалась слишком тяжелой. Тогда она окликнула духа и говорит:

— Позову вас еще раз. Подсобите поднять корзину, а коль хотите порадовать мальчишку, что вам так понравился, подарите ему денежку на пару булочек. Завтра вернется отец и принесет из Богемии белого хлеба.

Дух ответил:

— Подсобить я тебе подсоблю, но раз ты не даешь мне мальчугана, пусть остается без подарка.

— Воля ваша! — бросила женщина и пошла своей дорогой.

¹ Мелкая силезская монета, некогда чеканилась князьями Лигницкими и подавалась в страстную пятницу беднякам. (Прим. автора.)

Но чем дальше она шла, тем тяжелее становилась ее корзина, она просто изнемогала под ее тяжестью и через каждые десять шагов останавливалась перевести дух. Ей казалось, тут что-то неладно. Женщина подумала, что это Рюбецаль в насмешку положил ей в корзину камней под листву. На ближайшей опушке она сняла корзину и опрокинула ее, но оттуда посыпались только листья, и никаких камней не оказалось. Наполнив ее снова, но теперь наполовину, она захватила еще сколько могла листвы в передник, но вскоре почувствовала, что ноша становится невыносимо тяжелой, и вновь отсыпала часть листвы из корзины. Женщина была не из слабых, ее взяло сомнение: ведь не раз она таскала эту корзину, туго набитую травой, но никогда еще так не утомлялась. Несмотря на усталость, она тотчас же по возвращении домой принялась за домашнюю работу: бросила козе и козлятам листвы, накормила детей ужином и уложила спать, прочла вечернюю молитву и с легким сердцем мгновенно заснула здоровым, крепким сном.

Утренняя заря и проснувшийся малютка, громким ревом требуя свой завтрак, пробудили хлопотливую хозяйку и призвали к повседневным обязанностям. По привычке, она первым делом отправилась с подойником в козье стойло. Какая ужасная картина предстала ее глазам! Старая коза, здоровое, упитанное животное, лежала взъерошенная и окоченевшая: она околела. Козлята еще страшно закатывали глаза, высунув языки, но по сильным судорогам было видно, что и они протянут ноги. Такое несчастье еще ни разу не сваливалось на добрую женщину с тех пор, как она стала хозяйкой. В ужасе она опустилась на охапку соломы и закрыла лицо передником, не в силах смотреть на мученья издыхающих козлят.

«Ах я горемычная, — тяжке вздыхала она, — что мне теперь делать? И что отвечу я строгому мужу, когда он вернется домой? Ах, нет мне больше божьего благословения на этом свете!»

Но тут же упрекнула себя за эту мысль:

«Разве этот скот все мое благо на этом свете? А Стефан, а дети?» — и устыдилась своего малодушия.

«Да сгинут все богатства мира, ведь у меня муж и четверо детей. Еще не иссяк молочный источник для милого

малютки, а для старших есть вода в колодце. Если даже и предстоит схватка со Стефаном и он жестоко изобьет меня, — пусть! Это всего только неприятная минутка в семейной жизни. Ведь моей вины тут нет. Предстоит жатва, — пойду работать, а зимой буду прясть до глубокой ночи. Как-нибудь скоплю денег и на козу. А добуду козу, будут и козлята».

Эти размышления вернули ей бодрость и жизнерадостность. Отерев слезы, она подняла глаза и увидела у своих ног ярко сверкавший листочек. Он блестел как золотой. Она подняла листок и осмотрела. И на вес он был тяжелый, как золото. Быстро вскочив, она побежала с ним к соседке еврейке и радостно показала ей находку. Та признала, что листок из чистого золота и тут же откупила его, выложив на стол два толстых серебряных галера. Все горе было забыто. Такого сокровища у бедной женщины никогда еще не было в руках. Она побежала к пекарю, купила штрудель и сдобный крендель, а для Стефана баранью ножку на ужин, когда он, усталый и голодный, вернется вечером домой. Как запрыгали малыши, когда мать веселая вернулась домой и угостила их таким небывалым завтраком. Она вся сияла материнской радостью, когда кормила голодную детвору. Теперь Ильзе оставалось убрать животных, издохших, понятно, по наговору колдуньи, и как можно дольше скрывать от мужа случившееся несчастье. Но ее изумлению не было границ, когда, случайно заглянув в кормушку, она увидела в ней ворох золотых листьев. Будь она знакома с греческими народными сказками, то легко догадалась бы, что ее любимые животные издохли от болезни царя Мидаса *, и все-таки она заподозрила что-то в этом роде. Поэтому, быстро наточив нож, вспорола живот издохшей козе и нашла в желудке ком золота, величиной с небольшое яблоко. То же самое оказалось и в желудках козлят.

Теперь она не знала счета своему богатству. Но одновременно свалилась на нее и большая забота. Она стала беспокойна, пуглива, сердце у нее неистово билось; она не знала, запереть ли свое сокровище в сундук, или закопать в погребе, боялась воров и искателей кладов. Кроме того, ей не хотелось открыть все сразу жадному Стефану, ибо справедливо опасалась, что, побуждаемый духом наживы, он заберет всю маммону себе, а ее с детьми заставит по-прежнему во всем терпеть нужду. Она

долго думала, как бы ей все получше устроить, да так ничего и не придумала.

Пастор села, где жила Ильза, был заступником всех угнетенных женщин и по доброте своей или из расположения к прекрасному полу, как слабейшему, весьма благоволил к ним и не давал спуску грубым мужьям, жестоко обращавшимся с его духовными дочерьми. Если кто из жен ему жаловался, он всегда брал сторону женщин, на беспутного же домашнего тирана налагал строгое покаяние. Он никогда не жалел щучьей печенки * и для угрюмого Стефана, когда тот изливал свою желчь на жену, и не раз выкуривал сатану из супружеской спальни, защищая добрую женщину. И на этот раз она прибегла к помощи духовника. Ничего не скрывая, рассказала она о приключении с Рюбецалем, как он одарил ее большим богатством и какая у нее теперь забота. В подтверждение своих слов она выложила перед ним на стол все сокровища, которые принесла с собой.

Пастор истово перекрестился, услышав о таком чудесном приключении, и в то же время очень обрадовался счастью бедной женщины и, двигая на макушке свою шапочку, стал придумывать, что бы ей посоветовать. Как бы ей без шума и не привлекая ничьего внимания спокойно пользоваться своим богатством и не допустить, чтобы зажимистый Стефан завладел им. Наконец, после долгого раздумья, он промолвил:

— Послушай, дочь моя, доброго совета: взвесь золото и отдай мне на хранение. Затем я пошлю тебе письмо, написанное по-итальянски, якобы от твоего брата. Он будто уехал несколько лет тому назад в чужие края, поступил на службу к венецианцам и на их судне уплыл в Индию. Там он и умер, отказав по завещанию все свое состояние тебе, с условием, что душеприказчиком будет приходский священник, дабы все досталось только тебе, и никому другому. Я не требую за это ни вознаграждения, ни признательности. Обещай лишь преподнести святой церкви в благодарность за счастье, ниспосланное тебе небом, богатое облачение в ризницу.

Этот совет пришелся Ильзе весьма по вкусу, и она обещала пастырю купить облачение. Он добросовестно взвесил в ее присутствии золото, все до единой драхмы, и положил в церковную казну. Женщина ушла от него повеселевшая и довольная.

Рюбецаль был таким же защитником женщин, как добрый деревенский пастырь, с тою только разницей, что последний уважал весь женский род вообще, ибо, как он говорил, к нему принадлежала пречистая дева, и относился ко всем женщинам одинаково, не оказывая предпочтения ни одной, дабы клеветнические языки не могли бросить тень на его доброе имя. Рюбецаль же, напротив, ненавидел весь женский род из-за одной девушки, которая перехитрила его. Но иногда воспоминание о ней приводило его в благодушное настроение, и он брал под защиту какую-нибудь одну и оказывал ей помощь. Насколько отважная крестьянка своим образом мыслей и поведением завоевала его расположение, настолько он был зол на грубого Стефана и загорелся желанием отомстить ему за славную женщину и разыграть с ним шутку, да такую, чтоб напугать его до смерти. Гном намеревался таким образом усмирить мужа и сделать покорным жене, чтобы та вертела им, как хотела. Для этой цели он оседлал быстрый утренний ветер и помчался через горы и долины, высматривая, как дозорный, на всех перекрестках и дорогах, ведущих из Богемии, путника с грузом на спине и, заметив такового, нагонял его и пронзительным взглядом таможенного чиновника осматривал ношу. К счастью, в этих местах не проходил ни один торговец стеклом, не то пришлось бы ему претерпеть насмешки и понести убытки, без всякой надежды на возмещение, будь он даже не тем, кого искал Рюбецаль.

При столь тщательном наблюдении тяжело нагруженный Стефан, разумеется, не мог ускользнуть от него. Под вечер на дороге показался здоровый, бодрый человек с большим коробом на спине. При каждом его шаге, твердом и уверенном, позванивала поклада. Завидев его издали, Рюбецаль обрадовался, что теперь-то он натешится своей жертвой.

С трудом переводя дух, Стефан поднялся уже высоко в гору: оставалось преодолеть последний подъем, а там начнется спуск к родной деревне, почему он и торопился. Но гора была крута, а груз тяжел. Не раз пришлось Стефану останавливаться и, подставив узловатую палку под короб, чтобы облегчить ношу, вытирать катившиеся по лбу крупные капли пота. Напрягая последние силы, он достиг наконец гребня горы, а отсюда премилая тро-

пинка вела вниз. На полдороге лежала спиленная сосна, а рядом стоял пень, прямой, как свеча, и сверху гладкий, будто стол. Вокруг зеленели травы, щавель и дикий лен. Этот уголок показался утомленному Стефану таким манящим, а место для отдыха таким удобным, это он недолго думая снял со спины увесистый короб, поставил на пень, а сам растянулся в тени на мягкой траве. Здесь он предался размышлениям, сколько чистого барыша принесет на этот раз товар, и, все точно рассчитав, пришел к выводу, что ежели из этих денег ничего не даст в дом, о питании же и одежде предоставит позаботиться прилежным рукам жены, то денег хватит, как раз чтобы купить на рынке в Шмидеберге осла для перевозки товара. Мысль о том, как он навьючит груз на серого, а сам будет спокойно шагать рядом, сейчас, когда его плечи были стерты до крови, так ободрила его, что он, естественно, увлекшись такой радостной перспективой, пошел в своих мечтах дальше.

«Будет осел, — раздумывал он, — без труда обменяю его на лошадь, а будет в стойле лошадь, найдется и клочок земли, чтобы посеять для нее овса. Один клочок легко превратить в два, два — в четыре, а со временем в целую гуфу и, наконец, в крестьянскую усадьбу. И уж тогда куплю Ильзе новое платье».

В своих мечтах он зашел уже так же далеко, как герцог Михель или смазливая молочница¹. Но тут Рюбецаль закрутил вокруг пня такой вихрь, что короб со стеклом опрокинулся, и весь хрупкий товар разбился вдребезги. Словно удар грома поразил бедного Стефана в самое сердце. В ту же минуту вдали послышался громкий хохот, а может, то было эхо, повторившее звон разбитого стекла. Но хохот показался Стефану злорадным, а невероятной силы ураган — неестественным. Он осмотрелся и, увидев, что пень и дерево исчезли, легко догадался, кто виновник его несчастья.

— О Рюбецаль! — сетовал он. — Как ты жесток! Что я сделал тебе, за что ты отнял у меня мой скудный заработок, добытый кровью и потом? Ах, теперь я — пропавший человек на всю жизнь!

¹ Персонажи известных пьес. (Прим. автора.)

Стефана охватил бешеный гнев, и он, желая большее оскорбить горного духа, стал осыпать его отборной руганью.

— Него дяй, — кричало н , — приди и задуши меня, раз ты отнял у меня все!

В этот миг жизнь в самом деле была ему не дороже разбитого стекла. Рюбецаля же и след простыл. Чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, разоренный Стефан собрал осколки, в надежде получить за них на стекольном заводе хотя бы несколько штук мелкого стекла, чтобы начать торговлю заново. В глубоком раздумье, как судовладелец, судно которого со всем живым и мертвым грузом поглотил прожорливый океан, побрел он под гору. Тяжелые мысли одолевали его, но он уже строил новые планы, как покрыть убыток и возобновить торговлю. Гут он вспомнил о козах жены в хлеву. Но она любила их, наверное, не меньше своих детей, и он знал, что добром ему не заполучить их. Тогда он придумал такую уловку: не говорить жене о своей потере и прийти домой не днем, а в полночь, украдкой; увести коз в Шмидеберг на рынок, продать там и на вырученные деньги купить новый товар; затем вернуться домой, затеять ссору с женой, придравшись, что в его отсутствие она не уберегла коз и по ее небрежности их украли.

С таким хитро задуманным планом несчастный стекольщик со своими осколками спрятался в кустарнике вблизи деревни и с тоскливым нетерпением ожидал наступления ночи, чтобы обокрасть самого себя. Едва было двенадцать, как он, словно вор, перелез через низкие ворота, открыл их изнутри и с бьющимся сердцем пробрался в хлев. Он все опасался, как бы жена не застала его за таким неправым делом. Против обыкновения, хлев был незаперт, что его удивило и одновременно обрадовало, ибо в этой небрежности он усмотрел видимость оправдания своему намерению; Но хлев оказался пуст — никаких признаков жизни: не было ни козы, ни козлят. В первое мгновение он в испуге подумал, что его опередил другой вор-собрат, более ловкий в своем ремесле. Ведь беда редко приходит одна. Ошеломленный, опустил он на соломенную подстилку и предался тупому отчаянию, ибо последняя попытка — начать все сызнова — потерпела крушение.

Вернувшись от пастыря в самом веселом расположении духа, Ильза поспешно принялась готовить к приезду мужа праздничный ужин, на который она пригласила и духовного отца — покровителя женщин, обещавшего принести с собой кувшинчик столового вина, чтобы за веселой трапезой сообщить отдохнувшему Стефану о богатом наследстве его жены и о том, на каких условиях он может пользоваться и наслаждаться им. Под вечер она то и дело посматривала в окно, не идет ли Стефан, в нетерпении выбегала за околицу деревни, оглядывая своими черными глазами дорогу, и очень беспокоилась, что его так долго нет. Когда же наступила ночь, тревога и тяжелые предчувствия преследовали ее и в спальне, а об ужине она совсем забыла. Долго не могла она смежить заплаканные глаза и только под утро забылась в тревожной полудреме.

Бедный Стефан не менее томился досадой и скукой в козьем хлеву. Он был так подавлен и так оробел, что не решался постучать в дверь. Наконец, выйдя из сарая, он нерешительно постучался и позвал улылым голосом:

— Дорогая жена, проснись ипусти своего мужа.

Как легкая серна, вскочила Ильза с кровати, услышав его голос. Она подбежала к двери и радостно бросилась ему на шею. Но он холодно и безучастно отвечал на ее теплую ласку и, сняв короб со спины, угрюмо опустился на деревянную скамью. Когда счастливая женщина увидела его грустное лицо, она прониклась к нему жалостью.

— Какая беда с тобою приключилась, дорогой муж? — спросила она озадаченно.

Он отвечал только стонами и вздохами. Но она скоро выведала у него причину горя, ибо сердце его было так переполнено, что он не выдержал и рассказал нежной супруге о постигшем его несчастье. Узнав, что Рюбецаль разыграл над мужем злую шутку, она легко догадалась о благожелательном намерении духа и не могла удержаться от улыбки, за которую в другое время Стефан рассчитался бы с нею по-свойски. Но теперь он оставил безнаказанным очевидное легкомыслие жены и только робко спросил о козах. Этот вопрос еще больше развеселил женщину, ибо она поняла, что глава дома уже успел все обследовать.

— Что ты так беспокоишься о моей скотине? Ты еще не спросил о детях, козы сейчас на пастбище и чувствуют себя превосходно. И стоит ли тебе так огорчаться козьями Рюбецала. Почему знать, а может, он или еще кто с лихвой вознаградит нас за это?

— Долго же придется тебе ждать этого, — ответил в отчаянии Стефан.

— Не говори так — счастье иногда неожиданно стучится в дверь, когда не ждешь его, — возразила жена. — Не падай духом, Стефан. Ты потерял свое стекло, я — коз, зато у нас есть четверо здоровых детей и четыре здоровых руки, чтобы прокормить себя и малышей. Это все наше богатство.

— Ах, да смилуется над ними господь! — вскричал убитый горем муж. — Если нет у нас коз, то остается только побросать всех четырех малышей в воду, прокормить их я не смогу.

— Ну, так я смогу! — сказала Ильза.

При этих словах вошел добрый пастор; он слышал всю беседу за дверью и теперь вмешался в разговор. Он прочел Стефану длинную проповедь о том, что скупость — корень всех зол и, должным образом вразумив его, рассказал евангельскую притчу о богатом наследстве жены. Затем извлек итальянское письмо и вычитал из него, что приходский пастор их села назначен, по воле завещателя, ее душеприказчиком и уже принял в надежные руки наследство скончавшегося зятя.

Стефан оторопел и молчал как истукан и только временами кивал головой, когда, при упоминании светлейшей республики Венеции, пастор почтительно дотрагивался пальцами до шапочки. Придя в себя, он упал в объятия верной жены и второй раз в жизни объяснился ей в любви, так же горячо, как и в первый, хотя теперь явно из других побуждений, но Ильза тепло приняла его слова. Теперь Стефан превратился в покладистого, услужливого мужа, любящего отца детей и к тому же прилежного и дельного хозяина, ибо праздность была не в его характере.

Честный пастор постепенно обменял золото на звонкую монету и на эти деньги купил большую крестьянскую усадьбу, где Стефан с Ильзой хозяйствовали всю свою жизнь. Излишки он отдавал под проценты и распо-

ряжался капиталом своей подопечной столь же добросовестно, как и церковной казной, не беря за это никакого вознаграждения, если не считать церковного облачения, которое оказалось столь великолепным, что его не устыдился бы сам архиепископ.

Нежная и верная мать в старости дождалась большой радости от своих детей, а любимец Рюбецаля вырос храбрым юношей, долгое время, в Тридцатилетнюю войну, служил в армии императора под командованием Валленштейна * и стал таким же знаменитым воякой, как Штальханч *.

тех пор как гном так щедро наградил матушку Ильзу, о нем долгое время не было ни слуху ни духу. Хотя в народе и ходили всевозможные чудесные истории, созданные фантазией кумушек на посиделках в зимние вечера, длинные и красивые, как нить кудели, выходящая из-под их прялки, — но это были пустые басни, придуманные, чтобы скоротать время. Подобно тому как на сотню глупцов и сумасшедших приходится один одержимый, на сотню фанатиков — один подлинно вдохновенный, на сотню мечтателей — один духовидец, — так и в Исполиновых горах на сотню вымышленных народных преданий о Рюбецале приходится одно истинное.

Графиня Цецилия, современница и ученица Вольтера *, последней, уже в наши дни, повстречалась с гномом до того, как он окончательно отбыл в подземный мир. Эта дама, страдавшая подагрой и всеми аристократическими недугами, добычей коих становятся изнеженные тевтонские дочери, ведущие вредный образ жизни и злоупотребляющие галльской кухней, соверша-

ла путешествие в Карлсбад с двумя здоровыми, цветущими дочерьми. Мать очень нуждалась в курортном лечении, а девушки в курортном обществе, балах, серенадах и других развлечениях, поэтому они ехали день и ночь.

Случилось так, что они замешкались в пути и очутились в Исполиновых горах уже на закате солнца. Спустился прекрасный летний вечер. Не было ни малейшего ветерка. На темном небе высыпали сверкающие звезды, ясный серп луны своим молочно-белым светом смягчал черные тени высоких пихт, а блуждающие огоньки бесчисленных светлячков, мерцавшие в кустах, как бы иллюминировали роскошную естественную сцену. Впрочем, путешественники почти не замечали красот природы: маменька, убаюканная мерным покачиванием экипажа, не спеша поднимавшегося в гору, пребывала в легкой полудреме, а дочери с камеристкой прикорнули каждая в своем уголке и тоже дремали. Лишь бдительный Иоганн, сидя на облучке, словно на дозорной башне, не смыкал глаз. Все истории о Рюбецале, которые он некогда слушал с таким восторгом, здесь, на арене этих приключений, снова пришли ему на память, а он хотел бы ничего о них не знать. О, как тосковал он о спокойном Бреславле, куда духу не так-то легко пробраться. Он робко озирался по сторонам, менее чем в минуту успевая окинуть взглядом все тридцать два направления розы ветров *, и если замечал что-либо подозрительное, озноб пробегал у него по спине и волосы становились дыбом. Иногда он высказывал свои опасения кучеру почтовой кареты и усердно выпрашивал, все ли благополучно в горах. И хотя тот ручался за это головой и крепкой кучерской клятвой, все же страх холодной рукой сжимал сердце старому слуге.

После долгого молчания, последовавшего за беседой, кучер остановил лошадей, что-то пробормотал себе под нос и снова тронул. Затем остановился еще раз — и так несколько раз. Иоганн, крепко зажмурив глаза, чувствовал в этих маневрах что-то неладное. Он робко приподнял веки и с ужасом увидел вдали, на расстоянии брошенного камня, идущую навстречу карете черную как сколь фигуру выше человеческого роста, с белым испанским воротником вокруг шеи, и, что показалось ему особенно странным, — над черным плащом не было го-

ловы. Когда останавливалась карета, останавливался и путник, но стоило Випрехту тронуть лошадей, как путник шел им навстречу.

— Кум, видишь ли ты что-нибудь? — вскричал испуганный проstack, наклоняясь к кучеру, и волосы у него зашевелились под шапкой.

— Понятно, в и жу, — ответил тот, оробев. — Молчи, только бы не сбиться с пути.

Иоганн вспомнил все краткие молитвы, охраняющие путников, какие только знал, включая *Benedicite* и *Gratias*¹, обливаясь при этом холодным потом. Как человек, боящийся грозы, едва ночью сверкнет молния и раздадутся отдаленные раскаты грома, спешит поднять на ноги весь дом, ибо чувствует себя надежнее среди людей, когда надвигается опасность, так и упавший духом слуга, из тех же побуждений, в поисках утешения и защиты у своих дремлющих господ, нетерпеливо постучал в окно кареты. Разбуженная графиня, недовольная, что нарушили ее приятную дремоту, спросила:

— Что случилось?

— Смотрите, ваше сиятельство, смотрите, — вскричал Иоганн, заикаясь, — там идет человек без головы.

— Ах ты болван, — ответила графиня, — что за чепуха мерещится твоей мужицкой башке? А если это и так, — продолжала она шутливо, — человек без головы не такая уж редкость. Их достаточно в Бреславле и в других местах.

Шутки достопочтенной мамыши не ободрили, однако, барышень. Сердца их сжались от страха, и они боязливо припали к матери и все шептали:

— Ах, это Рюбецаль, это горный дух.

Но у графини была иная теория о мире духов, чем у дочерей, она вовсе не признавала никаких духов, кроме духа остроумия и силы духа. Мать порицала дочерей за их мещанские предрассудки и доказывала, что все истории о призраках и привидениях — плод большого воображения и с Г...ской мудростью * объясняла появление духов в целом и в частности естественными причинами. В самый разгар ее красноречивых рассуждений черный плащ, исчезнувший на одно мгновение из поля

¹ «Благослови» и «Благодарю» (лат.) — католические молитвы.

зрения наблюдателей, снова выступил из-за кустов на дорогу. И тогда стало очевидно, что Иоганн ошибался. У путника, само собой, была голова, но не на плечах, как полагается, — он держал ее в руках, словно комнатную собачонку. Это страшное зрелище — на расстоянии трех шагов от экипажа — повергло в ужас всех как снаружи, так и внутри кареты. Прелестные девицы и горничная, обычно не смеющая открывать рот, когда разговаривают ее юные госпожи, одновременно испустили громкий вопль, опустили шелковые занавески на окнах, чтобы ничего не видеть, и спрятали головы, как это делает страус, когда уже не может спастись от охотника. Маменька в безмолвном ужасе всплеснула руками, и этот нефилософский жест заставил предположить, что втайне она готова отказаться от своего самоуверенного отрицания призраков. Иоганн, на которого страшный черный плащ, казалось, обратил особое внимание, в страхе поднял крик, каким обычно приветствуют привидения:

— Помяни, господи...

Но прежде чем он договорил, чудовище швырнуло ему в лоб отрубленную голову, так что бедняга кувырком скатился с козел, в то же мгновение растянулся на земле и кучер, сбитый с ног крепким ударом дубины, а из полой груди призрака раздался глухой голос:

— Это тебе от Рюбецаля, правителя гор, за то, что ты нарушил границы его владений. Теперь и карета, и упряжка, и поклажа — все мое!

С этими словами призрак вскочил на одну из лошадей и опрометью погнался в горы, так что конский храп и грохот колес заглушал крики испуганных женщин. Внезапно к их обществу присоединился еще один человек. Мимо черного плаща без всякого страха проскакал всадник, который, казалось, не замечал, что у соседа недостает головы. Он мчался перед каретой — будто для этого был нанят. Черному плащу, видно, не по нраву пришлось это соседство. Он несколько раз менял направление, но всадник делал то же самое, и сколько призрак ни сворачивал, не мог увильнуть от назойливого попутчика, словно тот был привязан к карете. Это показалось странным черному плащу, особенно когда он заметил, что у белого коня под всадником вместо четырех ног всего три, что, впрочем, не мешало трехногому Россинанту * скакать по всем правилам верховой

езды. Черного возницу объял ужас, и он догадывался, что его роль сыграна и в игру вмешался настоящий Рюбецаль.

По прошествии некоторого времени всадник повернул коня и, подъехав вплотную к вознице, дружески спросил:

— Земляк без головы, куда путь держишь?

— Еду, — ответил призрак с трусливым упрямством, — куда глаза глядят, как видите.

— Ладно, — сказал всадник, — а покажи-ка, парень, свои глаза?

С этими словами он остановил лошадей, схватил призрак в черном плаще поперек туловища и с такой силой хватил оземь, что у того кости затрещали, ибо у него оказались и кости и мясо, как их и полагается иметь. В мгновение ока с него сорвали табарро¹, и под ним обнаружилась курчавая голова на вполне нормальном туловище — призрак обратился в обыкновенного человека. Плут видел, что уличен, и, опасаясь тяжелой руки гнома, — он уже не сомневался, что всадник не кто иной, как сам Рюбецаль собственной персоной, кому он имел дерзость подражать, — сдался на милость победителя, моля только о жизни.

— Грозный хозяин гор, — возопил он, — имейте сострадание к несчастному, кого судьба с юности награждала только пинками, кто никогда не смел заниматься чем хотел, кого силой сталкивали с праведного пути, с трудом достигнутого им, и кому после того, как его существование среди людей стало невозможным, не удалось даже стать призраком.

Это обращение было сделано как раз вовремя. Гном был так же взбешен дерзостью самозванца, как некогда король Филипп * появлением Лжесебастьяна или царь Борис * — монаха Гришки * в роли Лжедмитрия. Не миновать бы парню, в соответствии с достохвальным правосудию гиришбергского уголовного суда, виселицы, не полюбопытствуя гном узнать судьбу авантюриста.

— Садись-ка, парень, на козлы да делай, что прикажут, — сказал Рюбецаль.

Потом прежде всего он вытащил из ребер своего коня четвертую ногу, подошел к дверце кареты и, открыв

¹ Плащ. (Прим. автора.)

ее, любезно приветствовал путешественник. Но внутри экипажа словно все вымерло. Испуг так потряс нервную систему дам, что все признаки жизни покинули их внешние органы чувств и переместились в самые отдаленные уголки сердца. Все, начиная от благородной госпожи до горничной, лежали в глубоком обмороке. Всадник, впрочем, быстро сообразил, как помочь горю. Из протекавшего рядом горного ручейка он зачерпнул в шляпу свежей воды и приснул в лицо дамам, затем поднес им флакончик с нюхательной смесью, потер виски ароматной эссенцией и в конце концов привел в чувство.

Одна за другой они открыли глаза и увидели перед собой стройного мужчину, вид которого не внушал никаких подозрений, а своей любезностью он скоро завоевал их полное доверие.

— Весьма сожалею, сударыни, — обратился он к дамам, — что в моих владениях вы подверглись оскорблению со стороны негодяя в маске, без сомнения намеревавшегося ограбить вас. Теперь вы в безопасности. Я — полковник Ризенталь. Разрешите мне проводить вас в свой дом, неподалеку отсюда.

Это учтивое приглашение оказалось весьма кстати, и графиня не без удовольствия приняла его. Курчавый парень получил приказ скакать дальше, что беспрекословно исполнил. Желая дать перепуганным дамам время прийти в себя, кавалер вернулся к разоблаченному призраку и заставил петлять по темным дорогам. Возница хорошо приметил, что всадник временами подзывал к себе то одну, то другую из шмыгавших мимо летучих мышей и отдавал им тайные приказания, что еще больше увеличило его тревогу. По прошествии часа вдали блеснул огонек, затем второй и, наконец, целых четыре, и вслед за тем к карете подскакали галопом четыре верховых с зажженными факелами, якобы разыскивавших своего господина, и очень обрадовались, найдя его. К графине вернулась уравновешенность, и когда она увидела себя вне опасности, то вспомнила о честном Иоганне и, беспокоясь о его судьбе, открыла свою тревогу полковнику, который тотчас же послал двух егерей, чтобы те отыскиали обоих товарищей по несчастью и оказали им необходимую помощь. Вскоре карета въехала через мрачные ворота в просторный двор и остановилась перед богатым замком, который весь сиял огнями. Ка-

валер предложил графине руку и повел ее в великолепные покои своего дома, где блестящее общество было уже в сборе. Девушки оказались немало смущены, что попали в столь изысканный круг, не успев даже сменить дорожное платье.

После первых изъявлений учтивости гости вновь разбились на несколько маленьких кружков и занялись кто игрой, кто беседой. Приключение графини долго обсуждалось, и, как обычно в пересказах о перенесенной опасности, его превратили в маленькую эпопею, в которой мамушка охотно играла бы роль героини, будь возможным умолчать о флакончике с ароматной эссенцией рыцаря, так кстати пришедшего всем на помощь.

Через некоторое время внимательный хозяин представил нового гостя, как будто специально приглашенного: то был врач. С многозначительной миной он обследовал состояние здоровья графини и ее дочерей, проверил пульс и обнаружил угрожающие симптомы. Несмотря на то что графиня после пережитого волнения чувствовала себя так же хорошо, как и прежде, грозящая ее жизни опасность беспокоила ее, ибо, невзирая на телесные недуги, ее дряблое тело было ей всего дороже; так же неохотно отказываются от привычного платья, хотя оно уже порядком изношено.

По предписанию врача она проглотила большую дозу жаропонижающих порошков и капель, и ее здоровым дочерям волей-неволей пришлось последовать примеру заботливой матери. Слишком уступчивые пациенты делают врачей более требовательными. Теперь кровожадный Теофраст * уже настаивал на кровопускании, и за отсутствием помощника хирурга сам наложил бинт. Графиня беспрекословно согласилась на знаменитую операцию, предохраняющую от всех вредных последствий испуга. Она даже не стала бы возражать, если бы в интересах ее здоровья он рекомендовал клистир. К счастью, ему не пришло на ум такое героическое средство, иначе это повергло бы стыдливых девиц в отчаяние. Увещания врача и материнский авторитет лишь с трудом заставили их преодолеть страх перед стальным скальпелем и опустить ноги в воду. Бесцветная лимфа матери и пурпуровый бальзам здоровья из жил дочерей тотчас же заструились в серебряный таз. Под конец пришла очередь горничной. И хотя она уверяла, будто

боится крови и малейшая ранка от укола швейной иглы вызывает у нее головокружение и обморок, неумолимый врач, невзирая на ее протесты, безжалостно стянул чулок с ноги миловидной девушки и пустил ей кровь так же осторожно и искусно, как и ее господам.

Едва хирургическая операция была завершена, как все общество направилось в столовую, где был уже приготовлен королевский обед. Буфеты, до самых карнизов сводчатого потолка, были уставлены серебряной посудой, сверкали золотые и позолоченные бокалы, исполинские заздравные кубки и ковши чеканной работы, предназначенные для вина. Из соседних комнат лились звуки дивной мелодии, возбуждая аппетит гостей к лакомым блюдам и тонким винам. Когда слуги убрали остатки обеда, мажордом подал причудливый десерт, изображающий горы и скалы, отлитые из окрашенного в разные цвета сахара. Затейливое кондитерское сооружение из тех, что более говорят зрению и вкусу, чем разуму, изображало все злоключения графини в крошечных сахарных фигурках, как это принято у больших господ на торжественных празднествах. Графиня втайне не могла надивиться на все это. Обратившись к соседу по столу, с лентой через плечо, богемскому графу, как тот отрекомендовался, она с любопытством спросила, какое торжественное событие отмечается здесь сегодня, и получила ответ, что ничего особого не произошло и это всего лишь дружеская встреча добрых знакомых, случайно собравшихся здесь.

Она очень удивилась. О богатом, гостеприимном полковнике фон Ризентале она никогда ничего не слышала ни в Бреславле, ни за его пределами. И сколько она мысленно ни перебирала генеалогические таблицы, коих у нее в памяти хранился большой запас, она так и не припомнила подобного имени. Она решила узнать это у самого хозяина, надеясь, что он даст ей желаемое объяснение, но он столь ловко уклонялся от ее вопросов, что она так и не достигла цели. Он умышленно обрывал генеалогические нити и переводил беседу в возвышенную сферу царства духов, а в обществе, настроившемся на вадемекумские рассказы * и на разговоры о духовидцах, беседа нередко затягивается надолго; во всяком случае, тут никогда не бывает недостатка ни в рассказах, ни в заинтересованных слушателях.

Один тучный каноник рассказал много чудесных историй о Рюбецале. Спорили по поводу достоверности этих рассказов. Графиня почувствовала себя в родной стихии, когда смогла, приняв поучительный тон, выступить против предрассудков, и возглагола философскую партию. Своим вольнодумством она загнала в тупик парализованного финансового советника, у которого не двигался ни один орган, кроме языка, и который объявил себя рьяным защитником Рюбецала.

— Моя собственная история, — сказала графиня в заключение, — является очевидным доказательством, что все разговоры о пресловутом горном духе — пустые бредни. Если бы он действительно обитал в здешних горах и обладал благородством, каким его наделяют сочинители сказок и праздные умы, то не позволил бы негодяю так бесчинствовать под своим именем. Но этот жалкий вымышленный дух не мог спасти свою честь, и не окажи нам помощь благородный господин фон Ризенталь, дерзкий парень издевался бы над нами сколько угодно.

Хозяин дома, до сих пор мало принимавший участия в философских дебатах, теперь вмешался в разговор и сказал:

— Вы совершенно опустошили мир духов, уважаемая графиня, и весь мир, созданный силой воображения, растаял у нас на глазах от ваших поучений, как легкий туман. Вы достаточно обосновали также, что давний обитатель этих мест не более как химера, и заставили умолкнуть его защитника, нашего финансового советника. Однако позвольте мне привести несколько возражений против последнего вашего довода. Что, если в вашем освобождении из рук маскированного разбойника участвовал сказочный горный дух? Что, если нашему доброму соседу вздумалось принять мой образ и под этой заслуживающей доверия личиной провезти вас в безопасное место? А ну как я скажу вам, что я, хозяин дома, не оставлял этого общества ни на мгновение? Что, если вас ввел в мой дом незнакомец, которого сейчас нет среди нас? Допустив это, можно счесть возможным, что наш сосед горный дух спас свою честь, и из этого следует, что он вовсе не химера, какой вы его считаете!

При этих словах графиня несколько растерялась, а прелестные дочки от удивления выронили из рук вилки

и неподвижно уставились на хозяина, стараясь по глазам его прочесть, шутит он или говорит серьезно. Но дальнейшее обсуждение затронутого вопроса было прервано прибытием найденных слуги и кучера. Последний испытал великую радость при виде своей четверки коней, стоявших в конюшне, а первый пришел в восторг, когда при входе в пиршественный зал увидел своих господ целыми и невредимыми.

Иоганн торжественно нес *corpus delicti*¹ — огромную уродливую голову Черного плаща, которая, как бомба, повергла его на землю. Голову препоручили врачу, чтобы тот, как сельский лекарь, по всем правилам вскрыл ее и сделал свое *visum peritum*². Однако, не применяя анатомического ножа, он тотчас признал в ней выдолбленную тыкву, наполненную песком и камнями. С помощью приделанного деревянного носа и длинной льняной бороды она была превращена в диковинную чело-веческую голову.

Встав из-за стола, гости разошлись; за окном уже брезжил рассвет. Дам ожидали великолепные шелковые постели, где они погрузились в сон, и столь скоро, что страшные картины из историй о призраках не успели возникнуть в их воображении, чтобы игрой теней навеять на них дурные сны.

Давно уже наступил день, когда маменька, проснувшись, позвонила горничной и разбудила дочек, сделавших было попытку перевернуться на другой бок в мягких пуховиках и еще немного соснуть. Но графиня горела нетерпением как можно скорей испытать на себе целительное действие вод и не склонилась ни на какие приглашения гостеприимного хозяина дома задержаться на денек, хотя девицы с удовольствием поплясали бы на балу, который он обещал дать в их честь. После завтрака дамы собрались ехать. Тронутые любезным приемом, оказанным в замке господином фон Ризенталь, который учтиво проводил их до границ своих владений, они простились с ним, обещая заехать на обратном пути.

Как только гном вернулся во дворец, к нему ввели для допроса курчавого парня, который, в страхе ожидая

¹ Вещественные доказательства (*лат.*).

² Заключение (*лат.*).

решения своей судьбы, провел бессонную ночь в подземелье.

— Несчастный земной червь, — обратился к нему гном, — ничто не помешает мне раздавить тебя за учиненное фиглярство и насмешки надо мной в моих же владениях. Ты заплатишь мне за эту дерзость своей шкурой и головой!

— Великодушный повелитель Исполиновых гор, — перебил его хитрый парень, — как ни законно ваше право на эту землю, которого я, кстати, у вас и не оспариваю, укажите все же, какие законы я нарушил, тогда и судите меня.

Эта складная речь и дерзкая уловка, к которой вполне резонно прибегнул в отношении всемогущего судьи узник, заставили гнома предположить, что он имеет дело не с простым мошенником, а с порядочным оригиналом. Поэтому дух несколько умерил свой гнев и сказал:

— Мой закон природа вписала в сердца людей, но чтобы ты не утверждал, будто я осудил тебя, не расследовав дела, выкладывай, не кривя душой, кто ты и почему под моим именем творишь бесчинства в моих же горах.

Повеление перейти к исповеди пришлось узнику по душе: он не терял надежды правдивым рассказом о своей судьбе избавиться от заслуженной кары или по крайней мере смягчить наказание.

— Когда-то, — начал он, — звали меня бедным Кунцем. В Лаубане*, входящем в союз шести городов, я, честный кошельщик, жил на свой жалкий заработок, ибо нет ремесла, питающего более скудно, чем честность, хотя мои кошельки и имели хороший сбыт, ибо о них шла слава, будто в них долго сохраняются деньги: у меня, как седьмого сына отца, была счастливая рука. Впрочем, сам я мог бы оспаривать это утверждение, ибо мой собственный кошелек был всегда пуст, как желудок добросовестного постника в пятницу. Если же у моих покупателей так хорошо сохранялись деньги в купленных у меня кошельках, то, по-моему, тут дело не в счастливой руке мастера и не в качестве работы, а в материале — они были сшиты из кожи. Надо вам знать, господин Рюбецаль, что кожаный кошелек всегда крепче держит деньги, чем сетчатый, сплетенный из шелка, весь

в дырочках. Тот, кто приобретает кожаный кошелек, — не легкомысленный мот, а человек, который, как говорит пословица, держит кошелек на запоре, в то время как прозрачный кошелек из шелка и золотых ниток находится обычно в руках знатного кутилы, а потому нет ничего удивительного, если деньги из него утекают через все отверстия, будто вино из разохшейся бочки, и сколько бы их туда ни клали, он всегда пуст.

Мой отец усердно втолковывал семерым своим сыновьям золотое правило. «Дети, — говаривал он, — что бы вы ни делали, делайте основательно». Поэтому я мастерил кошельки прочные, но не мог этим заработать достаточно на пропитание. Наступила дороговизна, война, деньги в стране обесценились. Мои товарищи по ремеслу рассуждали так: «Каковы деньги — таков и товар». Но я думал: «Прежде всего будь честен», — и делал хороший товар за плохие деньги. Так доработался я до нищенской суммы, меня бросили в долговую тюрьму и исключили из цеха, а когда кредиторы отказались кормить меня, то просто-напросто изгнали из родного города.

Однажды, когда я, нищий, бродил на чужбине, повстречался мне один из бывших моих покупателей. Он важно ехал на сытом коне и, подозревая меня, стал издеваться:

— Ты, я вижу, лодырь, никчемный работник, а не мастер своего дела. Плохо ты его знаешь: надуваешь кишки, а не наполняешь их; делаешь горшок и не умеешь варить в нем, имеешь кожу, но без колодок; делаешь такие прекрасные кошельки, а сам сидишь без денег.

— Послушай, приятель, — ответила насмешнику, — ты негодный стрелок, и твои стрелы не попадают в цель. Много в мире вещей, связанных между собой, и все-таки не встретишь их вместе. Бывают конюшни без лошадей, амбары без снопов, шкафы без хлеба или погреба без вина. И даже в пословице говорится: «У одного кошелек, у другого деньги».

— Лучше то и другое, — возразил он. — Иди ко мне в учение, и ты станешь искусным мастером. Ты прекрасно шьешь кошельки, а я научу тебя наполнять их, так-то мое ремесло. Оба эти ремесла работают одно для другого, и родственные профессии только выгадают, если будут заодно.

— Пожалуй, — решил я, — если вы — цеховой мастер на монетном дворе, тогда по рукам, если же чеканите монету на свой страх и риск, — а это опасная работа и за нее платят виселицей, — то я отказываюсь!

— Кто не рискует, тот не выигрывает, а кто сидит у миски и не черпает из нее, тот терпит голод. В конце концов не все ли равно: болтаться на виселице или подохнуть с голоду? Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

— Разница лишь в том, — напомнил я ему, — умрешь ли ты честным человеком или мошенником.

— Какой предрассудок! — возразил он. — И что за преступление наделять кружочков из металла. Еврей Ефраим * уже столько их наместерил, и все такого же веса и пробы, как наши. Что хорошо для одного, то годится и для другого.

Короче, этот человек умел уговаривать и добился своего — я пошел на его предложение. Скоро я понаторел в этой работе и, памятуя наставления отца, относился к своему делу добросовестно. Я узнал, что ремесло чеканщика монет кормит лучше и обеспечивает более привольную жизнь, чем шитье кошельков! Но когда предприятие наше достигло наибольшего расцвета, у нас появились завистники: еврей Ефраим начал жестокое гонение на своих последователей. Он донес, и нас вскоре поймали с поличным. То невинное обстоятельство, что мы не состояли в цехе, как мастер Ефраим, привело нас в тюрьму, согласно закону, на всю жизнь.

Там я провел несколько лет, как полагается грешникам, искупающим свою вину, пока добрый ангел не пролетел по стране, освобождая всех здоровых и сильных узников, и не раскрыл передо мною двери тюрьмы. То был офицер вербовщик, он обещал мне занятие поблагороднее, чем возить для короля тачку, а именно сражаться за него, и завербовал меня как волонтера. Меня устраивала такая замена. И решил я стать заправским солдатом; отличался при каждом деле, был первым в наступлении, а если мы отступали, то всегда ловко ускользал от врага, и ему никогда не удавалось настичь меня. Счастье мне улыбалось. Я уже командовал сотней рейтаров и надеялся на скорое повышение. Но раз послали меня на фуражировку, и я, следуя строгому приказу, добросовестно очистил не только склады и сараи,

но и сундуки и лари в частных домах и церквах. К несчастью, это случилось на земле союзников и вызвало большой шум. Население озлобилось, экспедицию называли грабежом, меня обвинили в мародерстве и отдали под суд. Потом разжаловали, прогнали сквозь строй в пятьсот человек и вышибли из почтенного сословия, где я надеялся сделать карьеру.

Мне ничего не оставалось, как вернуться к своему первому ремеслу, но у меня не было ни наличных на покупку кожи, ни охоты работать. В прошлом я за бесценок отдавал свои изделия, и теперь счел себя вправе возместить потерянное и стал обмозговывать, как бы половчее завладеть ими. Правда, от долгого употребления кошельки малость потерлись, ну да не беда, и они могли стать подспорьем в моем бедственном положении. Я приступил к исследованию чужих карманов и всякий обнаруженный кошелек признавал своим изделием. Я тотчас же устраивал на него охоту, и те, кои мне удавалось выудить, тотчас же присуждал себе как заслуженный приз. При этом, к моей радости, ко мне возвращалась добрая толика изготовленных мною монет, ибо, хотя их объявили фальшивыми, они были в обращении наравне с другими деньгами. Некоторое время дела мои шли хорошо. Я посещал ярмарки и рынки в разных обличиях: кавалера, торговца, еврея — и приобрел большую ловкость в своем деле. Моя рука оказалась столь искусной и ловкой, что работала без промаха и кормила меня досыта. Такой образ жизни пришелся мне по вкусу, и я решил остановиться на нем. Но своенравная судьба не давала мне стать тем, кем я хотел.

Однажды, на ярмарке в Лигнице, мне приглянулся кошелек одного богатого арендатора, такой же пузатый, как его владелец. Кошелек оказался слишком тяжел, а искусная рука изменила мне. Меня схватили на месте преступления и под негодующие возгласы публики потащили на суд, как карманника, хотя я и не заслуживал этой оскорбительной клички. Некогда я и взаправду выкроил немало кошельков, но чтобы вырезать, как меня обвинили, — никогда! Как раз наоборот, те, что я добывал, сами плыли мне в руки, словно хотели вернуться к прежнему хозяину. Все мои отговорки не помогли, и меня посадили в колодки. Злому року было угодно, в полном согласии с законом и справедливостью, еще раз

подвергнуть меня порке и лишить куска хлеба. Но я предупредил эту тягостную церемонию и, улучив момент, тайком выбрался из тюрьмы.

Я был в нерешимости, чем заняться, чтобы не голодать. Полиция в Гросглогау вздумала против моей воли взять на себя заботу о моем пропитании и силой принудить к образу жизни, который претил мне. С трудом избежал я сурового правосудия, которое присвоило себе право опекать весь мир; издавна я придерживался строгого правила — не иметь дела с полицией. Вот почему я избегал городов и бродил по стране, как вечный жид*.

Случилось, что графиня проезжала через местечко, где я находился. У кареты что-то сломалось, нужно было ее исправить, и в толпу праздных людей, собравшихся из любопытства поглазеть на чужих господ, замешался и я. Мне удалось свести знакомство с придурковатым слугою, открывшим мне в простоте душевной, что он очень боится вас, господин Рюбецаль, так как ввиду задержки в пути им придется ехать через горы ночью. Это навело меня на мысль использовать трусость путников и попытаться счастья в роли призрака. Я прокрался в дом своего покровителя и кормильца, деревенского пономаря, только что вышедшего из дому, и захватил его облачение — черную мантию. Одновременно мне бросилась в глаза тыква, украшавшая платяной шкаф. Прихватив все это да еще здоровую дубину, я отправился в лес и там вырядился в свой маскарадный костюм. Как я его использовал, вам хорошо известно, и, не вмешайся вы, трюк бы удался, ведь дело почти выгорело.

Отделавшись от обоих трусливых парней, я надеялся завести карету в глубь леса и, не причинив дамам ни малейшего вреда, предложить им небольшую сделку: обменять мою черную мантию, которая представляла немалую ценность, если принять во внимание оказанную мне услугу, на их наличность и драгоценности, а затем пожелать им счастливого пути и учтивейшим образом откланяться.

Откровенно говоря, господин Рюбецаль, я меньше всего опасался, что вы испортите мне дело. Мир стал так недоверчив, что вас не боятся даже дети, и если бы протак вроде слуги графини или древняя старуха за прялкой изредка не поминали вашего имени, вас давно бы забыли. И я подумал, что каждый, кто пожелает, может

быть Рюбецалем, но получил хороший урок, и теперь в вашей власти наказать меня. Я живу лишь надеждой, что мой чистосердечный рассказ смягчит ваш гнев. Что вам стоит сделать из меня честного человека? Если бы вы отпустили меня и дали мне кое-что на хлеб из вашего пивного котла или бы нарвали с растущих перед вашей изгородью кустов горсть терновых ягод, как вы это сделали для одного голодного странника, который едва не сломал об эти плоды зуб, ибо ягоды превратились в пуговицы из чистого золота; или преподнесли мне одну из оставшихся у вас восьми золотых кеглей — девятую вы когда-то отдали пражскому студенту, игравшему с вами в кегли, или же кувшин молока, которое, свернувшись, превратилось бы в золотой сыр, а уж если я заслуживаю наказания для назидания, высекли бы меня золотой розгой, после чего подарили бы мне на память, как тому странствующему сапожнику, о котором рассказывают мастера в трактирах, — тогда вы враз бы меня осчастливили.

Право же, господин Рюбецаль, если бы вы не были духом, вы бы поняли, как тяжело человеку переносить голод и жажду и еще тяжелее быть честным, когда во всем испытываешь недостаток. Ведь если, к примеру, чувствуешь голод, а в кошельке нет ни гроша, то надо иметь большое мужество, чтобы не украсть одну булку из хлебных запасов богатого булочника-креза *, разложившего их на прилавке. Недаром пословица гласит: «Нужда свой закон пишет».

— Проваливай, плут, — сказал гном, когда парень закончил свою речь, — убирайся на все четыре стороны. Виселица будет вершиной твоего счастья.

На этом он распростился с преступником, угостив его здоровым пинком. А тот был на седьмом небе, что так легко отделался, и все благословлял свое красноречие, которое, по его мнению, на сей раз вывело его из весьма критического положения. Он очень торопился как можно скорее уйти с глаз строгого хозяина гор и впопыхах забыл даже свой черный плащ. Но как он ни старался, он, казалось, не двигался с места, ибо перед ним были все те же места и горы, хотя он сразу, как вышел, потерял из виду замок, где был пленником.

Утомившись этим бесконечным кружением на месте, он растянулся в тени под деревом, чтобы немного отдох-

нуть и подождать какого-нибудь путника, который указал бы ему дорогу. Но тут он погрузился в крепкий сон, а когда проснулся, вокруг была густая тьма. Он хорошо помнил, что заснул под деревом, но не слышал шелеста ветерка в ветвях, не видел ни звезд, мерцающих сквозь листву, ни малейшего просвета во мраке. В страхе он хотел вскочить, но неведомая сила удержала его, и сделанное им движение отозвалось гулким звуком, похожим на звон цепей. Тогда он понял, что скован кандалами, и решил, что лежит на глубине не одной сотни сажен под землей, во власти Рюбецаля, отчего пришел в неопикуемый ужас.

Через несколько часов мрак начал мало-помалу рассеиваться, однако скудный свет падал только через железную решетку маленького оконца в каменной стене. Он не знал, в сущности, где находится, но усилие показало ему не совсем незнакомым. Он все ждал тюремного сторожа, только напрасно. Долгие часы тянулись один за другим, голод и жажда мучили узника: он начал шуметь, греметь цепями, стучать в стену, в страхе взывать о помощи. Он слышал вблизи человеческие голоса. Но никто не хотел открывать дверь тюрьмы. Наконец тюремщик, вооружившись молитвой, отгоняющей призраков, отпер дверь и, осенив себя широким крестным знамением, стал загибать черта, бесновавшегося, по его мнению, в пустой темнице. Однако, когда он ближе разглядел привидение, то узнал в нем своего беглого колодника, мастера кошелев, а Кунц — тюремного сторожа в Лигнице. Теперь он догадался, что Рюбецаль опять препроводил его *ad locum unde*¹.

— Вот так диво! — воскликнул тюремщик. — Курчавый! Ты опять впорхнул в свою клетку? Какими путями?

— Да через ту же дверь, — отвечал Кунц. — Надоело шататься по свету, вот и решил передохнуть на старой квартире, если вы, конечно, согласны меня приютить.

Всем было невдомек, как арестант попал в запертую тюрьму и кто заковал его в кандалы. Но Кунц, не желая выдавать своей тайны, утверждал, будто добровольно явился в тюрьму, будто наделен даром входить и выходить сквозь запертые двери, когда ему заблагорассудится, а также налагать на себя кандалы и освобождаться

¹ На прежнее место (*лат.*).

от них по своему желанию, потому как замки для него не преграда. Тронутые его видимой покорностью, судьи смягчили наказание и приговорили его возить тачку на короля до тех пор, пока он сам не освободится от оков, когда ему заблагорассудится. Но что-то не слышно, чтобы он воспользовался своим даром.

Между тем графиня Цецилия со своими спутниками благополучно прибыла в Карлсбад. Первое, что она сделала, — это пригласила к себе курортного врача, чтобы, как принято, посоветоваться о состоянии своего здоровья и о выборе лечения. На ее приглашение явился знаменитый тогда врач, доктор Шпрингсфельд из Мерзебурга, который не променял бы золотые источники Карлсбада даже на райскую реку Пизон *.

— Добро пожаловать, милый доктор, — приветствовали его, словно давнего друга, маменька и прелестные дочки. — Вы опередили нас, — присовокупила графиня. — Мы-то думали, что вы еще у господина фон Ризенталья. Ах вы хитрец, почему вы там от нас скрыли, что вы курортный врач?

— Ах, господин доктор, — вмешалась Гедвига, — вы прокололи мне жилу, и у меня так болит нога, боюсь, теперь я буду хромать и не смогу вальсировать.

Доктор опешил, долго думал, но не мог вспомнить, чтобы он где-нибудь видел этих дам.

— Ваше сиятельство приняли меня за кого-то другого, — учтиво сказал он. — До сего времени я не имел чести быть лично вам представленным. Господин фон Ризенталь тоже не принадлежит к числу моих знакомых, и притом я не имею обыкновения уезжать отсюда во время лечебного сезона.

Графиня могла лишь тем объяснить себе строгое инкогнито, на котором врач так настаивал, что он, вопреки нравам своих коллег, не хотел брать вознаграждения за оказанную услугу. Она возразила, улыбаясь:

— Понимаю, милый доктор, понимаю, ваша деликатность беспредельна, но и это не помешает мне считать себя вашей должницей и благодарить за ваше доброе участие.

При этом она навязала ему золотую табакерку, которую тот принял, правда всего лишь как задаток, и прекратил всякие возражения, чтобы не обидеть в лице дамы выгодную клиентку.

Врач, впрочем, весьма просто объяснил себе загадку медицинской гипотезой: должно быть, вся графская семья страдает нервным расстройством, а при нем самая причудливая игра фантазии не представляется необычной, и прописал несколько видов легкого слабительного.

Доктор Шпрингсфельд не принадлежал к числу тех беспомощных врачей, которые не могут завоевать расположение своих пациентов не чем иным, как только восхвалением своих мазей и пилюль. Как раз наоборот, он развлекал их забавными рассказами о городских новостях да невинными анекдотами, чем внушал бодрость духа своим больным.

Выйдя от графини, доктор отправился в ежедневный медицинский обход и в каждой гостиной расписывал свою беседу с новой клиенткой, приукрашая рассказ все новыми подробностями, так что при каждой передаче эта история постепенно разрасталась, причем дама представляла в ней то как больная, то как блаженная или пророчица. Было весьма любопытно познакомиться с такой необыкновенной особой, и графиня Цецилия стала в Карлсбаде притчей во языцех. Когда она впервые появилась в обществе со своими прелестными дочками, каждый стремился протиснуться к ней поближе. Маманька и дочки были в высшей степени поражены, встретив здесь все общество, которому, за несколько дней до того, их представили в замке господина фон Ризенталь. Богемский граф, пузатый каноник и парализованный финансовый советник прежде всего бросились им в глаза. Это избавило их от натянутой церемонии приседания перед незнакомыми: ни одного чужого лица в зале не оказалось. Свободно и непринужденно словоохотливая дама обращалась то к одному, то к другому из присутствующих, называя каждого по имени и титулу, много говорила о господине фон Ризентале, ссылаясь все время на беседы с ними у этого гостеприимного человека, и не могла понять, почему так холодно и отчужденно приняли ее эти кавалеры и дамы, кто не так давно проявил к ней столько внимания и дружелюбия. И она пришла к ошибочному умозаключению, будто все они в заговоре против нее, и господин фон Ризенталь вот-вот появится и тем самым положит конец этой шутке. Но она не хотела уступить ему в остроумии и решила доказать свою проницательность. Обратившись к финансовому совет-

нику, опиравшемуся на костыли, она шутливо попросила его привести в действие все свои четыре ноги, вызвать полковника из засады и привести к ним. Эти речи, по мнению курортного общества, указывали на чрезмерно возбужденное воображение, и все очень сочувствовали графине, которая казалась присутствующим очень благоразумной дамой, в речах и образе мыслей которой не обнаруживалось никаких отклонений от нормы, пока не заходила речь о путешествии через Исполиновы горы. Графиня, со своей стороны, догадывалась по многозначительным минам, по кивкам и взглядам собравшихся вокруг аристархов, что они ошибаются, считая, будто болезнь с конечностей перешла на мозг. Она решила, что наилучшим опровержением этого обидного предположения был бы откровенный рассказ о приключении на силезской границе. Все слушали ее внимательно, как слушают сказку, на несколько минут развлекающую слушателей, но не верили ни единому слову. Графиню постигла участь пророчицы Кассандры *, которую Аполлон наделил даром предвидения, но, рассерженный непокорностью своенравной жрицы, сделал так, что ее предсказаниям никто не хотел верить.

— Чудеса! — восклицали все слушатели в один голос и многозначительно поглядывали на доктора Шпрингсфельда, а тот украдкой пожимал плечами и давал себе слово до тех пор не прекращать лечения пациентки, пока минеральные воды окончательно не унесут из ее памяти фантастическое приключение в Исполиновых горах.

Между тем курорт оказал на пациентку действие, какого ожидали от него врач и она сама. Графиня видела, что ее история не встречала веры у карлсбадского израелита и даже вызвала сомнения, в здравом ли она рассудке, а потому перестала повторять ее, что доктор Шпрингсфельд не преминул приписать целебной силе источников, которые, правда, подействовали на больную, но совсем в ином отношении, а именно — избавили от ревматизма и подагры.

Когда лечение водами закончилось, а прелестные девицы насладились комплиментами поклонников, надышались фимиамом лести и устали от вальсирования, все семейство отправилось домой в Бреславль. На обратном пути умышленно выбрали дорогу через Исполиновы

горы, дабы сдержать обещание, данное гостеприимному полковнику, и захватить в его замок, где графиня надеялась получить объяснение непонятной ей загадки: почему после состоявшегося там знакомства с курортным обществом оно в Карлсбаде отнеслось к ней, как к совершенно чужой, и чем вызвано такое странное *alibi*¹, какое и во сне не приснится.

Но ни по ту, ни по эту сторону гор никто не знал не только дорогу к замку господина фон Ризенталя, но и его самого. Дама пришла в изумление и тут лишь убедилась, что незнакомец, взявший их под свое покровительство и давший им приют, был не кто иной, как горный дух Рюбецаль. Она признала, что он великодушно выполнил свой долг гостеприимства в отношении ее, и простила шутку с курортным обществом.

Всем сердцем поверила она теперь в существование духов, но все же, опасаясь насмешек, скрывала свою веру перед светом.

Со времени явления Рюбецаля графине Цецилии о нем ничего более не слышно. Он вернулся в свое подземное царство, и вскоре после этого там вспыхнул подземный пожар, который разрушил Лиссабон, а затем и Гватемалу * и оттуда распространился дальше и недавно уже потряс твердь германского отечества, так что у горных духов в недрах земли было столько хлопот в борьбе с огненной стихией, что с тех пор ни один не появлялся на поверхности земли.

И если не сбылись пророчества Хевилла * и пресловутый целлерфельдский пророк * оказался лжепророком, если страны по берегам Рейна и Неккара стоят на прежних местах так же прочно и незыблемо, как Броккен * и Исполиновы горы, если Гиршбергские господа еще не отправили за океан ни одного флота и не приняли участия в американской войне *, — то в этом заслуга бдительных гномов и их неусыпного труда.

¹ Нахождение в другом месте (*лат.*).

Сказки

ЛИБУША

В чаще Богемского леса, от которого теперь почти не осталось и следа, в те далекие времена, когда он еще покрывал всю страну, жил маленький беспечный народец, хорошо известный поэтам под названием дриад *, а старым бардам * под названием эльфов. Эти воздушные, бестелесные создания, боящиеся дневного света, были сотканы из более тонкой материи, чем люди, слепленные из жирной глины, а потому оставались неосязаемыми для грубых чувств, и только более утонченные существа, да и то лишь при свете луны, могли разглядеть их. С незапамятных времен они безмятежно обитали здесь, пока лес не огласился вдруг громкими ратными кликами.

То венгерский герцог Чех * со своими славянскими ордами вторгся из-за гор в эту негостеприимную страну в поисках новых земель. Прекрасные обительницы

вековых дубов, скал и ущелий, а также заросших тростником прудов и болот спасались бегством от бряцания оружия и ржання боевых коней. Даже властный лесной царь не вынес этого шума и спрятался со своим двором в глухой чаще леса. Только одна фея не решилась расстаться с любимым дубом, и когда люди то здесь, то там стали вырубать лес и возделывать землю под посевы, она одна сохранила мужество и решила защищать свое жилище от посягательства новопришельцев, выбрав местопребыванием своим макушку высокого дерева.

Среди придворной челяди герцога был один молодой и красивый оруженосец по имени Крок, прекрасно сложенный, сильный и полный юношеского огня; ему был поручен уход за любимыми конями господина. Крок гонял их на пастбища, иногда далеко в глубь леса, и часто отдыхал под дубом, на котором жила фея. Она благосклонно глядела на чужестранца и ночной порою, когда он дремал у корней ее дуба, навевала ему сладкие грезы и вещие сновидения, чтоб он знал, какие события ждут его на следующий день. Если же случалось коню заблудиться и Крок, потеряв его след в чаще, засыпал в тревоге, то видел во сне скрытую тропинку, ведущую туда, где пасся пропавший конь.

Чем больше земель захватывали поселенцы, тем ближе придвигались они к обиталищу феи. В силу своего дара предвидения она знала, что ее дереву грозит смерть от топора, и решила поделиться своей тревогой с гостем. Однажды, в лунный летний вечер, пригнал Крок на пастбище свой табун позднее обычного и поспешил на ночлег к высокому дубу. Дорога к нему огибала богатое рыбой озеро, в серебристых водах которого в виде блестящего конуса отражался золотой серп луны; и над этой освещенной частью его, на противоположном берегу, взору Крока представился образ девушки, которая, казалась, прогуливалась, наслаждаясь прохладой. Странное видение поразило молодого воина. «Откуда взялась эта девушка, — подумал он, — одна, в такой глуши, в ночную пору?»

Но необычайное явление это возбудило в юноше не страх, а скорее любопытство и желание познакомиться с ним поближе. Он ускорил шаг и, не спуская глаз с незнакомки, привлечшей его внимание, скоро достиг места,

где впервые заметил ее под дубом. Теперь, когда он увидел ее вблизи, ему показалось, что это прозрачная тень, а не живое существо. Он остановился удивленный, холодная дрожь пробежала по его телу, но вдруг услышал нежный голос, как бы пролепетавший ему навстречу:

— Подойди сюда, дорогой чужеземец, и не бойся. Я не призрак и не обманчивая тень. Я — лесная фея, обительница дуба, под густыми ветвями которого ты так часто находил покой. Это я убаюкивала тебя сладостными грезами и предвещала тебе грядущее. А если лошадь или жеребенок отбивались от табуна, я указывала место, где надо искать их. А теперь, в ответ на мою благосклонность, окажи мне взаимную услугу: будь защитником этого дерева, так часто укрывавшего тебя от непогоды и солнечного зноя, не дай убийственному топору твоих собратьев, опустошающих лес, ранить его благородный ствол.

Эти нежные слова рассеяли робость молодого воина, и он ответил ей:

— Богиня ты или смертная, кто бы ты ни была, требуй от меня чего хочешь, и я исполню все, что в моих силах. Но я ничтожный человек из народа, всего лишь слуга своего господина — герцога; не сегодня-завтра он может приказать мне пасти коней в другом месте. Как смогу я тогда защитить твоё дерево в лесу? Однако, если такова твоя воля, я готов оставить службу у герцога и жить под сенью твоего дуба, чтобы оберегать его всю жизнь.

— Сделай так, — сказала фея, — и ты не расквешься.

Сказав это, она исчезла, а на вершине дуба что-то зашелестело, словно легкий вечерний ветерок запутался в ветвях его и зашевелил листву. Крок постоял еще некоторое время, восхищенный представшим ему небесным видением. Такого нежного создания, такого стройного стана и прелестного лица ему никогда еще не доводилось встречать среди приземистых славянских девушек. Наконец растянулся он на мягком мху, но сон бежал его глаз, и лишь на заре он очнулся от опьянения сладостной мечтой, такой для него новой и неведомой, как первый луч света для прозревшего слепорожденного.

Ранним утром он поспешил ко двору герцога, отказался от службы у него и, собрав пожитки, с ношей на

спине тут же пошел обратно в глухой, но сулящий блаженство лес, и голова его кружилась от радостных грез.

Между тем в его отсутствие один бывалый человек, по профессии мельник, выбрал крепкий, прямой ствол дуба, пригодный для мельничного вала, и пришел со своими работниками спилить его. Пугливая фея лишь застонала, когда большая прожорливая пила вонзила свои стальные зубья в ствол — фундамент ее жилища. Она сидела на самой верхушке дерева и тоскливо смотрела вдаль, отыскивая взглядом своего верного защитника; но ее зоркие глаза нигде не могли его обнаружить. Фея так перепугалась, что совершенно утратила свойственный ей дар предвидения и не смогла предугадать ожидающую ее участь. Так дети Эскулапа *, составляя прогнозы другим, не доверяют себе, когда смерть стучится в их собственную дверь.

Но в это время Крок уже настолько приблизился к месту катастрофы, что визг пилы пронзил его слух. Этот звук в лесу не предвещал ничего хорошего. Как на крыльях помчался он к дубу и с ужасом увидел, что дереву, которое он взял под защиту, грозит гибель. Обнажив меч и подняв копьё, он в бешенстве набросился на мельника и его дровосеков и прогнал их прочь. Те приняли его за горного духа и не помня себя от страха обратились в бегство. К счастью, рана, нанесенная дереву, оказалась не смертельной и через несколько лет зажила, не оставив и следа.

Вечером, на досуге, новый поселенец выбрал местечко для своего будущего жилища, отмерил шагами участок под маленький сад и мысленно еще раз прикинул, как ему получше расположить все в этом отшельническом уголке, где он намеревался скоротать дни свои в полной разлуке с людьми, в угоду призрачной подруге, не более реальной, чем календарная святая, избранная благочестивым монахом для религиозного поклонения. И здесь, на берегу озера, вдруг появилась фея и обратилась к нему с очаровательной улыбкой:

— Благодарю, добрый чужеземец, что ты не допустил насильственной гибели от руки твоих собратьев дерева, с которым тесно сплетена моя жизнь; ибо ты должен узнать, что хотя мать-природа и наделила мой род тайной силой и познаниями, но судьбу нашу она связала с ростом и продолжительностью жизни дубов. С нашей

помощью король лесов высоко вздымает свою величавую крону над деревьями и кустарниками неблагородных пород. Мы способствуем обращению его соков в стволе и ветвях и даем силу бороться с непогодой и столетиями сопротивляться разрушающему действию времени. Зато и наша жизнь связана с его жизнью. Старится дуб, предназначенный нам судьбой в спутники жизни, старимся и мы вместе с ним. Гибнет он, умираем и мы, подобно смертным, впадая в мертвый сон до тех пор, пока, согласно закону вечного движения, которому подчинено все живое, случай или скрытое предопределение природы не соединит наше существо с новым ростком; он разовьется благодаря нашей животворящей силе и через долгие годы, превратившись в могучее дерево, вновь возвратит нас к радостям жизни. Теперь суди, какую услугу ты оказал мне своей помощью и как я благодарна за это. Требуй награды за свой благородный поступок, открой сокровеннейшее свое желание, и оно тотчас же исполнится.

Крок молчал, более поглощенный созерцанием прелестной феи, чем ее речью, из которой мало что понял. Она заметила его смущение и, желая помочь ему, сорвала сухую тростинку, росшую на берегу пруда, и, переломив на три части, сказала:

— Выбери или возьми наудачу одну из этих трубочек. Первая заключает в себе почести и славу, вторая — богатство и умение мудро наслаждаться им и третья — счастье в любви.

Юноша потупил взор и проговорил:

— Дочь небес, если ты хочешь удовлетворить желание моего сердца, то знай, что оно не скрыто ни в одной из твоих тростинок. Мое сердце жаждет большей награды. Что такое слава, как не вспышка гордости? Что богатство, как не корень алчности? И что такое любовь, как не западня страсти, сковывающая цепями благородную свободу сердца? Мое жаждет лишь одной награды: дозвожь мне после бранных трудов обрести покой под сенью твоего дуба и слушать из нежных уст твоих мудрые поучения, открывающие тайны будущего.

— Ты просишь многого, — возразила фея, — но и заслуга твоя не мала, а потому — будь по-твоему. Завеса спадет с твоих телесных глаз, и они увидят сокровенные тайны скрытой премудрости. Но, вкушая сладость плода,

не бросай кожуры, ибо мудрецу воздают величайшие почести, и он один богат, — только он умеет довольствоваться малым; он наслаждается и нектаром любви, не отравляя его нечистыми губами.

С этими словами она протянула ему три тростинки и растаяла во мраке. Молодой отшельник, весьма довольный беседой с феей, устроил себе под дубом постель из мха, и скоро сон одолел его, как одолевает человека вооруженный враг. Чудесные сновидения до самого утра витали над его головой, переполняя душу предчувствием счастья. Проснувшись, Крок весело принялся за работу; построил себе уютную скромную хижину, вскопал сад и посадил в нем розы, лилии и другие душистые цветы и травы; не забыл и про капусту и овощи, а также фруктовые деревья, дающие сладкие плоды.

Фея не пропускала ни одного вечера, чтобы не посетить его в сумерки и не порадоваться его успехам в труде. Часто они рука об руку прогуливались по заросшему камышом берегу озера, и колеблемый легким ветерком гибкий тростник напевал нежной паре мелодичную вечернюю песенку. Фея посвящала своего ревностного ученика в тайны природы, объясняла происхождение и сущность различных явлений, учила познавать их чудодейственные качества и свойства и мало-помалу превращала грубого воина в мыслителя и мудреца.

По мере того как благодаря общению с прекрасной феей чувства и восприятия молодого человека утончались, нежные формы феи, наоборот, становились более плотными и осязаемыми. Ее грудь стала чувствительной к теплу жизни, а карие глаза излучали огонь; внешне принимая облик земной девушки, она, видимо, покорялась и чувствам, свойственным цветущим дочерям земли. Идиллические свидания, будто для того и созданные, чтобы пробуждать дремлющие чувства, оказали свое обычное действие: не прошло со дня их первого знакомства и нескольких месяцев, как любезный Крок оказался во власти любовных чар, обещанных ему третьей камышовой палочкой, и он ничуть не сетовал на то, что любовь лишила его свободы сердца. Бракосочетание нежной четы совершилось без свидетелей, но радости было не меньше, чем если бы свадьба была многолюдной и шумной, и наглядные последствия их взаимной любви не замедлили сказаться: фея подарила мужу трех

прелестных дочерей, родившихся одновременно, и восхищенный плодовитостью своей супруги отец, принимая в объятья первую девочку, огласившую стены его жилища криком, назвал ее Бэлой, следующую — Тербой и, наконец, самую последнюю — Либушей.

Все три сестры были одарены божественной красотой и хотя не имели столь воздушных форм, как их мать, но все же телосложение их было нежнее, чем грубоватые земные формы отца. При этом они росли, не зная обычных детских болезней, не валялись подолгу в постели, не кричали от колик в животе, зубы у них прорезывались без эпилептических судорог, не было и признаков рахита. Они не болели оспой, и, следовательно, ни рябины или отеки, ни бельма на глазах не портили их лица; они не нуждались в помочах, ибо на девятый день уже бегали, как куропатки. Когда они подросли, в них проявились все таланты матери. Они умели отгадывать скрытый смысл событий и предсказывать будущее.

С течением времени Крок также приобрел глубокие познания в этой науке. Если случалось, что волк разгонял стадо по лесу и пастухи не могли отыскать разбежавшихся овец и коров, если у дровосека пропадал топор, — все обращались за советом к мудрому Кроку, и он указывал, где искать пропажу. Если злодей сосед похищал что-либо из достояния общины, если он в ночное время, пробравшись в хлев или в дом своего ближнего, грабил или убивал владельца и никто не мог обнаружить преступника, то спрашивали совета у мудрого Крока. Тогда он созывал всех на выгон и ставил в круг, сам же входил в середину его и пускал по кругу неподкупное сито. И не было случая, чтобы оно не указало на виновника.

Благодаря этому слава о Кроке распространилась по всей Богемии, и всякий, кто затевал какое-либо важное дело, советовался с рассудительным человеком об исходе его. Калеки и больные также ждали от него исцеления и помощи. К нему приводили даже заболевший скот, и он излечивал коров одной своей тенью так же хорошо, как хваленый святой Мартин из Ширбаха. День ото дня увеличивался приток народа к нему, и можно было подумать, что треножник дельфийского оракула * перенесен в Богемский лес. Крок давал свои советы всем, кто к нему обращался, не взимая за это никакой мзды, и бес-

корыстно помогал больным и обездоленным; и все же дар его таинственной мудрости приносил ему богатые плоды. Люди сами осыпали его подарками и приношениями, всячески стараясь доказать свое доброе к нему расположение. Он первый овладел тайной добывания золота из песков Эльбы и получал десятую часть от добычи его. Благодаря этому богатство его еще больше возросло. Он построил крепкие дворцы и замки, приобрел большие стада, плодородные земли, поля и леса и понемногу стал обладателем всех сокровищ, которые щедрая фея пророчески предназначила ему, передавая вторую тростинку.

В один ясный летний вечер, возвращаясь со своими всадниками из далекой местности, где он по просьбе двух общин решал спор о границах между двумя селениями, Крок увидел свою супругу на берегу заросшего камышом озера, там, где она явилась ему впервые. Она махнула ему рукой, и он, отослав своих воинов, поспешил навстречу фее, чтобы обнять ее. Они поздоровались, как обычно, нежно и ласково, но на сердце у нее было тяжело и грустно, а из глаз капали эфирные слезы, такие легкие и воздушные, что испарялись в воздухе, не достигнув земли. Крока поразило это зрелище. В глазах его жены прежде всегда сияли радость и искрящееся веселье юности.

— Что с тобой, возлюбленная моего сердца? — спросил он. — Страшные предчувствия разрывают мне сердце. Скажи, что означают эти слезы?

Фея вздохнула и, печально склонив головку ему на плечо, ответила:

— Дорогой супруг, в твое отсутствие я прочла в книге судеб, что древу моей жизни угрожает несчастный рок. Мне предстоит навеки расстаться с тобой. Проводи меня в замок, я благословлю детей наших, ибо сегодня вижу вас в последний раз.

— Дорогая, — возразил Крок, — прогони эти мрачные мысли. Какое несчастье может угрожать твоему дереву? Разве не крепок его ствол и не сильны его корни? Посмотри, как мощны его ветви и как широко распростерлись они, обремененные листвой и плодами. Как гордо вздымает он свою вершину к облакам. Пока мои руки в состоянии двигаться, они защитят его от любого злодея, который посмеет причинить ему вред.

— Бессильна защита, — возразила фея, — от руки смертного. Муравьям дано защищаться только от муравьев, комарам — от комаров и жалкому людскому племени — только от того же людского племени. Но в силах ли самый могущественный из вас сопротивляться законам природы и непреложному предопределению судьбы? Земные цари способны разрушить лишь малые пригорки, именуемые замками да крепостями, но даже слабый ветерок смеется над их могуществом и носится где хочет, не обращая внимания на людские запреты. Некогда ты защитил этот дуб от людского насилия, ну а налетит буря, в твоей ли власти помешать ей сорвать все листья? Или если скрытый червь гложет его сердцевину, можешь ли ты извлечь его оттуда и раздавить?

Беседуя, любящие супруги дошли да замка. Три стройные веселые девчурки вприпрыжку бросились навстречу матери, как обычно по вечерам, когда фея навещала их, и наперебой рассказывали, что успели сделать за день. Потом принесли свое шитье и рукоделия, чтобы похвастаться художественным вкусом и прилежанием, однако этот час в семейном кругу, обычно столь счастливый, на сей раз был печален. На лице отца они скоро заметили следы глубокой скорби и с горестным участием взирали на слезы матери, не решаясь спросить о причине их. Мать дала дочерям много мудрых советов и наставлений, но речь ее походила на лебединую песню, словно она прощалась с миром. Фея провела со своими близкими все время, пока на небе не зажглась утренняя звезда. Тогда она с грустной нежностью обняла мужа и детей и с наступлением утра направилась, как обычно, через потайную калитку к своему дереву, оставив в сердцах их тревожное предчувствие.

Когда взошло солнце, в природе царила затаенная тишина, но скоро тяжелые, мрачные тучи заслонили сияющий диск. День был душен, воздух насыщен электричеством, отдаленный гром прокатился над лесом, и стоголосое эхо повторило его грозные раскаты в ущельях. В полдень зигзагообразная молния ударила в дуб и с непреодолимой силой, в одно мгновение, сокрушила его ствол и сучья, разметав обломки далеко по лесу. Узнав об этом, Крок разорвал на себе одежды и вместе с дочерьми оплакивал супругу и ее дерево жизни. Затем он

собрал обломки, как драгоценную реликвию, но фея с того дня больше никогда не появлялась.

Прошло несколько лет, нежные девочки подросли; их юная красота распустилась, как расцветают из бутон роз, и слух о ней облетел всю страну. Благороднейшие юноши стекались к их отцу Кроку со всевозможными просьбами или за советом, на самом же деле под этим невинным предлогом приходили полюбоваться его прекрасными дочерьми, как обычно делают молодые люди, стараясь войти в доверие отцов, когда желают подольститься к их красивым дочерям.

Три сестры, еще плохо сознававшие силу унаследованного дара, жили между собой в большой дружбе и доверии. Даром предвидения они обладали в равной мере, и речи их были пророческими, хотя сами они этого не понимали. Однако вскоре голос лести возбудил в них тщеславие. Мелочные толкователи ловили каждый звук из их уст, поклонники пытались отгадать смысл каждого движения, подстергали малейший проблеск улыбки, изучали выражение их глаз и по этим более или менее благоприятным предзнаменованиям надеялись предугадать свою судьбу. С тех пор и пошел у влюбленных обычай — составлять гороскопы * об удаче или неудаче в любви по глазам любимой.

Едва в сердцах юных девушек зародилось тщеславие, как на пороге появился его любезный друг — высокомерие. За ним прокрались и нечестивые спутники этого чувства: самолюбие, самохвальство, самодурство и самонадеянность. Старшие сестры старались превзойти младшую в своем искусстве и втайне завидовали ее красоте: все они были прекрасны, но Либуша превосходила их своей красотой.

Бэла посвятила себя преимущественно изучению трав, как в древние времена Медея *. Она знала скрытую в травах силу и могла извлекать из них сильные яды и противоядия, а также владела искусством готовить из них для невидимых сил благовония и зловония. Когда дымилась ее курильница, она привлекала к себе духов из необозримого пространства эфира по ту сторону луны, и они покорялись ей ради возможности ощущать своим тонким обонянием сладкие ароматы. Но когда она насыпала в курильницу зловонные травы, то могла выкурить из пустыни самих Цихима и Охима *.

Терба, подобно царице Цирцее *, была изобретательна в измышлении всевозможных заклинаний, имевших власть над стихиями. Она могла вызвать бурю и вихрь, грозу и град, а также сотрясать недра земли и даже сдвигать земной шар с его оси. Своим искусством она пользовалась для устрашения народа, добиваясь, чтобы ее почитали и боялись как богиню. Она и в самом деле лучше мудрой природы умела изменять погоду по желанию и прихоти людей.

Два брата враждовали между собой, ибо желания их никогда не совпадали. Один был хлебопашцем, и для успешного роста и созревания посевов ему всегда нужен был дождь. Другой был гончар и постоянно жаждал солнечных лучей для обсушки изготовленной им глиняной посуды, которую дождь разрушал. Небо не могло угодить обоим, и они, захватив богатые дары, отправились в дом Крока и излили перед Тербой свои жалобы. Дочь феи посмеялась над братьями, не перестававшими брюзжать на благодетельную предусмотрительность природы, и удовлетворила желания обоих. Она приказала дождю падать на посев хлебопашца, а солнцу сиять рядом, над гончарней второго брата.

Своим колдовством обе сестры приобрели громкую славу и несметное богатство, ибо никогда не применяли своего дара без вознаграждения и выгоды для себя. Накопленные сокровища они тратили на сооружение замков и покупку поместий с великолепными парками, где без усталости предавались забавам и веселью, дразня и обманывая женихов, домогавшихся их любви.

Либуше были чужды гордость и тщеславие сестер, хотя она и обладала такой же способностью проникать в тайны природы и управлять ее скрытыми силами. Она довольствовалась своей долей и не желала использовать для обогащения чудесный дар, унаследованный от матери. Тщеславие Либуши ограничивалось сознанием собственной красоты. Ее не прельщало богатство, и она не добивалась, подобно сестрам, чтобы ее боялись и почитали. Пока те пировали в своих поместьях, сменяя одно шумное развлечение другим, с одним лишь устремлением — приковывать к своей триумфальной колеснице цвет богемского рыцарства, она одна оставалась в доме своего отца, вела хозяйство, давала приходящим советы, оказывала дружескую поддержку обиженным и притес-

няемым, делая все это лишь по доброте своей и не ожидая никакого вознаграждения. Она была нрава кроткого и мягкого и поведения скромного и добродетельного, как и подобает молодой девушке. Правда, втайне она радовалась победам, которые одерживала ее красота над сердцами мужчин, и принимала вздохи и ухаживания влюбленных рыцарей как справедливую дань, но никто не смел и заикнуться ей о любви и тем более посягать на ее сердце.

Но проказник Амур * как раз больше всего любит разыгрывать шутки с недоступными особами и часто, желая поджечь высокий дворец, бросает горящий факел на низкую соломенную кровлю. В глуши Богемского леса поселился один старый рыцарь, пришедший сюда еще с войском герцога Чеха. Он распахал пустошь, заложил поместье и думал на склоне лет предаться покою и кормиться урожаем своих полей. Но насильник-сосед завладел его собственностью и изгнал старика из поместья. Какой-то странноприимный крестьянин приютил несчастного у своего очага, предоставив ему кров и убежище. У бедного старика был сын, храбрый юноша, единственная отрада и опора его старости, но чтобы прокормить престарелого отца, тот ничего не имел, кроме охотничьего копья и сильных рук.

Разбой несправедливого Набала * зажег в сыне жажду мести, и он решил ответить насилием на насилие. Благородного юношу удерживал только запрет старого отца, не желавшего подвергать жизнь сына опасности. Но жажда мести не угасала в его сердце. Тогда отец призвал его и молвил:

— Иди, сын мой, к мудрому Кроку или к его умным дочерям и спроси совета: одобряют ли боги твое намерение и обещают ли тебе счастливый исход дела. Коли так, опояшь себя мечом, возьми в руки копье и отбей свое наследство. Коли нет, оставайся возле меня, пока я не закрою глаза, а там поступай как знаешь.

Юноша отправился в путь и пришел сначала к дворцу Бэлы, походившему на храм, в котором обитает богиня. Постучавшись, он попросил разрешения войти, но привратник, увидев, что юноша явился с пустыми руками, отказал ему в приеме, как нищему, и захлопнул перед ним дверь. Огорченный, он пошел дальше. Придя к

дому второй сестры, Тербы, он попросил выслушать его. Из окошка высунулся привратник и сказал:

— Если ты принес в кошельке золото, отсыпь госпоже, и она научит тебя одному из своих мудрых словечек, которое откроет тебе твою судьбу. А нет, так ступай на берег Эльбы и набери там столько золотых крупинок, сколько листьев на дереве, колосьев в скопе или перьев у птицы, вот тогда я распахну перед тобой эту дверь.

Обманувшийся в своих надеждах юноша отошел от двери и совсем пал духом, узнав, что провидец Крок уехал в Польшу, чтобы там в качестве третейского судьи уладить распрю между враждующими магнатами. От младшей сестры юноша ожидал не менее радужного приема и, завидев издали лесной замок ее отца, не осме-

лился приблизиться к нему и спрятался в густом кустарнике, где предался горестным размышлениям. Но вскоре какой-то шум отвлек его от печальных дум. Он услышал приближавшийся топот конских копыт и увидел, как сквозь кусты промчалась косуля, спасаясь от преследования грациозной амазонки, сопровождаемой всадницами на стройных конях. Она пустила стрелу, и та со свистом прорезала воздух, не попав, однако, в цель. Юноша схватил лук и, натянув тетиву, спустил оперенную стрелу, которая мгновенно пронзила сердце дикой козы и повергла ее на землю. Девушка удивилась столь неожиданному вмешательству и оглянулась, ища глазами неизвестного охотника. Заметив это, стрелок вышел из-за кустов и почтительно склонился перед ней до самой земли. При взгляде на него Либуше показалось, что никогда еще она не видела юноши прекраснее. Весь его облик произвел на нее такое сильное впечатление, что она невольно почувствовала к нему расположение, обычно выпадающее на долю людей со счастливой внешностью.

— Скажи мне, любезный чужестранец, кто ты, — обратилась она к нему, — и что привело тебя в наши владения?

Молодой человек догадался, что по воле providения нашел то, что искал. Он скромно поведал ей о своем горе, не умолчав и о том, с каким позором прогнали его от дверей ее сестер и как это его огорчило. Она ободрила его приветливыми словами:

— Следуй за мной в замок, я загляну в книгу судеб и спрошу для тебя совета. Завтра на восходе солнца ты получишь ответ.

Юноша повиновался. Во дворце его не встретил ни один привратник, который бы грубо преградил путь, а прекрасная владелица приняла стрелка с великодушным гостеприимством. Юноша восхитился радушным приемом, а еще больше красотой любезной хозяйки. Ее обворожительный образ всю ночь витал перед ним. Из всех сил он противился дремоте, стараясь припомнить малейшие подробности минувшего дня, доставившего ему столько радости. Либуша, со своей стороны, хотя и наслаждалась сладким сном, ибо для предсказания будущего должно отрешиться от влияния посторонних мыслей, нарушающих тонкость восприятия, но пылкая фантазия

спящей дочери феи связывала образ юного чужестранца со всеми знаменательными сновидениями, посетившими ее этой ночью. Она нашла его там, где не искала, и при обстоятельствах, из которых не могла понять, какое отношение могла иметь к этому незнакомцу.

Проснувшись рано утром, прелестная пророчица, как всегда, принялась разгадывать и толковать ночные видения. Ей хотелось отогнать грезы минувшей ночи, считать их заблуждением, которое нарушило мирное течение ее фантазии, и не придавать им значения. Но смутное чувство подсказывало деде, что эти возникшие в ее воображении образы — отнюдь не пустые мечты. Ей казалось, что они предрекают события, которые раскроет только будущее. Пророческий дар на этот раз вернее, чем когда-либо, раскрыл предопределение судьбы. Так узнала она, что гость, находившийся под ее кровом, воспылал к ней горячей любовью, и такое же пылкое чувство к нему ощутила она в собственном сердце. Открыв эту новость, она тотчас наложила на нее печать молчания, что же касается скромного юноши, он в мыслях уже торжественно поклялся не выдавать своей любви ни словом, ни взглядом, из боязни презрительного отказа: преграда между ним и дочерью Крока казалась ему непреодолимой.

Прекрасной Либуше было уже ясно, что ответит она молодому человеку на его вопрос, но ей было грустно так скоро расстаться с ним. Ранним утром, когда взошло солнце, она пригласила юношу в парк и сказала:

— Пелена тумана еще застигает мне глаза и не дает разглядеть твою судьбу. Подожди до захода солнца.

А вечером:

— Останься до утра.

И на следующий день:

— Побудь еще сегодня.

И на третий день:

— Потерпи еще до утра.

На четвертый день она отпустила его, ибо не находила больше повода задерживать дольше, не выдав своей тайны, и ласково дала ему такой совет:

— Боги не хотят, чтобы ты мерился силами с одним из могущественнейших в стране людей. Страдать и терпеть — вот удел слабейших. Вернись к своему отцу, будь ему утешением на старости лет и корми его трудами

своих прилежных рук. Прими в подарок двух белых быков из моего стада и этот бодец, чтобы управлять ими; и когда он расцветет и принесет плоды, ты обретешь дар предвидения.

Юноша считал себя недостойным такого подарка от прелестной молодой девушки и весь вспыхнул от стыда, что должен принять его, не имея средств ответить тем же. Он принял дар безмолвно, но тем красноречивее говорила грусть в его глазах при расставании. У ворот он увидел двух привязанных белых быков, лоснящихся и выхоленных, как тот божественный бык, на гладкой спине которого молодая Европа * некогда пустилась вплавь по голубым волнам океана. Обрадованный юноша отвязал их и не торопясь погнал перед собой.

Обратная дорога показалась ему очень короткой, настолько душа его была поглощена мыслями о прекрасной Либуше. Не смея мечтать об ответной любви, он дал себе клятву никого не любить всю свою жизнь, кроме нее.

Старый рыцарь обрадовался возвращению сына и еще больше тому, что предсказание дочери мудрого Крока так удачно совпало с его желанием. Поскольку боги указали юноше, что ему должно заниматься хлебопашеством, он не мешкая надел на своих белых быков ярмо и запряг в плуг. Первая же борозда получилась на славу. Быки обладали такой силой и выносливостью, что за день вспахали земли больше, чем это обычно делают двенадцать больших упряжек. Были они резвы и проворны, как бык в календаре *, выпрыгивающий из облаков под знаком апреля месяца, и совсем не напоминали вялого, флегматичного, евангельского быка, что уныло бредет подобно пастушьей собаке рядом со своим святым проводником.

Герцог Чех, который первым во главе своего войска ворвался в Богемию, давно уже скончался, не оставив после себя наследника трона и титула. После его кончины магнаты объявили новые выборы, но вследствие буйного и неукротимого нрава не смогли прийти к разумному решению. Корысть и самомнение уподобили первый богемский ландтаг польскому сейму. За княжескую мантию ухватилось столько рук, что ее разорвали в клочья, и она не досталась никому. Наступила анархия. Каждый делал, что ему вздумается: сильный угнетал слабого,

большой — малого, богатый — бедного. В стране не стало твердой власти, и все-таки находились умники, которые утверждали, будто в новой республике все обстоит благополучно.

— Все в порядке, — уверяли о н и , — и все идет своим чередом, как и везде: волк пожирает овцу, коршун — голубку, лиса — курицу.

Такой несправедливый взгляд на вещи не встретил поддержки народа. Когда опьянение мнимой свободой мало-помалу улетучилось и люди отрезвели, разум вступил в свои права. Патриоты, честные граждане и все, кому дорога отчизна, решили уничтожить многоголовую гидру * и вновь объединить страну под единым скипетром.

— Давайте, — говорили о н и , — выберем князя, который управлял бы нами по законам и обычаям наших отцов, обуздал бы произвол и установил в стране закон и справедливость. Пусть во главе нас станет не самый могущественный, не самый смелый, не самый богатый, но самый мудрый.

Народ, давно уставший от притеснений мелких тиранов, на этот раз был единодушен и встретил такое предложение бурным одобрением. Созвали ландтаг, и единодушный выбор пал на мудрого Крока. Снарядили и отправили к нему почетное посольство, чтобы пригласить его для принятия княжеского престола. И хотя сам он не добивался высоких почестей, однако не колеблясь согласился на требование народа. Его облачили в пурпур, и он с помпой вступил в княжескую столицу Вышеград *, где народ встретил его ликованием и принес присягу на верность. Так случилось, что и первая тростинка щедрой феи открыла ему свой дар.

Скоро слава о его мудром законодательстве и справедливости разнеслась далеко за пределы страны. Сарматские князья *, постоянно враждовавшие между собой, издаലെка приезжали к его судейскому трону разрешать свои распри. Он взвешивал их тяжбы на непогрешимых весах закона, справедливо меряя их; и если раскрывал уста, то изрекал свой приговор будто достославный Солон * или мудрый Соломон *, восседавший на троне среди двенадцати своих львов.

Однажды в Польше несколько подстрекателей, объединившись, восстали против спокойствия страны и довели легко возбудимый польский народ до бунта. Крок

отправился туда во главе войска и прекратил гражданскую войну. В благодарность за подаренный мир большая часть народа избрала его также и своим герцогом. Он построил там новый город, названный в его честь Краковом, и за городом этим до сего времени сохранилось право короновать польских королей. До конца своих дней Крок со славой управлял страной. Когда он заметил, что жизненный путь его подходит к концу и смерть близка, то велел сколотить себе гроб из обломков дуба, на котором жила фея, его супруга, и в нем похоронить свои останки. Затем с миром почил и, оплакиваемый тремя дочерьми, которые, выполняя отчую волю, положили усопшего в дубовый гроб, был предан земле. Вся страна скорбела по нем.

Едва завершилась пышная траурная церемония, выборные от всех сословий собрались на совет, чтобы решить, кто же займет опустевший герцогский трон. Народ единодушно высказался за одну из дочерей Крока, только не могли прийти к соглашению, какую из них выбрать. Меньше всего приверженцев оказалось у Бэлы, ибо у нее было недоброе сердце и она часто употребляла свой волшебный дар во вред людям. Но она вселила в народе такой страх к себе, что никто не решался возражать, спасаясь ее мести. Когда стали голосовать, все избиратели словно онемели: ни одного голоса не было подано за нее, но и ни одного против.

С заходом солнца представители от народа разошлись, отложив выборы до следующего дня. На сей раз было названо имя Тербы. Но уверенность в действии ее могущественных заклинаний вскружила ей голову, и она стала надменна и заносчива; она требовала поклонения себе как божеству и, если ей беспрестанно не курили фимиам, становилась капризной, угрюмой и своенравной — словом, обнаруживала все качества, которые позорят лестное звание прекрасного пола. Ее боялись меньше, чем старшую сестру, но любили не больше. По этой причине на поле, где происходили выборы, царила мертвая тишина, будто на поминках, и опять никто не голосовал. На третий день очередь дошла до Либуши. Едва произнесли ее имя, как среди избирателей послышался одобрительный шепот, строгие лица прояснились и морщины на них разгладились. Каждый избиратель рассказывал стоявшим рядом о девушке только доброе. Один

хвалил ее благонравие, другой — скромность, третий — ум, четвертый — безошибочность ее предсказаний, пятый — бескорыстие в отношении приходящих к ней за советом, десятый — целомудрие, еще девяносто — красоту и, наконец, остальные — ее домовитость. Если влюбленный перечисляет слишком длинный список совершенств своей избранницы, всегда возникает сомнение, обладает ли она хоть одним из них. Но целый народ нелегко ввести в заблуждение, он скорее склонен произнести свой приговор в ущерб, чем в пользу доброй славе человека.

При таком всеобщем признании ее похвальных качеств Либуша была, конечно, наиболее серьезной претенденткой на трон, по крайней мере *in petto*¹ избирателей. Однако опыт свидетельствует, что предпочтение, отданное младшей сестре перед старшими при выдаче замуж, слишком часто нарушает семейный мир. Следовало опасаться, что в таком важном случае оно может нарушить добрый мир в стране. Это соображение повергло мудрых опекунов народа в большое смущение, и они колебались принять какое-либо решение. Недоставало красноречивого человека, который воодушевил бы избирателей более упорно и твердо проявить уже выказанную добрую волю, когда настанет момент голосования. И таковой нашелся.

Богемский магнат Владомир, самый прославленный после герцога Крока, давно уже вздыхал о прекрасной Либуше и просил руки девушки еще при жизни ее отца. Он был одним из вернейших вассалов, и Крок любил его, как сына. Добрый отец от души желал, чтобы взаимная любовь соединила молодую пару; но гордая девушка оставалась неприступной, а отец не хотел ее неволить. При столь сомнительной перспективе князь Владомир не отказался все-таки от надежды своей верностью и постоянством преодолеть сопротивление девушки и смягчить ее своею нежностью. При жизни герцога он находился в его свите и все-таки ни на один шаг не приблизился к желанной цели. Теперь, подумал он, настал момент, оказав Либуше важную услугу, проникнуть в ее сердце, до сих пор замкнутое для него, и, заслужив великодушную благодарность, добиться той, что добровольно не давала ему любовь. Не побоявшись навлечь на

¹ В сердцах (*итал.*).

себя ненависть и гнев обеих сестер, он решил с опасностью для жизни возвести свою любимую на трон ее отца. Заметив нерешительность колеблющихся избирателей, он выступил вперед и сказал:

— Если хотите выслушать меня, доблестные рыцари и благородные представители народа, то я приведу вам одно сравнение, которое покажет вам, как можно лучше использовать предстоящие выборы для блага народа и процветания нашего отечества.

Наступила мертвая тишина, и он продолжал:

— Пчелы потеряли матку, и весь улей стал вялым и бездеятельным. Они редко и неохотно вылетали из улья и лениво собирали мед, отчего промысел их пришел в упадок и меду не хватало даже на их пропитание. Тогда они серьезно задумались о выборе новой царицы, способной управлять ими, ибо иначе наступил бы конец всякому послушанию и порядку. И вот прилетела оса и сказала: «Выберите меня вашей царицей. Я сильна и грозна, даже гордый конь боится моего жала. Я дам отпор вашему злейшему врагу, льву, и ужалю его, если он приблизится к ульям. Я буду вам защитой и опорой».

Речь осы очень понравилась пчелам, но после зрелого размышления мудрейшие из них ответили: «Ты сильна и грозна, однако то самое жало, которым ты хочешь нас защищать, страшит и нас. Нет, ты не годишься нам в царицы».

Вдруг с громким жужжанием прилетел шмель и сказал: «Возьмите в цари меня. Вы только прислушайтесь к шуму моих крыльев, сколько в нем величия и достоинства. Да и жало у меня найдется, чтобы защищать вас».

Пчелы ответили: «Мы, пчелы, — мирный и трудолюбивый народ. Гордый шум твоих крыльев причинит нам только беспокойство и будет помехой в нашей прилежной работе. Ты не годишься нам в цари».

Тогда прилетела крупная пчела.

«Пусть я больше и сильнее вас, — сказала она, — но никогда превосходство моей силы не причинит вам ущерба и не пойдет во вред. Нраву я кроткого и жала опасного не имею. Кроме того, люблю порядок и хозяйственность, умею управлять ульем и распоряжаться работой».

И пчелы сказали: «Так управляй нами, мы склоняемся перед тобой, будь нашей царицей».

Владомир умолк. Все присутствующие на выборах поняли смысл его речи, и общее мнение склонялось на сторону Либуши, как вдруг над полем, где собрались выборные и уже хотели приступить к опросу, с громким карканьем пролетел ворон. Зловещее знамение превало всякие переговоры, и выборы были отложены до следующего дня... Это Бэла с дурным умыслом послала ворона, чтобы помешать выборам, ибо предвидела, в чью пользу будет решение, Владомира же возненавидела лютой ненавистью. Она посоветовалась с любимой сестрицей Тербой, и решили они отомстить своему общему недругу и во время сна наслать на него самого толстого домового, чтобы тот задушил его.

Смелый рыцарь, не подозревая такой беды, явился, как обычно, ко двору своей повелительницы и впервые удостоился благосклонной улыбки, вознесшей его на вершину блаженства. Если что и могло увеличить его восторг, так это роза, которую девушка сняла с собственной груди и подарила ему, наказав носить розу у сердца, пока она не завянет. Он придал словам Либуши совсем иной смысл, чем та в них вложила, ибо нет более путаной науки, чем наука любви, созданная будто лишь для того, чтобы водить влюбленных за нос. Пылкий рыцарь решил, что важнее всего — как можно дольше сохранять розу свежей и цветущей. Он поставил ее в цветочную вазу с холодной водой и уснул, убаюканный радужными надеждами.

В жуткий полночный час явился домовый-душитель, подсланный Бэлой, и, громко пыхтя, сдунул все замки и задвижки у дверей опочивальни Владомира. Стопудовой тяжестью навалился он на спящего рыцаря и так стиснул его, что тот спросонья почувствовал, будто мельничный жернов накатился ему на шею. Он задыхался и уже думал, что настали его последние мгновения, как вдруг вспомнил о розе, стоявшей в вазе у его изголовья. Он прижал цветок к груди и сказал:

— Увянь вместе со мной, прекрасная роза, умри на моей холодеющей груди в знак того, что последняя моя мысль была о твоей милой владелице.

И в тот же миг почувствовал облегчение. Домовой отступил перед силой волшебного цветка и, казалось, стал легче пушинки, а ненавистный ему запах розы вскоре совсем изгнал его из опочивальни. Сладостное благо-

ухание розы погрузило рыцаря в спасительный сон. С восходом солнца он поднялся свежий и бодрый и поспешил к месту выборов, любопытствуя узнать, какое впечатление произвела вчерашняя аллегория на умы вельмож-избирателей. Следовало понаблюдать, какой оборот примет дело на сей раз, и, в случае если поднимется противный ветер, грозящий посадить на мель утлый челн его надежд и желаний, приналечь на кормило и направить его в нужном направлении. Но все его опасения оказались напрасны. Почтенные старейшины столь тщательно пережевали и переварили за ночь притчу Владомира, что она проникла в их душу и сердце.

Другой хитроумный рыцарь, почуяв благоприятный перелом в пользу Либуши и питая к ней такую же сердечную склонность, как и влюбленный Владомир, решил либо вырвать у него честь возведения девушки на богемский трон, либо разделить ее с ним. Обнажив меч, он выступил вперед и громким голосом провозгласил Либушу герцогиней Богемской, предложив всем, кто согласен с ним, также обнажить мечи, дабы отстоять свою избранницу. Тотчас же сотни обнаженных мечей засверкали над полем, и громкие клики радости возвестили избранной новой правительницы.

Повсюду раздавался призыв народа:

— Да будет Либуша нашей герцогиней!

Затем к Либуше послали депутацию во главе с князем Владомиром и рыцарем, который первым провозгласил ее правительницей, дабы известить девушку о возведении ее на княжеский престол. Она приняла бразды правления с краской смущения, придающей женскому облику несказанную прелесть, а обаяние ее чудесных глаз подчинило ей все сердца. Народ с ликованием склонился под ее скипетром, а сестры, сжигаемые завистью, не по-сестрински жаждали с помощью тайных сил отомстить ей и отчизне за небрежение, с коим, как они считали, отнеслись к их особам. Они всячески осуждали и поносили дела и поступки своей сестры, стараясь вызвать брожение среди народа, чтобы нарушить спокойствие и благоденствие страны, управляемой мягкой рукой юной герцогини. Но Либуша умела так мудро и своевременно обезвредить злостные намерения и враждебные замыслы, а также чары этих фурий, что они наконец, утомясь, прекратили свои бесплодные козни.

Между тем Владимир с трепетом ждал решения своей судьбы. Не раз старался он прочесть его в прекрасных очах юной повелительницы, но Либуша ничем не выдавала своих чувств, а требовать устного объяснения у возлюбленной, не договорившись раньше глазами и не обменявшись многозначительными взглядами, сулило сомнительный успех. Единственным благоприятным признаком, еще питавшим его надежды, он считал неувядаемую розу, которая по истечении года была так же свежа, как в тот вечер, когда он получил ее из рук прекрасной Либуши. Цветок из рук девушки, букет, ленточка или локон стоят, правда, дороже, чем выпавший зуб, но все эти прекрасные сувениры — только двусмысленный залог любви, если ясное признание не придает им определенного значения. Итак, Владимир молча играл роль воздыхающего пастушка при дворе своей очаровательной богини и ждал, что со временем обстоятельства переменятся в его пользу.

Нетерпеливый рыцарь Мицысла добивался успеха более энергично. При каждом удобном случае он старался пролезть вперед, чтобы всегда быть на виду. В день присяги он был первым вассалом, принесшим клятву верности новой герцогине; повсюду следовал он за ней неотлучно, как луна за землей, чтобы покорной услужливостью доказать ей свою преданность; во время парадных празднеств и торжественных процессий обнажал сверкающий меч, чтобы напомнить о своей заслуге. Но Либуша, как всегда бывает на белом свете, вскоре, по-видимому, совсем забыла пособников своего успеха, ибо, когдаobelisk поставлен, никого не интересуют рычаги и инструменты, поднимавшие его ввысь. Так по крайней мере объясняли холодность девушки претенденты на ее сердце.

Между тем они заблуждались. Владелица трона не была ни бесчувственной, ни неблагодарной, сердце ее было не свободно, и она не вправе была распоряжаться им по своему произволу. Оно уже вынесло свой приговор — в пользу стройного охотника. Первое впечатление от встречи с ним до сих пор жило в ее душе, и никто другой не мог его вытеснить. За прошедшие три года образ привлекательного юноши, запечатлевшийся в ее воображении, не стерся и не поблек, и такой же неизменной осталась и ее любовь к нему, ибо страсть прекрасной

половины рода человеческого обладает от природы таким свойством, что если она выдержит испытание в течение трех месяцев, то уже остается неизменной и трижды по три года и даже дольше, что убедительно доказывают наглядные примеры и в наше время.

Когда героические сыны Германии отплывали за далекий океан *, чтобы силой оружия подчинить Британии ее непокорную дочь, они покидали своих красоток со взаимными клятвами в верности и постоянстве. Но прежде чем последний бакен на родном Везере остался у них позади, добрая часть уплывших воинов была уже забыта своими Хлоями *. Непостоянные девушки спешили заполнить сердце суррогатом любви, новыми интрижками, из опасения ощутить в нем пустоту. Любящие же и верные, обладавшие достаточной стойкостью, чтобы выдержать испытание водой Везера, были не повинны ни в одной измене, пока покорители их сердец находились по ту сторону черного бакена, и, как говорит молва, до возвращения храбрых героев на родину нерушимо хранили свою клятву, ожидая от любимых по их возвращении награды за свое терпение и постоянство.

И потому нет ничего удивительного, что при подобных обстоятельствах Либуша противостояла домогательствам блистательнейших рыцарей, стремившихся покорить ее сердце, так же как прекрасная царица Итаки * позволяла толпе женихов бесплодно вздыхать по себе, поскольку ее собственное сердце было отдано седобородому Улиссу *.

Разница в положении и происхождении девушки и любимого ею юноши была столь велика, что не допускала надежды на иные отношения, кроме платонических, а это лишь пустая тень любви, которая не светит и не греет. Правда, в те далекие времена родословной и пергаментным свиткам так же мало придавали значения, как различию усиков и надкрылий у жучков или пестика, формы чашечки и медоносности у цветов, но ведь всем известно, что высокий вяз обвивают только благородные лозы, а не простой садовый хмель, вьющийся по заборам. Неравный брак при различии в положении на один дюйм не возбуждал, конечно, таких придирчивых толков, как в наши классические времена, но расстояние в локоть шириной уже сильно бросалось в глаза, да еще если в этот промежуток вступали соперники, делая

бездну между двумя конечными пунктами слишком очевидной.

Все это и многое другое девушка зрело взвесила в своей умной головке и решила заглушить голос страсти, этой обманчивой болтуни, как бы громко ни говорил в пользу юноши покровитель его Амур. Подобно целомудренной весталке, она дала себе строгий обет оставаться всю жизнь девственницей и не отвечать на искания претендентов ни взглядом, ни жестом, ни улыбкой, ни словом. Однако оставила за собой право, в виде слабого возмещения, питать платоническое чувство к предмету своей любви. Такой монашеский образ мыслей был настолько чужд обоим влюбленным рыцарям, что они никак не могли понять причину убийственной холодности своей повелительницы. Спутница любви — ревность стала нашептывать им мучительные подозрения. Каждый из них думал, что другой — его счастливый соперник. Они неотступно следили друг за другом, стремясь убедиться в этом и боясь этого открытия. Но Либуша отвечивала скудную благосклонность обоим почтенным рыцарям с такой осторожностью и хитростью и такой точной мерой, что ни одна чаша весов не перетягивала другую.

Истомленные бесплодным ожиданием, оба рыцаря покинули двор герцогини и с затаенной досадой вернулись в свои поместья, пожалованные им за ратные подвиги еще герцогом Кроком. На родину они явились в таком угрюмом расположении духа, что князь Владимир скоро стал в тягость всем своим соседям и вассалам. Рыцарь же Мицысла увлекся охотой и носился по полям и лугам своих подданных за лисицами и косулями. Не раз, преследуя одного зайца, он вместе с егерями вытапывал целое поле, которое сулило дать десять мальтеров зерна. Великий стон и ропот огласили страну, но не было судьи, который воспрепятствовал бы этим бесчинствам, ибо кому охота тягаться с сильнейшим. И никогда бы слух о притеснении народа не достиг трона герцогини, не обладай она даром прозорливости, благодаря чему ни одно бесчинство в пределах ее владений не оставалось от нее скрытым. А так как мягкий характер ее соответствовал нежным чертам прелестного лица, то ее очень огорчила распущенность вассалов и насилия великих мира сего. Она размышляла, как положить конец

этой беде. Разум подсказал ей, что надо следовать примеру мудрых богов, которые, восстанавливая справедливость, не всегда сразу, на месте преступления, наказывали виновных, но рано или поздно возмездие, следующее за ними по пятам, все же достигало их.

Молодая герцогиня созвала своих рыцарей и представителей сословий для всенародного суда и приказала глашатаям громко оповестить, что всякий, кто имеет жалобу или хочет заявить о содеянной несправедливости, пусть свободно и смело выступит на суде, и ему окажут покровительство. Со всех концов и уголков герцогства стеклись обиженные и угнетенные, а также спорящие и тяжущиеся — словом, все, кто нуждался в защите закона. Либуша сидела на троне, как богиня Фемида *, с мечом и весами в руках, и беспристрастно выносила приговоры, не считаясь с положением тяжущихся. Все удивлялись мудрости, с какой она разбирала сбивчивые показания в делах о «моем» и «твоем», не блуждая в лабиринтах крючкотворства, как иные тупые и бестолковые судьи, и с каким неутомимым терпением находила в хитросплетении запутанной тяжбы нужную нить и распутывала ее.

В последний день суда, когда сутолока у барьера перед судейским помостом мало-помалу улеглась и заседание уже заканчивалось, перед Либушей предстали сельский житель, сосед богатого Владомира, и ходоки от подданных неистового охотника Мицыслы. Они потребовали, чтобы выслушали их жалобы, и были допущены. Первым взял слово поселянин, сосед Владомира.

— Один трудолюбивый хлебопашец, — начал он, — огородил себе небольшой участок земли на берегу широкой реки, серебристые струи которой с нежным журчаньем устремлялись в прелестную долину. Он полагал, что мощный поток будет служить ему защитой от прожорливой дичи, опустошающей посевы, и напоит корни фруктовых деревьев, чтобы они скорее росли и принесли богатый урожай. Но когда, благодаря его прилежанию, созрели плоды на деревьях, замутилась обманчивая река, ее тихие воды забурлили, вышли из берегов и, отрывая один за другим куски плодородной почвы, уносили землю с собой. Река промыла себе новое русло, посреди возделанного поля — к великому горю бедного землепашца, который вынужден наблюдать, как по зло-

стному произволу соседа собственность его стала игрушкой последнего, от бурных вод коего он сам едва спасся. Могущественная дочь мудрого Крока! К тебе с мольбой обращается бедный поселянин. Повели надменному потоку, чтобы он не заливал своими гордыми волнами нивы трудолюбивого земледельца и не поглощал надежды на богатый урожай, политый горьким потом его, а спокойно нес бы их в границах собственного русла.

Во время этой речи светлый лик прекрасной Либуши затуманился, мужественная серьезность засветилась в ее глазах. Все вокруг нее превратилось в слух, ожидая услышать приговор, и приговор этот гласил:

— Дело твое простое и ясное. Никакое насилие больше не нарушит твои права. Крепкая дамба укротит непокорную реку и введет в русло, за пределы которого она не посмеет выходить, а ее рыбой я возьму тебе в семикратном размере ущерб, причиненный опустошительным потоком.

Затем она кивнула старшему из ходоков, чтобы он изложил свою жалобу, и тот, поклонившись до земли, заговорил:

— Мудрая дочь славного Крока, скажи нам, кому принадлежит посев на поле: сеятелю, бросившему семена в землю, чтобы они проросли и дали урожай, или урагану, что мнет и побивает его?

Она отвечала:

— Сеятелю.

— Тогда прикажи урагану, — продолжал ходок, — чтобы он не избирал наши нивы местом своих буйных проказ, не мял бы посевов и не отряхивал плодов с наших деревьев.

— Дабудетт а к , — молвила Л и б у ш а . — Я укрошу буйный ураган и изгоню его с ваших полей. Пусть он борется с тучами, что надвигаются с севера, и разгоняет их, когда они угрожают стране бурей и градом.

И князь Владимир и рыцарь Мицысла были в числе судей. Когда они слышали принесенные жалобы и строгий приговор герцогини, то побледнели и со злобной яростью усталились в землю, не смея обнаружить, как оскорблены тем, что такой приговор вынесен им устами женщины. Ибо, хотя поселяне, щадя их честь, скромно завуалировали свои жалобы аллегорией, а верховный судья, вынеся справедливый приговор, из уважения

оставил этот покров неприкосновенным, все же ткань его была столь тонка и прозрачна, что всякий имеющий глаза прекрасно видел, кто скрывается под ней.

Но обратиться к народу, сидя рядом с судейским креслом герцогини, они не посмели, ибо справедливое решение возбудило всеобщее ликование, и им ничего не оставалось, как подчиниться, хотя и с большим неудовольствием. Владомир возместил своему соседу-земледельцу причиненный убыток в семикратном размере, а Нимрод * Мицысла поклялся рыцарской честью, что никогда не будет травить зайцев на полях своих подданных. Либуша предоставила им более достойное поприще, где энергия придавала бы их славе, ныне издающей лишь дребезжащий звон, подобный звону разбитой посуды, былую звучность рыцарских доблестей. Она поставила того и другого во главе войска и послала против сербского короля Цорнебока, великана и могущественного чародея, замышлявшего в то время завоевать Богемию. Она велела обоим до тех пор не возвращаться в столицу, пока один из них в доказательство победы не доставит ей султан со шлема, а другой — золотые шпоры чудища.

В этом военном походе неувядаемая роза еще раз доказала свою магическую силу. Благодаря ей князь Владомир был так же неуязвим для смертоносного оружия, как Ахилл-герой, и быстр, легок и ловок, как Ахилл-воин *. Войска встретились на северной границе Богемского государства. Вот подан знак к битве, и героические воины Богемии, подобно бурному вихрю, налетели на полчища противника и скосили лес пик, как серп жнеца скашивает пшеничное поле. Цорнебок пал под могучими ударами их мечей, и они с триумфом вернулись в Вышеград, доставив обещанные трофеи и начисто смыв кровью врагов позор и пятна со своей рыцарской чести.

Войско разошлось по домам, и герцогиня Либуша отпустила обоих рыцарей на родину, осыпав их всевозможными знаками почета и своего высокого благоволения. В доказательство последнего она подарила им на память пурпурово-красное яблоко и велела его мирно разделить между собой, не разрезая. Они отправились своей дорогой и, положив яблоко на щит, приказали нести перед собой для всеобщего обозрения. А сами тем

временем обдумывали, как умнее разделить его, чтобы правильно отгадать намерение милой дарительницы.

Все время, до самой развилки дороги, где им предстояло расстаться и каждому свернуть к своему поместью, они мирно беседовали о дележе подарка. Но теперь встал вопрос, кому хранить это яблоко, в котором оба имели равную долю и которое тем не менее должно принадлежать одному из них. Оба ждали от него большего чуда, что еще больше разжигало жажду обладания яблоком. Не придя к согласию, они прибегли к помощи меча, чтобы воинское счастье определило: кому суждено завладеть неделимым яблоком.

В это время той же дорогой пастух гнал стадо. Рыцари выбрали его третейским судьей, возможно потому, что три хорошо известные богини также просили пастуха разрешить их спор из-за яблока *, и изложили ему все дело. Пастух подумал немного и говорит:

— В этом даре скрыт глубокий смысл, но кто доберется до него, кроме умной женщины, вложившей его туда? Я полагаю, что яблоко это — обманчивый плод, ибо оно созрело на древе раздора и его пурпурово-красная оболочка означает кровавую вражду между вами, господа рыцари. Один из вас погубит другого и все же не получит от подарка никакого удовольствия. Ибо как разделить яблоко, не разрезав его?

Оба рыцаря внимательно выслушали слова пастуха и подумали, что в них заключена глубокая мудрость.

— Ты правильно рассудил, — сказали о нем, — разве это губительное яблоко не возбудило уже наш гнев и не вызвало вражды между нами? Разве мы не приготовились биться за обманчивый дар гордой девы, ненавидящей нас? Не она ли поставила нас во главе войска, готовя нам гибель? А когда это не удалось, то вложила в наши руки меч раздора? Мы отказываемся от коварного подарка, и пусть никому из нас не принадлежит это яблоко. Возьми его себе в награду за справедливое решение. Судье подобает вкушать плоды, а тяжущимся лишь кожуру от них.

После этого рыцари отправились каждый своей дорогой, а пастух, с присущим судьям спокойствием, съел *objectum litis*¹.

¹ Предмет спора (*лат.*).

Двусмысленный дар герцогини привел их в раздражение, а когда по возвращении домой они убедились, что уже нельзя, как прежде, притеснять своих ленников и подданных и придется подчиниться законам, которые издала Либуша для охраны общей безопасности в стране, недовольство их увеличилось еще больше. Они вступили друг с другом в союз и стали вербовать себе сторонников. К ним присоединилось много недовольных, которых они разослали по округам, чтобы всячески позорить и поносить бабье правление.

— Какой с ты д, — говорили о н и , — мы подчиняемся женщине, пожинаящей лавры наших побед, чтобы украсить ими свою прялку. Хозяином в доме надлежит быть мужчине, а не женщине, и это его исконное право; таков обычай у всех народов. Что войско без герцога, гордо выступающего впереди своих воинов, как не беспомощное туловище без головы? Пусть правит нами герцог, ему и покоримся.

Эти речи не остались неизвестными бдительной Либуше. Она прекрасно понимала, откуда дует ветер и что обещает его веяние. Она пригласила выборных делегатов и выступила перед ними с блеском и достоинством земной богини. Слова текли из ее девичьих уст, будто сладкий мед.

— В стране ходят толки, — обратилась она к собранию, — что вы хотите герцога, который выступал бы впереди вас в походе, и что вы считаете бесславным подчиняться мне, женщине. Не вы ли свободно и без принуждения выбрали не мужа из своей среды, а дочь народа и облачили в пурпур, чтобы она управляла вами по нравам и обычаям страны. Кто обвинит меня хотя бы в одной ошибке, допущенной в правлении, тот пусть открыто выступит против меня. Не управляла ли я вами разумно и справедливо, по примеру отца моего, мудрого Крока? Не я ли выравнявала кривые дороги, скапывая холмы и засыпая рывины; не я ли охраняла ваши посевы и оберегала ваши сады, защищала стада от волков и принудила насильников склонить гордую главу; не я ли помогала угнетенному и слабому давала в руки надежный посох. А потому и вы не забывайте своей присяги — быть верными, преданными и доброжелательными. Если же полагаете, что бесславно покоряться женщине, то где вы были прежде, когда избирали меня своей правительни-

цей? Коли это позор — так он падает на ваши собственные головы. Помыслы ваши говорят, что вы не цените собственной выгоды. Нежна и мягка рука женщины, привыкшая обмахиваться опахалом; груба и жилиста рука мужчины, тяжка она, когда несет бремя власти. Или вы не знаете, что там, где на троне женщина, бразды правления в руках мужчин, ибо она прислушивается к их мудрым советам. Но в государстве, где на троне мужчина, скорее распоряжаются фаворитки, завладевшие сердцем короля. А теперь продумайте хорошенько свое решение, чтобы не раскаяться в собственных колебаниях слишком поздно.

Сидевшая на троне Либуша умолкла, и глубокая почтительная тишина водворилась в зале собрания. Никто не осмеливался возразить ни словом, только князь Владомир и его союзники не желали отказать от своих замыслов и зашептались между собой:

— Хитрая лесная серна упрямится, не хочет оставить привольное пастбище. Пусть же охотничий рог прозвучит громче и спугнет ее.

На следующий день они подговорили рыцарей явиться к герцогине и настойчиво потребовать, чтобы она в течение трех дней выбрала себе супруга по сердцу и дала бы народу главу, который разделит с ней управление страной. Когда Либуша услышала такое категорическое требование, бывшее якобы гласом народа, вся кровь бросилась ей в лицо и залила девичьи щеки краской стыда. Ее ясные глаза видели все подводные камни, грозившие ей опасностью. Она хорошо понимала, что если даже, по обычаю великих мира сего, подавит влечение сердца и подчинит его интересам государства, то сможет отдать свою руку только одному претенденту, все же остальные соперники сочтут себя оскорбленными и станут лелеять мысль о мести. Кроме того, ее тайный обет оставался для нее святым и нерушимым. Поэтому, стремясь благоразумно отклонить настоятельное требование выборных, она сделала еще одну попытку отговорить их от избрания правителя.

— По смерти о р л а , — начала о н а , — птицы выбрали королевой дикую горлицу, и все покорились ее нежному воркованью. Однако, легкомысленные и ветреные по своей птичьей природе, они вскоре изменили свое решение и раскаялись в выборе. Гордый павлин полагал, что

ему более всех пристало властвовать. Хищный коршун, ловко охотящийся на мелких пташек, считал позором быть подданным миролюбивой голубки. Они привлекли сторонников и наняли подслеповатого филина, чтобы он подбивал народ требовать новых выборов. Глуповатая дрофа, неповоротливый глухарь, ленивый аист, слабоумная цапля и все наиболее крупные птицы свистели, стучали клювами и каркали, выражая ему свое одобрение, а стая мелких пташек, не понимая, о чем речь, чирикала то же самое в кустах и на изгородях. Тогда в воздух смело взмыл воинственный коршун, и все птицы закричали:

«Какой величественный полет, как гордо окидывает пространство молниеносный взгляд его огненных глаз и какое выражение могущества в его крючковатом клюве и цепких когтях. Смелый коршун должен быть нашим королем!»

Едва хищная птица завладела тронem, как тиранией и заносчивостью на деле доказала пернатым свою мужскую доблесть. Она выщипывала перья у крупных птиц и разрывала на куски мелких певчих птичек.

Как ни глубокомысленна была эта речь, она не произвела должного впечатления на умы, соблазненные мыслью о перемене правления, и народное решение, чтобы Либуша в течение трех дней выбрала себе супруга, осталось в силе. Князь Владомир торжествовал, полагая, что теперь наконец овладеет прекрасной добычей, к которой так долго и тщетно стремился. Любовь и честолюбие разжигали его желание и сделали красноречивым, тогда как до сих пор он разрешал себе только втайне вздыхать. Он явился во дворец и попросил, чтобы Либуша выслушала его.

— Милостивая государыня и владычица моего сердца, — начал он, — ни одна тайна не скрыта от тебя. Ты знаешь, какое пламя бушует в этой груди, чистое и святое, как на алтаре богов, и тебе известно, какой небесный огонь зажег его. Настало время, когда по настоянию народа ты выберешь ему правителя. Ужели ты пренебрежешь сердцем, которое живет и бьется для тебя одной? Чтобы стать достойным твоей любви, я жертвовал своей кровью и жизнью, помогая тебе взойти на престол отца. Позволь же мне поддерживать тебя и дальше в союзе нежнейшей любви. Разделим власть над тронem и твоим сердцем. Первым будешь владеть ты, а второе отдай

мне. Этим ты подаришь мне счастье, которое вознесет меня над всеми смертными.

Слушая эту речь, Либуша вела себя, как подобает девице. Она спрятала лицо под покрывалом, чтобы скрыть под ним нежную краску смущения, выступившую на ее щеках, и, не размыкая уст, подала рукой знак князю Владомиру удалиться: надо, мол, ей обдумать ответ на его предложение.

Вслед за ним появился удалой рыцарь Мицысла и потребовал принять его.

— Прелестная дочь Кр о к а, — сказал он, входя в парадный зал, — нежной голубке, королеве птиц — тебе это хорошо известно — не пристало столько ворковать в одиночестве, а надлежит найти достойного супруга. Говорят, будто гордый павлин уже сверкал перед ней пестрым оперением, полагая ослепить голубку блеском своих перьев, но она умна и скромна и не захочет сочетаться браком с надменной птицей. Хищный коршун, некогда столь кровожадный, в корне изменился, стал благонаправленным, честным и правдивым, и все от любви к прекрасной голубке, с которой мечтает соединиться. Пусть тебя не смущают крючковатый клюз и острые когти — они нужны для защиты возлюбленной, его прекрасной голубки. Никто из пернатых не посмеет нарушить покой ее царствования, ибо коршун так же предан ей, как и в день, когда народ выбрал ее правительницей и он первый присягнул ей на верность. Теперь скажи мне, мудрая госпожа, удостоит ли нежная голубка верного коршуна любви, о которой он просит ее?

Либуша поступила так же, как и в первый раз: знаком велела ему выйти. Спустя некоторое время она позвала соперников и обратилась к ним с такой речью:

— Я знаю, благородные рыцари, что многим обязана вам. Оба вы способствовали моему избранию народо-правительницей Богемии, где со славой правил мой отец Крок. И этой большой услуги, о которой вы теперь напоминаете, я не забыла. Мне также неизвестно, что оба вы нежно любите меня, ваши глаза и поступки давно уже выдали вашу сердечную тайну. Но не сочтите меня гордой, если сердце мое закрыто для вас и не может ответить любовью на любовь. Не сочтите это за оскорбление и позор, а поймите как деликатный ответ девушки, колеблющейся в выборе. Я взвесила ваши заслуги,

и стрелка весов остановилась посередине. Поэтому я решила предоставить вам самим решение собственной судьбы и предложила свое сердце в виде загадочного яблока. Я хотела узнать, в ком из вас больше мудрости и благоразумия, кто сумеет овладеть неделимым подарком. Вот и скажите теперь, в чьих руках яблоко? Кто отнял его у соперника, тот сейчас же разделит со мной трон и получит мое сердце.

Оба рыцаря побледили и в безмолвном удивлении смотрели друг на друга. Наконец, после длительной паузы, князь Владимир прервал молчание и сказал:

— Загадка мудреца для неразумных — то же, что орех для беззубого, жемчужина — для петуха, роющегося в песке, или светильник в руках слепого. О государыня, не гневайся, что мы не сумели ни оценить твой подарок, ни извлечь из него пользу. Мы ложно истолковали твоё намерение и объяснили его лишь тем, что ты бросила нам яблоко раздора с целью возбудить между нами вражду и привести к поединку. Поэтому каждый отказался от своей части, и мы избавились от коварного подарка, ибо ни один не хотел добровольно уступить его другому в безраздельное владение.

— Вы сами вынесли себе приговор, — сказала девушка а. — Если одно яблоко так разожгло вашу ревность, то какая борьба разгорелась бы между вами за миртовый венок, овивающий корону?

С этими словами она отпустила рыцарей, весьма огорченных, что послушались неразумного судью и так необдуманно лишились залога любви, который сулил невесту и обручальное кольцо. Теперь каждый втайне раздумывал, как осуществить свой замысел и хитростью либо силой завладеть богемским тронem и его прекрасной обладательницей.

Между тем Либуша не бездействовала все три дня, отпущенные ей для выбора супруга, и глубоко размышляла, как ей, идя навстречу настойчивому требованию своих подданных, дать народу герцога, да и себе выбрать супруга по влечению сердца. Она опасалась, как бы князь Владимир силой не навязал своей любви или, по меньшей мере, не завладел ее тронem. Необходимость придала ей решимости осуществить план, который часто рисовался ей в приятных мечтах, ибо кто из смертных не тешит себя какой-нибудь фантазией в часы

досуга, забавляясь ею, как игрушкой. Для девицы в тесной обуви, которая только что срезала мозоли, нет ничего более приятного, как мечтать об удобном экипаже; гордая красавица представляет себе графа, вздыхающего у ее ног; тщеславная особа мысленно примеряет драгоценности; игрок спит и видит крупный выигрыш; заключенный в долговую тюрьму надеется на богатое наследство; кутила жаждет открыть философский камень, а бедный дровосек мечтает найти сокровища в дупле дерева. Радости эти, хотя и воображаемые, все же доставляют тайное удовольствие. Дару предвидения всегда сопутствует пылкая фантазия, и прекрасная Либуша порой тоже прислушивалась к приятному голосу этой подруги, а та всегда усердно рисовала ей образ молодого охотника, оставившего неизгладимый след в ее сердце. Мысленно она строила всевозможные планы, услужливо подсказанные ей воображением как легко осуществимые. То она предполагала вывести любимого из неизвестности, дав службу в своей войске и возводя его с одной почетной ступеньки на другую. И тогда мгновенно представлялось ей, что лавровый венок овивает чело юноши, и она ведет его, увенчанного славой и победой, к трону, который она охотно разделит с ним. Иногда мысли ее принимали другое направление. Любимый виделся ей в образе странствующего рыцаря, который отправился на поиски приключений и случайно попал к ее двору, подобно Гюону *. И чего только не выискивала она, чтобы одарить его так же, как тороватый Оберон * своего питомца. Но когда благоразумие вновь брало верх над девичьими увлечениями, под светлым лучом разума тускнели радужные образы волшебного фонаря, и прекрасная мечта рассеивалась. Тогда она понимала, как опасен подобный шаг. Он послужил бы причиной бедствий для страны и людей, потому что вызвал бы ревность и зависть в сердцах магнатов, ибо в тревожный час раздора стал бы сигналом к мятежу и восстанию. Поэтому она глубоко затаила свои чувства и желания от подозрительных взоров соглядатаев, чтобы никто не обнаружил их.

Но теперь, когда народ жаждал иметь властелина, дело принимало иной оборот, и тут уж она решила объединить интересы народа с велениями своего сердца. Она приняла мужественное решение и, когда настал третий

день, надела все свои драгоценности, украсила голову миртовым венком — эмблемой целомудрия и, полная отваги и мягкого достоинства, в сопровождении девушек, также украшенных венками, взошла на герцогский трон. Собравшиеся рыцари и вассалы окружили ее, с нетерпением ожидая услышать из ее прелестных уст имя счастливого принца, с которым она решила разделить трон и сердце.

— Благороднейшие подданные мои, — обратилась она к собранию, — жребий судьбы вашей лежит нетронутый в урне неизвестности, вы еще свободны, подобно коням моим, пасущимся на лугах, пока узда и мундштук не укротили их и бремя седла и тяжесть всадника не придавили их стройные спины. Вам надлежит теперь сообщить мне, не охладил ли трехдневный срок, данный мне для выбора супруга, ваше горячее желание иметь властелина, который управлял бы вами, и не отказались ли вы по зрелом размышлении от своего намерения? Или по-прежнему упорствуете на своем требовании?

Она смолкла на миг; волнение в народе, ропот среди собравшихся вельмож и выражение их лиц не оставляли сомнений в ответе, а выступивший от собрания старейшина подтвердил, что выборы герцога должны состояться.

— Хорошо, — сказала она, — жребий брошен! Будь по-вашему. Боги указали богемскому государству правителя, который мудро и справедливо будет держать свой скипетр. Молодой кедр еще не возвысился над коренастыми дубами; он зеленеет в лесу, скрытый деревьями, не выделяясь в кругу простого кустарника. Но скоро расправит он ветви, чтобы дать тень своим корням, и вершина его коснется облаков. Благороднейшие представители моего народа, выберите из своей среды послов, в числе двенадцати безупречно честных мужей, пусть они поспешат к своему будущему герцогу и приведут его к богемскому трону. Мой любимый конь неоседланный побежит перед ними и укажет путь. А чтобы узнать человека, кого они посланы искать и кто назначен вам богами в герцоги помните, что в момент прихода послов он будет обедать за железным столом, под открытым небом, в тени одинокого дерева. Пусть они поклонятся в землю и возложат на него знаки княжеского достоинства. Белый конь покорно понесет на себе избранника и

доставит в столицу, где тот станет моим супругом и вашим государем.

Затем она распустила собрание и ушла, довольная, но со смущенным лицом, какое бывает у невест, ожидающих жениха. Такие слова весьма озадачили собравшихся, а пророческий смысл, вложенный в них, был воспринят как перст богов, которому слепо верит просто-народе и над которым мудрят только ученые.

Избрали почетное посольство. Благородный конь стоял в полной готовности, взнузданный и украшенный с азиатской роскошью, словно должен был нести на своей спине султана в мечеть. Кавалькада тронулась в путь при большом стечении и под радостные клики любопытной толпы. Белый конь гордо бежал впереди. Скоро они исчезли из виду, и ничего не было видно, кроме облака пыли, клубящегося вдали.

Горячий конь, почувствовав себя на свободе, вскоре перешел на галоп, и началась бешеная скачка, как на английском ипподроме, так что послы с трудом поспевали за ним. Казалось, быстроногий рысак предоставлен самому себе, но какая-то невидимая сила указывала ему путь, правила поводьями и прищпоривала бока. Либуша, владевшая магическим даром, унаследованным от матери феи, сумела внушить коню, чтобы он безошибочно мчался к определенной цели, не сворачивая с дороги ни вправо, ни влево. А сама она теперь, когда близилось исполнение ее желания, с нежной любовью ожидала приятия своего избранника.

Между тем послы порядком устали. Они проскакали уже много миль через горы и долины, переплыли Молдову и Эльбу, и когда желудки напомнили им об обеде, подумали о чудесном столе, за которым, по словам Либуши, должен обедать их будущий правитель. Они стали отпускать по этому поводу всевозможные шутки и замечания, а один нескромный рыцарь обратился к своим спутникам:

— Мне кажется, госпожа наша, герцогиня, дурачит нас и послала бог весть куда шутки ради. Да виданное ли это дело, чтобы в Богемии обедали за железным столом? Что даст нам эта бешеная скачка, кроме насмешек и издевательств?

Но другой, более рассудительный, полагал, что железный стол — просто символ. А вдруг они встретят

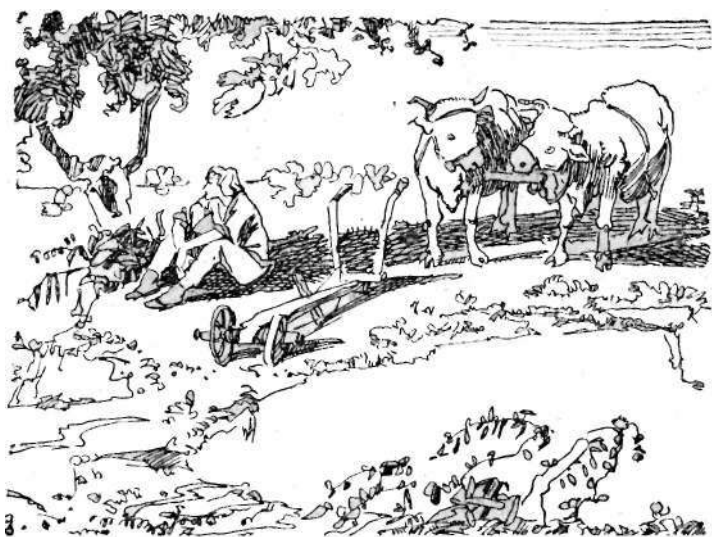

странствующего рыцаря, который расположился на отдых под деревом в поле и, по обычаю странствующей братии, сервировал свой скудный обед на бронзовом щите. Третий шутливо заметил:

— Боюсь, что конь приведет нас прямо в мастерскую циклопов *, и придется везти нашей Венере * хромого Вулкана *, обедающего где-нибудь у наковальни, или одного из его помощников.

Под эти разговоры они увидели, что летевший впереди белый конь далеко опередил их и теперь направил свой бег по свежевспаханному полю, где он, к их удивлению, остановился возле одинокого пахаря. Они поспешили туда и увидели под тенью дикой груши крестьянина. Он сидел на опрокинутом плуге и уплетал черный хлеб, железный лемех служил ему столом. Красавец конь, казалось, понравился ему. Он дружелюбно протянул ему кусок хлеба, и конь ел из его рук. Эта картина привела послов в изумление, но теперь уже никто не сомневался, что это и есть тот самый человек, которого искали. Они почтительно приблизились к нему, и старейший сказал:

— Правительница Богемии послала нас к тебе и велела объявить, что по воле и указанию богов ты дол-

жен сменить плуг на герцогский трон, а бодец погонщика — на скипетр. Ты ее избранник, с тобой она разделит власть над Богемским государством.

Молодой крестьянин решил, что эти люди пришли посмеяться над ним, догадавшись о его тайной любви, и рассердился. Желая отплатить насмешкой за насмешку, он дерзко ответил:

— Посмотрим, стоит ли еще ваше государство этого плуга? Если князь не может есть сытнее, пить веселее и спать спокойнее, чем пахарь, то, право, стоит ли труда менять кормилицу-пашню на государство Богемия или этот гладкий бодец на скипетр. Скажите, зачем мне целый четверик соли, если достаточно малой солонки, чтобы посолить свой хлеб?

Тогда один из двенадцати послов возразил:

— Пугливый крот откапывает в земле червей, которыми питается, ибо глаза его не переносят дневного света и он не умеет бегать, как быстроногая лань; панцирный рак ползает по илу болот и озер и ютится под корнями прибрежных деревьев: ему недостает плавников, чтобы плавать; домашний петух, запертый в курятнике, не осмеливается перелететь через низкую ограду,

потому что не надеется на свои крылья, как парящий высоко в небе сокол. Если тебе даны глаза, чтобы видеть, ноги — чтобы ходить, плавники — чтобы плавать, и крылья — чтобы летать, ты не станешь, как крот, рыться в земле, прятаться в болоте, как неуклюжий рак, или, подобно принцу домашней птицы, кукарекать с навозной кучи. Ты выйдешь на дневной свет, чтобы бегать, плавать или летать к облакам, смотря по способностям, какими наградила тебя природа. Никогда деятельный человек не довольствуется тем, чего уже достиг, а устремляется к лучшему, на что способен. Так стань же тем, к чему призывают тебя боги, тогда и рассудишь, стоит ли Богемское государство одного моргена пашни.

Серьезная речь старейшины без тени насмешки, а еще более знаки княжеского достоинства: пурпурная мантия, скипетр и золотой меч, поднесенные послами в знак правомыслия их полномочий и правдивости слов, — рассеяли наконец сомнение недоверчивого пахаря. Свет вдруг озарил его душу: восторженная мысль пробудилась в нем. Так, значит, Либуша угадала чувство, таившееся в его сердце, и, обладая способностью видеть скрытое, узнала о его верности и постоянстве и теперь хочет так вознаградить, как он не осмеливался мечтать даже во сне. Он вспомнил о даре пророчества, обещанном ему, и подумал, что дар этот должен проявиться теперь или никогда. Быстро схватив свою ореховую палку, он глубоко воткнул ее в пашню, взрыхлил вокруг нее землю, как это делают, когда сажают молодое деревцо и... о чудо! На палке тотчас же появились почки, она пустила ростки и побеги, покрылась листвой и цветами. Но два зеленых побега завяли, и ветер играл их пожухлой листвой. Тем мощнее распустился третий, и плоды на нем созрели. Тогда на пахаря, охваченного экстазом, снизошел дух пророчества, и он заговорил:

— Послы княгини Либуши и богемского народа, послушайте слова Пржемысла *, сына честнейшего рыцаря Мната, которому дар пророчества открывает тайны будущего. Человека, управляющего плугом, вы призываете управлять вашим государством. Но вы не дали ему закончить дневной труд. Ах, если бы плуг его избороздил поле до самого пограничного камня, то быть бы Богемии на вечные времена независимым государством. Но вы преждевременно прервали работу пахаря, и гра-

ницы вашей родины сделаются достоянием вашего соседа и перейдут по наследству к его потомкам. Три ветви, распустившиеся на палке, предвещают герцогине Либуше трех сыновей от меня. Двое из них преждевременно увянут, как два не успевших расцвести побега, а третий будет наследником трона. В его потомстве появится внук. Как орел, примчится он из-за гор и сошьет гнездо в вашей стране, и не раз будет покидать ее, пока не вернется в нее окончательно. И когда явится сын богов, друг пахаря, и освободит его от рабских цепей, — запомни слова мои, потомство! — ты будешь благословлять судьбу свою, ибо правитель тот растопчет дракона суеверия и протянет длань к луне, чтобы вырвать ее из облаков и вместо нее самому светить миру своими благодетельными лучами.

Почетные послы стояли в немом изумлении. Словно каменные идолы, взирали они на пророка, будто сам бог вещал его устами. Он же, отойдя от них, приблизился к двум белым быкам, товарищам своим в тяжелом труде, снял с них ярмо и, освободив от работы, пустил на волю. Они радостно запрыгали по густой зеленой траве, но вдруг стали заметно худеть и растаяли, как легкий туман, совсем исчезнув из глаз. Затем Пржемысл скинул с ног крестьянские деревянные башмаки и пошел к ближайшему ручью омыться.

Его облачили в богатые одежды, он опоясался рыцарским мечом и надел золотые шпоры, после чего ловко вскочил на белого коня, покорно подставившего ему спину.

Теперь, когда все было готово и он собрался покинуть поле, до сих пор принадлежавшее ему, он приказал послам взять с собой деревянные башмаки, ибо хотел сохранить их в знак того, что выходец из простого народа был облечен властью правителя Богемии, дабы они напоминали ему и его потомкам, что не следует заноситься своим высоким положением и, помня о происхождении, почитать и защищать крестьянское сословие, из которого вышли сами. Отсюда пошел старинный обычай — в день коронации ставить перед королем Богемии пару деревянных башмаков, — обычай, сохранявшийся до тех пор, пока не угас род Пржемысла по мужской линии.

Выросшее из палки ореховое дерево цвело и приносило плоды. Корни его широко разрослись и дали но-

вые побеги, и в конце концов вспаханное поле сплошь превратилось в ореховую рощу, приносящую жителям близлежащих деревень, поля которых были в этой округе, большой доход: в память о чудесном первом дереве богемские короли пожаловали общине особую льготную грамоту, освобождавшую ее от всех податей, когда-либо существовавших в стране, кроме кружечки орехов, которую та обязывалась поставлять ежегодно. Этой прекрасной привилегией пользуются, по преданию, их потомки до сего времени.

Хотя резвый конь, гордо несший на спине жениха к своей госпоже, казалось, обгонял ветер, Пржемысл вонзал ему в бока золотые шпоры, заставляя ускорять бег. Быстрый галоп коня казался ему черепашиным шагом, так горячо было желание вновь увидеть прекрасную Либушу, образ которой, после семи лет разлуки, стоял перед его мысленным взором как живой и казался таким же прелестным и юным. Он жаждал не просто полюбоваться ею, как любят прелестным цветком на пестрой куртине в саду, но заключить с ней счастливый союз, венец взаимной любви. Пржемысл стремился лишь к миртовой короне, которая, по иерархии влюбленных, сверкает много ярче королевской короны, и если бы он положил на одну чашу весов земное величие, а на другую — любовь, то чаша с богемским государством без Либуши высоко подскочила бы вверх, как обрезанный дукат на золотых весах менялы.

Солнце уже клонилось к закату, когда новый герцог торжественно был доставлен в Вышеград. Либуша в то время гуляла в саду и собирала в корзиночку зрелые сливы, когда ей доложили о прибытии ее суженого. Она скромно пошла ему навстречу и приняла как жениха, ниспосланного ей богами, скрыв за видимой покорностью, что это выбор ее сердца, а не воля невидимых сил.

Взоры всего двора с большим любопытством устремились на вновь прибывшего. Но все видели только стройного красивого юношу. Разглядывая его, многие придворные мысленно сравнивали его с собой и не могли уразуметь, почему боги отвергли приближенных Либуши и пожелали дать в помощники для управления государством и в спутники жизни молодой герцогине смуглого пахаря, а не румяного воина из их среды.

По лицам князя Владомира и рыцаря Мицыслы было особенно заметно, что они неохотно отказались от своих притязаний.

Оправдывая решение богов, Либуша убеждала всех, что незнатное происхождение землепашца Пржемысла вполне вознаграждается равноценными качествами: исключительным умом и проницательностью. Она устроила великолепное пиршество, нисколько не уступавшее обеду, которым гостеприимная царица Дидона * в древние времена угощала благочестивого Энея. После того как заздравный круговой кубок обошел гостей и все усердно приложились к дарам покровителя радости *, что подогрело веселье и привело в хорошее настроение, и часть ночи пролетела в шутках, развлечениях и забавах, Либуша предложила игру в загадки. Ей, как известно, было дано отгадывать то, что скрыто от других, а потому она, к удовольствию всех присутствующих, без труда решила все заданные ей загадки.

Когда подошла ее очередь загадывать, она подозвала к себе князя Владомира, рыцаря Мицыслу, земледельца Пржемысла и сказала:

— Все вы храбрые мужи, отгадайте же мою загадку, и станет ясно, кто из вас самый умный и понятливый. Задумала я преподнести вам подарок: корзиночку слив, которые только что сама набрала в саду. Одному из вас достанется половина их и одна сверх того. Другому половина оставшихся и одна сверх того, и третьему половина оставшихся и три сверх того — и корзиночка опустеет. Скажите, сколько слив в корзиночке?

Нетерпеливый рыцарь Мицысла измерил корзиночку с фруктами на глаз и, не вникая в смысл задачи, сказал:

— Я смело берусь за то, что надо решить мечом, но твоя загадка, прелестная госпожа, слишком хитра для меня. Однако, если таково твое желание, я попытаю счастья и скажу наугад. Полагаю, что в твоей корзиночке шестьдесят слив.

— Ошибся, дорогой рыцарь, — отвечала Либуша. — Если к числу слив, лежащих в корзиночке, добавить еще столько же, затем половину и одну треть всего количества и к этому прибавить еще пять штук, то будет их сверх шестидесяти столько, сколько сейчас недостает.

Князь Владимир долго и кропотливо вычислял, слов-

но от решения этой задачи зависело получение им поста генерального контролера финансов; наконец нашел искомую величину и назвал число сорок пять. Но и на сей раз Либуша отвечала:

— Если в корзиночку положить еще одну треть лежащих там слив и еще половину и одну шестую часть, то в ней окажется как раз настолько больше сорока пяти, сколько сейчас недостает.

Теперь такую задачу, наверное, без труда решил бы обыкновенный учитель арифметики, если он хотя чуточку более сведущ в этой науке, чем невежественные счетчики из каленбергской гильдии. Но тому, кто не умеет считать, неизбежно потребовался бы дар предугадывания, чтобы не осрамиться и с честью выйти из положения.

Мудрый Пржемысл, к счастью, был наделен таким даром, и ему не стоило труда и не понадобилось знаний, чтобы найти правильное раскрытие загадки.

— Верная подруга небесных сил, — заговорил он, — кто возьмет на себя смелость проследить твою высокопарящую божественную мысль, рискует состязаться в полете с орлом, когда он уже скрылся в облаках. Все же я попытаюсь последовать за тайным ходом твоей мысли, насколько позволят мне глаза, коим ты придала зоркость. В твоей корзиночке тридцать слив, ни одной больше и ни одной меньше.

Либуша ласково посмотрела на него и сказала:

— Ты обнаружил мерцающую искру, глубоко скрытую в пепле, и различил огонек сквозь мрак и туман, ты отгадал мою загадку. — Затем она открыла свою корзиночку, отсчитала пятнадцать штук в шляпу князю Владимиру и прибавила еще одну. В корзиночке у нее осталось четырнадцать слив. Из них она дала рыцарю Мицисле семь слив и одну. В корзиночке осталось шесть слив. Она отделила половину и дала их мудрому Пржемыслу, добавив оставшиеся три сливы, и корзиночка опустела.

Весь двор изумлялся математическим способностям прекрасной Либуши и проницательности ее прозорливого нареченного. Было непонятно, как может человеческая мысль, с одной стороны, облечь простые числа, в столь загадочные слова и, с другой стороны — с такой точностью найти в них искусно скрытое решение. Пус-

тую корзиночку девушка подарила обоим рыцарям, любовь которых не пожелала разделить, на память об оставшейся без ответа любви. Отсюда и пошел обычай, существующий до наших дней, говорить об отвергнутом женихе, что он получил корзиночку от своей любимой.

Когда все было готово к принятию присяги и бракосочетанию, оба торжества отпраздновали с большой пышностью. Теперь у богемского народа был герцог, а у прекрасной Либуши — супруг, и все были довольны. Но что всего удивительней, произошло это благодаря затейливой интриге, которая в таких случаях обычно не является наилучшим посредником.

Если кто из двух и оказался обманутым, то во всяком случае не мудрая Либуша, а народ, как оно чаще всего бывает. Правителем Богемии считался герцог, но государством управляла, как и прежде, женская рука. Пржемысл был подлинным образцом покорного и почтительного супруга, не оспаривавшего у герцогини ни права на управление страной, ни права на управление домом. Его помыслы и желания отвечали ее помыслам и желаниям, как одна созвучная струна добровольно отзывается на звон другой. Но Либуша не страдала ни гордостью, ни тщеславием некоторых дам, которые стремятся взять верх над мужем, надменно напоминая бедняку, счастье которого они якобы составили, о его деревянных башмаках. Нет, она подражала знаменитой царице Пальмиры * и, как Зиновия, повелевала своим добродушным Оданатом только благодаря превосходству, которое давал ей ее дар.

Счастливая пара жила, наслаждаясь неизменной любовью, по обычаю тех давних времен, когда чувство связывало сердца так же крепко и прочно, как известь и цемент в древности скрепляли стены, и поныне не поддающиеся разрушению. Герцог Пржемысл стал доблестнейшим рыцарем своего времени, а богемский двор самым блестящим в Германии. Постепенно сюда начали стекаться многочисленные рыцари и дворяне, а также толпы народа из всех областей государства, так что столица уже не вмещала всех ее жителей. Поэтому Либуша призвала к себе старейшин и повелела основать город — на месте, где они найдут человека, который в обещанный час мудрейшим образом пользуется зубами.

Они отправились в путь и в назначенный час увидели

человека, трудившегося над чурбаном, который тот старался распилить пополам. Они рассудили, что этот трудолюбивый человек действительно лучше использует в обеденный час зубья пилы, чем блюдолиз свои зубы за столом вельможи, и не сомневались, что нашли место, указанное герцогиней для закладки нового города. Тогда они провели плугом борозду вокруг этой части поля и наметили линию городской стены.

На вопрос, для чего этот человек предназначает распиленные куски дерева, он ответил: «Праха», — что на богемском наречии означает — порог. Поэтому Либуша назвала новый город, знаменитую столицу Богемии на реке Молдове *, Праха, или Прага.

Впоследствии в точности сбылось предсказание Пржемысла относительно его потомства. Супруга стала матерью трех сыновей, из коих двое умерли в малолетстве, а третий вырос, и от него произошел цветущий королевский род, блиставший на богемском троне несколько столетий.

ОРУЖЕНОСЦЫ РОЛАНДА

ыцарь Роланд *, как всему свету известно, доблестно сражался во славу своего дяди Карла Великого * и совершал бессмертные подвиги, воспетые музыкантами и поэтами, пока в долине Ронсеваль, у подножия Пиренеев, предатель Ганелон не только лишил его победы над сарацинами, но и отнял у него жизнь. Не помогло герою и то, что он убил Енакиева сына — великана Ферракуту, дерзкого сирийца, потомка Голиафа *. Теперь он лежал, сраженный ятаганами неверных, от которых на этот раз не мог защитить его верный меч Дюрандаль, ибо рыцарь завершал уже свой путь героя и находился в конце его. Покинутый всем миром, лежал он, тяжело раненный, среди множества трупов, мучимый жгучей жаждой. В этом беспомощном состоянии собрал он последние силы и трижды протрубил в свой чудесный рог, давая условный знак Карлу, что настал его последний час.

Король в то время стоял лагерем в восьми милях от места боя, но он все же услышал звук чудесного рога и, тотчас же встав из-за стола, — к великой досаде блюдо-женного по тарелкам, — приказал войску немедленно выступить в поход и поспешить на помощь племяннику; но было уже слишком поздно, ибо Роланд так сильно затрубил, что золотой рог треснул, из горла воина хлынула кровь и он испустил дух. Сарацины же, радуясь победе, дали своему военачальнику почетное имя Малек-аль-Насар, что значит «победоносный царь».

В сумятице боя, в то время, как храбрый Роланд бросился в гущу вражеского войска, его щитоносцы и оруженосцы оказались отрезанными от героя и потеряли его из виду. Теперь, когда герой пал, остатки войска франков, большая часть которого была изрублена неприятелем, рассеявшись, искали спасения в бегстве, — только троим из всех благодаря быстроте ног удалось избежать смерти или рабских цепей.

Три товарища по несчастью бежали без оглядки далеко в горы, в дикую неприступную местность, спасаясь от смерти, которая, казалось им, гналась за ними по пятам. Истомленные жаждой и зноем, они присели отдохнуть под тенистым дубом и, отдышавшись немного, стали совещаться, что им делать дальше. Андиол, меченосец, первый нарушил пифагорейское молчание *, соблюдавшееся во время бегства тремя товарищами из страха перед сарацинами.

— Что вы скажете, братья, — спросил он, — как нам добраться до своих и по какой дороге идти, чтобы не попасть в руки неверных? Попытаемся, что ли, пробраться через эти дикие горы. Думается, по ту сторону их живут франки; они, наверное, проводят нас в лагерь.

— Твое предложение можно бы считать разумным, приятель, — возразил щитоносец Амарин, — будь у нас орлиные крылья, чтобы перелететь через эту гряду крутых скал. Но обессиленным ногам нашим, из которых лишения и солнечный зной высушили все соки, не взобраться на эти горные вершины, отделяющие нас от франков. Давайте-ка поищем прежде всего источник, чтобы утолить жажду и наполнить тыквенные фляжки, да постреляем на ужин дичи, чтобы подкрепиться, — вот

тогда и перемахнем через скалы, как легконогие серны, тогда и отыщем дорогу в лагерь Карла.

Саррон, третий оруженосец, надевавший обычно Роланду шпоры, покачал головой и сказал:

— Для желудка, друг, твой совет недурен, но оба ваши предложения опасны для наших голов. Уж не ждете ли вы, что Карл скажет нам спасибо, если мы вернемся без нашего доброго господина и доверенного нам драгоценного снаряжения? Если мы падем на колени у ковра перед его тронем и скажем: «Герой Роланд пал!» — то он воскликнет: «Какая горестная весть! Но где его добрый меч Дюрандаль?» Что ты ответишь, Андиол? Или спросит: «Оруженосец, а где его блестящий стальной щит?» А ты что на это скажешь, Амарин? Или — золотые шпоры, которые когда-то сам пожаловал нашему господину, посвящая в рыцари? Да я онемею от стыда!

— Ты правильно рассуждаешь, — согласился Андиол, — твой ум ясен, как Роландов щит, пронизателен, тонок и остер, как его меч. Нет, не пойдем мы в лагерь франков. Чего доброго, Карл разгневется и заставит нас вступить в орден тощих братьев*.

Пока они так совещались, наступила ночь, полная страхов. Туман затянул окрестность; ни единой звездочки в небе, ни малейшего ветерка. В безбрежной пустыне царила мертвая тишина, лишь изредка где-то стонала ночная птица. Трое беглецов растянулись на траве под дубом в надежде сном заглушить мучительный голод, вызванный строгим постом долгого дня. Но желудок — свирепый кредитор и неохотно откладывает срок уплаты по займу на двадцать четыре часа. Усталость валила приятелей с ног, но голод не давал уснуть, хотя они и потуже затянули животы перевязью, за неимением ремней. От раздражения и тоски они снова принялись болтать и вдруг увидели сквозь кусты далекий огонек, который приняли сначала за свечение селитровых и сернистых испарений. Но предполагаемый блуждающий огонек в продолжение некоторого времени не менял ни положения, ни цвета, и они решили разузнать, что там такое.

Покинув свой приют под дубом и преодолевая препятствия, то спотыкаясь в темноте о камни, то задевая головой сучья деревьев, они вышли наконец на открытую площадку перед совершенно отвесной скалой, где, к

великой радости, увидели над огнем на треножке весело булькающий горшок; в этот миг пламя вспыхнуло и осветило вход в пещеру, замкнутый прочной дверью и увитый плющом. Андиол подошел к двери и постучал, полагая, что обитатель пещеры какой-нибудь набожный, гостеприимный отшельник, но услышал оттуда женский голос:

— Кто там? Кто стучится в мой дом?

— Приюти нас, добрая женщина, — сказал Андиол. — Три заблудших странника стоят у твоего порога, изнемогая от голода и жажды.

— Потерпите, — ответил голос изнутри, — пока я приберу дом и приготовлюсь к приему гостей.

Стоявший перед дверью услышал внутри такой шум, будто все в доме чистили и приводили в порядок. Он подождал, сколько позволило ему терпение, но, видя, что приготовления хозяйки не видно конца, постучал еще раз, на этот раз уже грубовато, по-солдатски, и потребовал, чтобы она впустила его с товарищами.

Тот же голос ответил:

— Полегче, я слышу. Дайте хоть чепец надеть, а потом показаться гостям. Пока же раздуйте огонь, чтобы горшок хорошенько кипел, да не вздумайте лакомиться моим бульоном.

Саррон, всегда любивший совать нос в горшки на кухне рыцаря Роланда, и здесь из естественной склонности взял на себя обязанность поддерживать огонь, исследовав предварительно содержимое горшка, причем сделал открытие не из приятных. Когда он поднял крышку и пошарил по дну вилкой, то подцепил колючего ежа, вид коего настолько испортил ему аппетит, что желудок отказался от всех своих неистовых требований. Но он ничего не сказал товарищам, чтобы не отравить им удовольствия, когда рагу из ежа будет подано на стол под видом лакомого блюда. Амарин задремал от усталости и успел выспаться, пока обитательница пещеры заканчивала свой туалет. Проснувшись, он присоединился к Андиолу, который яростно спорил с владелицей грота, требуя допуска в пещеру. Наконец, когда все было приведено в порядок, оказалось, что, к несчастью, затерялся ключ от двери, и старуха, опрокинув к тому же второпях лампу, не могла найти его в темноте.

Итак, истомленные путники запаслись терпением,

рекомендованным в самом начале; лишь после долгого ожидания ключ был наконец найден и дверь отперта. Но тут произошла новая заминка, словно нарочно для того, чтобы испытать выдержку чужестранцев! Едва дверь приоткрылась, как из нее высочил огромный черный кот с горящими глазами. Тотчас же хозяйка опять закрыла ее и, накрепко заперев на засов, стала бранить и стыдить бесшабашных гостей, обеспокоивших ее в собственном жилище и лишивших ее любимого животного.

— Поймайте моего кота, негодники, — завопила она, — не то и не надейтесь переступить мой порог!

Три приятеля растерянно взглянули друг на друга.

— Ведьма! — проворчал Андюл, стиснув зубы. — Мало она дразнила нас, а теперь еще ругается и грозит! Чтобы одна баба дурачила трех мужчин! Клянусь тенью Роланда, этого мы не допустим! Давайте взломаем дверь и расквартируемся по-солдатски.

Амарин согласился, но рассудительный Саррон возразил:

— Подумайте, братья, что вы делаете. Такая затея может плохо кончиться. Чует мое сердце, творится тут что-то неладное. Давайте лучше послушно выполним приказ своей хозяйки. Если наше терпение не истощится, ей надоест дразнить нас.

Все с ним согласились, и тотчас же на черного мурлыку была организована охота. Но тот умчался в лес, и темной ночью его нельзя было найти, хотя глаза его и горели так же ярко, как у любимой кошки Петрарки *, служившие поэту лампой и при свете которых он сочинил свою бессмертную песню к Лауре. Но у пиренейского кота было, по-видимому, такое же коварное намерение, как и у его владычицы, — дразнить трех странников: он то нарочно сверкал глазами, то прятался, так что поймать его было немисливо. И все-таки ловкий Саррон сумел перехитрить кота. Он знал любовный язык кошачьего племени и так натурально замяукал, что обманул лесного отшельника, спасавшегося на дубу. Не имея в подземной келье иного общества, кроме своей кормилицы да нескольких мышей, с которыми он иногда затевал возню, кот, предполагая найти поблизости милую сердцу подругу, спрыгнул с дерева, чтобы выследить ее, и затянул пронзительную ночную серенаду, какой обычно коты нарушают покой спящих, вынуждая их опроки-

давать ночную посуду на докучных певцов любви под окнами своей спальни.

Едва воюющий кот выдал свое местопребывание, как хитроумный оруженосец настиг его и с триумфом понес пойманного беглеца к двери пещеры, оказавшейся на сей раз незапертой. На радостях три оруженосца в обществе беглого пената вошли в пещеру, сгорая от нетерпения познакомиться с хозяйкой, но тут же испуганно отшатнулись, увидев живой скелет. На древней старухе была длинная мантия, а в правой руке она держала ветку омелы, которой торжественно коснулась пришельцев, когда они приветствовали ее, и пригласила к столу, на котором был сервирован скудный обед, состоявший из молочных блюд, печеных каштанов и свежих фруктов. Особого приглашения и не требовалось, голодные гости, как жадные волки, набросились на еду, и в короткое время миски были очищены так, что остатков не хватило бы накормить и одну лакомку мышшь. Предвидя появление второго блюда в виде рагу из ежа, Саррон поторопился утолить голод раньше своих сотрапезников, полагая предоставить ежа им одним, но хозяйка ничего больше не приносила, и он решил, что она приберегла это лакомство для себя.

Старуха между тем занялась приготовлением постели для гостей из тюфяка, набитого испанской шерстью. Но ложе было до того мало и узко, что троим и думать было нечего уместиться на нем. Амарин, любитель поспать, заметил это и для общей пользы поделился своим соображением с заботливой хозяйкой, попросив ее не забывать, что их трое, но старуха, открыв беззубый рот, прошамкала с улыбкой:

— Не беспокойтесь, дорогие мальчики, третий мужчина не будет спать на земле. У меня широкая кровать, на ней хватит места и для меня и для него.

Трое друзей, не приняв ее слова всерьез, обрадовались, что седая бабуся еще способна на такие игривые шутки, и во все горло захохотали. Но умный Саррон подумал, что старым матронам приходят иногда в голову странные капризы, и, не размышляя долго, в шутку это или всерьез, притворился вдруг сонным и, еле добредя до постели, занял там на всякий случай место, предоставив товарищам продолжать шутить с хозяйкой по поводу ее предложения.

Оба воина не сразу поняли его военную хитрость, но, когда с таким же намерением задумали предупредить друг друга, было поздно. Не желая уступать место, они пустили в ход кулаки. Старуха некоторое время спокойно наблюдала, как оба боксера дубасят друг друга, а хитрый Саррон меж тем храпел изо всех сил; но когда борьба разгорелась и золотистые кудри драчунов, пощаженные сарацинами, усеяли пол пещеры, она схватила ветку омелы и коснулась ею обоих атлетов. И оба они мгновенно застыли в неподвижности, как две статуи, не в состоянии шевельнуть даже пальцем. Тогда старуха ласково погладила их пылающие щеки сухой, холодной, как у мертвеца, рукой и сказала:

— Помиритесь, дети, слепая ярость вредна. Все вы имеете одинаковое право на мое общество в постели. По правилам этого дома для каждого настанет его черед. Дайте мне согреться в ваших объятиях, дайте мне еще раз помолодеть перед смертью.

Затем она освободила обоих борцов от чар и приказала им разбудить спящего Саррона. Но ни толчки, ни тряска, ни пинки так и не вывели его из сонного оцепенения. Однако старуха знала средство, как разбудить его от притворного сна. Едва дотронулась она до него таинственной веткой омелы, как тело спящего оруженосца стало дергаться в жестоких конвульсиях: он изгибался и извивался, как червь, на своем ложе, жаловался на сильные боли в животе, будто его мучили колики Пуату, и смиренно умолял хозяйку поставить ему успокоительный клистир. Но у нее тут же оказалась наготове испытанная мазь, которой она велела ему смазать пупок, отчего боль как рукой сняло. Трое оруженосцев с тоской вспоминали развесистый дуб, ибо поняли, что они во власти могущественной волшебницы, которая всячески насмехается и издевается над ними. Но им ничего не оставалось, как делать хорошую мину при плохой игре.

— Мальчики, — сказала она, — уже поздно, и холодная ночь рассыпала маковые зерна по земле. Пусть жребий решит, кому из вас ночевать сегодня в моей спальне.

Она принесла пук пакли, вырвала из него клочок и скрутила легкий и воздушный шарик. Положив его на стол, она велела трем приятелям сделать то же самое, что они и выполнили без возражения, причем хитрый Саррон скрутил свой шарик как можно плотнее и крепче.

Затем колдунья взяла сосновую лучинку, зажгла все шарики и сказала.

— Чей первый полетит за моим, тот будет спать эту ночь в моей постели.

Глеющий пепел ее шарика поднялся вверх, за ним последовал пепел Андиолова шарика, потом Амаринова, и только кучка пепла Саррона осталась лежать на столе, потому что его шарик был плотней и тяжелей. Старуха крепко обняла своего партнера и поволокла в каморку, и он последовал за ней, содрогаясь от ужаса; волосы у него стали дыбом, как у вора, ведомого палачом к ступеням эшафота. Да, для бедного парня было жестоким испытанием провести ночь с таким страшным скелетом! Будь это Нинон де Ланкло *, которая достигла старческого возраста, пережив девять раз по девять весен, но была все еще столь прелестна, что сын, не зная, что это его мать, воспылал к ней горячей любовью, — то, пожалуй, стоило бы пережить такое приключение. Но зуб времени так изгрыз ведьму, что столетняя дева, изображенная в «Физиогномических фрагментах» *, или эндорская волшебница * с гравюры Виттенбергской библии, сошли бы за красавиц по сравнению с этой образиной.

Матери-природе угодно было совместить в женском образе предельные черты красоты и безобразия. Женщина — высший идеал красоты, и она же — высший идеал безобразия; и, что несколько унизительно для гордых красавиц, замечено, будто обе эти крайности встречаются нередко в одной и той же особе — правда, в различную пору ее жизни. Облик султанши, доставшейся Андиолу, был крайней ступенью человеческого уродства, далеко превосходящего уродство пресловутых башкирских физиономий. Она, казалось, представляла собой *non plus ultra*¹ безобразия, хотя было очень трудно установить, обладала ли она когда-нибудь красотой.

Одинокая обительница Пиренеев жила здесь уже несколько человеческих поколений. Ее возраст измерялся почти половиной совокупности лет двенадцати матрон, которым некая богомольная княгиня имела обыкновение в страстную неделю мыть ноги.

Она была последним отпрыском рода друидов * и происходила по прямой линии от знаменитой Веледы *, яв-

¹ Здесь: предел (лат.).

лявшейся бабкой ее прабабки. Все силы природы были ей подвластны, она знала свойства трав и корней, так же как и влияние созвездий, умела готовить превосходные отвары и испытанную чудесную эссенцию, выполняющую все, что обещала «шверже»¹ в Алтоне. Одно лишь никак ей не удавалось: состряпать эликсир молодости, который будто бы ныне открыт маркизом д'Аймаром * (он же Бельмар), проживающим в Венеции, — действие его столь сильно, что одна старая дама, неумеренно употребившая его, вернулась к состоянию эмбриона. Зато в магии старуха не знала себе равных, таинственная омега друидов превращалась в ее руке в волшебную палочку Цирцеи. Умела она пробудить и мужскую благосклонность и женскую любовь с помощью нанизанных на шнур змеиных глаз, если только этот могущественный амулет носила на себе особа, более способная вызвать любовное влечение, чем сама добрая матрона, ибо девять рядов змеиных глаз, которые она носила на шее, как жемчужное ожерелье, отказывались ей помочь. За рецепт Бельмара она, наверное, с восторгом отдала бы всю свою домашнюю аптеку, включая девять ниток змеиных глаз и магическую ветку омелы. Но в то время прекрасная смесь еще не была открыта... Следовательно, из двух сокровеннейших человеческих желаний — долго жить и оставаться вечно юным — для нее доступно было лишь первое. Что же касается второго, то она, за неимением специфического средства, довольствовалась пока суррогатом.

Она сидела в центре своей магической паутины и с зоркостью паука подкарауливала всякого, кто запутывался в ее волшебной сети. Странник, забредший в ее владения, немедленно попадал на ночь в старухину постель, если, конечно, он годился для подобного диетического употребления, и каждая совместно проведенная ночь омолаживала ее на тридцать лет, ибо ее иссохшее тело, согласно теории Цельса * жадно впитывало в себя юношеские испарения здорового тела товарища по постели. Кроме того, вечером она никогда не забывала смазывать ежовым жиром свою старую пергаментную кожу, дабы живо не превратиться в мумию.

¹ Чудесная эссенция, очень тогда популярная. Ей приписывалась сила омолаживать человека на десятки лет. (Прим. автора.)

Не нарушив ни в коей мере ее девственности, ни словом, ни делом, ни помышлением, три оруженосца поневоле отбыли почетную службу, требуемую старухой, и она, так хитро сбросив с себя девяносто обременительных лет, двигалась теперь проворно и легко. А умный Саррон, которого на этот раз хитрость не избавила от участи его товарищей, заметил, что наибольшее зло существует обычно только в воображении, и плохо проведенная ночь длится ни на минуту дольше, чем самая счастливая. Когда на третий день вновь ожившая старуха отпустила трех своих кавалеров, напутствуя их дружескими словами, Саррон сказал:

— Не в обычае этой страны отпускать гостей, не одарив их. К тому же мы заслужили от вас благодарность или хотя бы несколько грошей на пропитание, — немало вы над нами измывались и муштровали нас за кусок хлеба и глоток вина. Разве не мы раздували огонь в костре, как кухонные девки? Разве не мы изловили вашего друга, черного кота, улизнувшего от вас? И разве не мы позволили вам согреться у своего сердца, когда старческий озноб сотрясал ваши кости? Что мы получили за то, что работали на вас, как поденщики, да еще ухаживали за вами?

Колдунья задумалась. По обычаю старых матрон, она была скаредной особой и не легко решалась делать подарки, но к этим парням она почувствовала расположение и была склонна выполнить их требование.

— Посмотрим, — сказала она, — может, я и подарю вам по вещице на память.

Она засемила в свою кладовую и долго рылась там, открывая и закрывая ящики и гремя ключами, словно у нее было сто фиванских ворот* на запоре. После долгих поисков она наконец появилась, неся что-то в подоле платья. Обратившись к мудрому Саррону, она сказала:

— Кому дать то, что у меня в руке?

— Меченосцу Андиолу, — ответил он.

Она вытащила заржавленный медный пфенниг и сказала:

— Возьми и скажи, кому дать то, что зажато в моей руке?

Оруженосец, крайне недовольный подарком, дерзко ответил:

— Пусть берет кто хочет, мне какое дело.

— Кто хочет? — спросила колдунья.

Вызвался щитоносец Амарин и получил салфеточку из тонкого браного полотна, чисто выстиранную и выглаженную. Саррон насторожился, надеясь получить что-нибудь получше, но не получил ничего, кроме пальца от кожаной перчатки, за что его грубо высмеяли товарищи.

Три парня холодно простились с хозяйкой и отправились своей дорогой, не поблагодарив ее за дары и не превознося щедрость скупой матроны; если они и удержались от оскорблений, то лишь из уважения к ветке оме-лы, силу которой всесторонне испытали на себе. Когда они отошли на некоторое расстояние, меченосец Андриол первый выразил досаду на то, что они сплеховали в пещере колдуньи.

— Слышали, друзья, — сказал он, — как эта ведьма открывала и закрывала ящики в своем чулане, отыскивая эту дрянь, чтобы посмеяться над нами? В ее сундуках, само собой, хранятся несметные богатства. Будь мы поумнее, мы бы отобрали у нее волшебную метлу, без которой старуха бессильна, ворвались бы в кладовую и, по обычаю военных людей, захватили добычу, а не дали старой бабе командовать над собой.

Недовольный оруженосец долго еще разглагольствовал в этом духе и закончил тем, что вытащил заржавленный пфенниг и с досадой швырнул его прочь. Амарин последовал примеру товарища и, помахав над головой салфеткой, сказал:

— Зачем мне эта тряпка в пустыне, где нечего перекусить? Будет у нас хорошо накрытый стол, и салфетки найдутся.

И он подбросил салфетку, предоставив на волю ветра, а тот унес ее на ближайший куст терновника, где этот залог старухиной любви крепко зацепился за колючки. Дальновидный Саррон чувствовал, что в этих презренных подарках кроется тайная сила, и порицал легкомыслие своих соратников, которые, как большинство людей, судили о природе вещей по их внешнему виду, не вникая в их внутреннее содержание. Но он проповедовал глухим. Он не дал уговорить себя отделаться от невзрачного перчаточного пальца. Напротив, разговоры товарищей навели его на мысль проделать с ним различные опыты. Он натянул его на большой палец правой руки — никакого

действия, затем на большой палец левой. Между тем трое спутников некоторое время брели дальше, как вдруг Амарин остановился и спросил удивленно:

— А где же наш друг Саррон?

Андиол отвечал:

— Оставь его, пусть скопидом подбирает за нами всякий хлам.

Саррон, слушая эти речи, онемел от удивления. Его охватила дрожь, он был вне себя от радости! Так вот она, тайна перчаточного пальца! Товарищи остановились подождать его, а он бодро шагал себе дальше и, зайдя вперед, крикнул громким голосом:

— Эй, лентяи, что вы там отстаете? Сколько вас ждать?

Оба оруженосца прислушались, голос их спутника донесся спереди, тогда как они предполагали, что он далеко отстал. Они прибавили шагу и пролетели мимо, не заметив его. Тут Саррон еще больше обрадовался. Все ясно: перчаточный палец делает владельца невидимым.

Так он дразнил своих спутников, а они не понимали, в чем дело, хотя и порядком ломали себе голову над этим. Оба решили, что товарищ сорвался со скалы в пропасть и свернул себе шею, а теперь его легкая тень витает вокруг, чтобы проститься. Ими овладел дикий страх, и они обливались холодным потом. Наконец, утомившись этой игрой, Саррон снял палец и опять стал видимым. Он познакомил оторопевших приятелей со свойствами чудесного пальца и ругал за необдуманность, а те таращили глаза и стояли безмолвно как истуканы.

Придя в себя от изумления, они помчались во все лопатки обратно, чтобы подобрать отвергнутые дары колдуньи.

Амарин шумно обрадовался, увидев издали свою салфеточку; она развевалась на верхушке терновника, который крепче оберегал доверенное ему добро — за обладание им боролись, казалось, все четыре ветра, — чем иной несгораемый шкаф под судейским замком и печатью охраняет наследство несовершеннолетнего.

Значительно труднее было найти в траве заржавленный пфенниг. Но корысть и алчность дали владельцу глаза Аргуса * и служили путеводным прутиком, направ-

лявшим его шаги к месту, где таилось сокровище. Высокий прыжок вверх и громкий крик радости возвестили о благополучном исходе поисков.

Утомленные долгим странствием, путники укрылись от палящих лучей солнца под тенью дерева, ибо давно уже наступило время обеда и голодный червяк в их пустых кишках растянулся на восемнадцать локтей в длину, возбуждая неприятное чувство под ложечкой. И, несмотря на это, трое искателей приключений были веселы, а сердца их полны радужных надежд. Оба парня, не испытывавшие еще скрытых свойств своих чудесных даров, делали всевозможные попытки найти их. Андиол собрал немногие имевшиеся у него в наличии монеты, приложил к ним медный пфенниг и стал считать, туда, сюда, правой рукой, левой, сверху вниз, снизу вверх, но предполагаемых качеств волшебного пфеннига так и не мог обнаружить. Амарин расположился в стороне, чинно повязал салфеточку вокруг шеи и тихонько прочитал бенедиктите; затем открыл обе створки своих широких хлебных ворот и стал ждать, что сейчас ему в рот влетят ни более ни менее, как жареные голуби. Но, очевидно, процедура производилась слишком неуклюже, и магическая салфеточка не желала слушаться. Тогда он вернулся к товарищам, надеясь, что секрет со временем раскроется. Мучительный голод, как известно, не способствует хорошему настроению, но коли уж все силы души напряжены, подобно пружине, то на нее не может влиять малейшая перемена погоды. Когда Амарин вернулся, Саррон, как бы шутя, вырвал у него салфеточку из рук и, расстелив ее на траве под деревом, закричал:

— Подходите, друзья, стол накрыт, и да поднесет нам волшебная салфеточка славно запеченный окорок и белый хлеб в изобилии.

Едва он произнес эти слова, как с дерева на салфеточку дождем посыпались булочки, и одновременно появилась старинная майоликовая посуда в форме пузатой миски, наполненная сочной ветчиной. Удивление и волчий аппетит, отразившиеся на лицах голодных товарищей, являли странный контраст, но все же инстинкт желудка вскоре победил удивление, и они так энергично задвигали челюстями, что казалось, будто слышится мерный шум мельницы. Ни один не проронил ни слова,

пока последнее волоконец не было содрано с костей окрока.

Голод скоро был утолен с избытком и вызвал своего близнеца — мучительную жажду, особенно когда Саррон, любитель покушать, заметил, что ветчина была немного пересолена. Невоздержанный Андиол первый выразил недовольство полубедом, как он его назвал.

— Обед без питья, — сказал он, — не очень-то стоит благодарности.

И долго еще распространялся о недостаточности чудесных даров салфеточки. Амарин нашел его критику оскорбительной и, не желая, чтобы унижали его собственность, схватил салфетку за четыре конца, чтобы унести вместе с миской, как вдруг и миска и кости исчезли.

— Вот что, брат, — сказал он привередливому критику, — если ты в будущем желаешь оставаться моим гостем, довольствуйся тем, что предлагает тебе мой стол, а для жаждущей селезенки ищи себе сам обильный источник. Что же касается напитков, то это другая страница книги. Пословица гласит: «Где стоит пекарня, там нет места для пивоварни».

— Хорошо сказано, — отозвался хитрец Саррон. — Посмотрим, что скажет твоя другая страница!

Он еще раз вырвал у него салфеточку, перевернул на левую сторону и расстелил на лужайке, пожелав, чтобы услужливый дух салфеточки уставил ее множеством кубков, наполненных самым лучшим вином. И вмиг на ней очутилась майоликовая ваза, по виду принадлежащая к тому же сервизу, что и первая, в форме кувшина с ручкой, наполненная великолепной мальвазией *.

Теперь счастливые оруженосцы наслаждались сладчайшим нектаром и не променяли бы своего положения и на трон короля Карла Великого. Вино унесло вдруг все заботы жизни, оно переливалось и искрилось в медных шлемах, служивших им бокалами. Даже придира Андиол отдавал теперь справедливость талантам чудесной салфеточки и, если бы только ее хозяин захотел, тотчас же обменял бы на нее свой заржавленный пфенниг с еще неизвестными достоинствами, который при всем том стал теперь ему еще дороже; он каждую минуту нащупывал монету в кармане, проверяя, на месте ли она. Затем вытащил ее и принялся рассматривать чеканку, но та давным-давно стерлась без следа. Тогда

он повернул ее, чтобы разглядеть обратную сторону. Это оказался верный способ выманить у пфеннига его секрет. Не найдя и здесь ни изображения, ни надписи, он хотел было сунуть его обратно в карман, как вдруг обнаружил под чудесным пфеннигом золотой одинаковой с ним величины и толщины. Чтобы увериться в своем открытии, он несколько раз незаметно повторил эту операцию и убедился, что его маневр правилен. С буйной радостью, какую ощутил, наверное, и старый сиракузский философ *, когда в ванне, испытав водой золото, открыл свой знаменитый закон и в радостном безумии, не замечая бесстыдства наготы своей, громким криком «εὕρημα!»¹ оповестил всех об открытии, с буйной радостью поднялся Андиол-меченосец с земли и, неуклюже, как козел, прыгая вокруг дерева, завопил во все горло:

— Я нашел, друзья, нашел! — и поделился с ними своим алхимическим секретом.

В пылу первой радости и энтузиазма он предложил тотчас же отыскать благодетельную матушку колдунью, так великодушно наградившую их за мелкие уколы самолюбия, пасть к ее ногам и поблагодарить. Воодушевленные одним и тем же побуждением, они быстро сгребли свои пожитки и бодро зашагали назад. Но, то ли глаза обманывали их, то ли винные пары не туда направили их шаги, то ли матушка колдунья намеренно скрылась от них, но все трое никак не могли отыскать пещеру, хотя усердно исходили Пиренеи вдоль и поперек, пока наконец не заметили, что заблудились и находятся на военной дороге, ведущей в королевство Леон *.

После совместного совещания было решено следовать по этому маршруту и не торопясь идти дальше, куда глаза глядят. Счастливый трилистник убедился теперь, что обладает драгоценнейшими из талисманов, которые, если и не составляют величайшего счастья на земле, все же являют собой основу для достижения всех желаний. Старый кожаный палец, как ни был он невзрачен, имел все свойства знаменитого кольца, которым обладал некогда Гиг; * заржавленный пфенниг был так же хорош и щедр, как Фортунагов кошелек *, а салфеточка, кроме первоначальных даров, награждала еще знаменитой чудесной фляжкой святого Ремигия *.

¹ Нашел! (Греч.)

Чтобы, в случае нужды, иметь возможность обмениваться чудесными дарами, три приятеля заключили союз, обязавшись никогда не разлучаться друг с другом и сообща пользоваться всеми благами. В то же время каждый с обычной пристрастностью превозносил достоинства своей собственности, ставя ее выше остальных, пока мудрый Саррон не доказал, что его кожаный палец обладает всеми совершенствами их чудесных подарков, вместе взятых.

— В домах кутил, — сказал он, — для меня открыты кухня и погреб; к тому же я могу наслаждаться преимуществом комнатной мухи и есть из одной тарелки с королем, не опасаясь, что это будет мне запрещено. Могу опустошать и денежные ящики богачей и даже овладеть сокровищами Индостана, если только не поленюсь совершить туда путешествие.

Разговаривая таким образом, они дошли до Асторги *, где находился двор короля Гарсия, повелителя Супрарбии, с тех пор как он обручился с принцессой Урракой Арагонской, прославившейся не только своей красотой, но и кокетством. Двор был блестящим, а лучшей жемчужиной его казалась королева, ибо она обладала всем, что изобрела столица для удовлетворения тщеславия и украшения женщины. В пустынных Пиренейских горах желанна и страсти трех странников находили мало пищи и были умеренны; они довольствовались дарами салфеточки и под каждым тенистым деревом расстилали ее и обедали. Шесть трапез, не меньше, поглощали они ежедневно, и не было такого лакомого блюда, которого бы они не отведали. Но когда пришли они в королевскую столицу, в их груди вдруг проснулись бешеные страсти. Они стали строить грандиозные проекты, как бы выдвинуться и благодаря своим талантам вознестись из простых оруженосцев в дворянское сословие. На свою беду они увидели королеву Урраку, красота которой так оборочила их, что они решили попытаться счастья и добиться ее любви, дабы вознаградить себя за приключение в пещере колдуньи. Но поскольку они не замечали, чтобы она кому-нибудь из них отдавала предпочтение, в их сердцах проснулась гложащая ревность, разорвавшая узы дружбы. А так как вообще трем счастливым трудно ужиться под одной крышей, ибо согласие есть дитя общей нужды, то их крепкий союз вдруг распался.

Расставаясь, побратимы поклялись друг другу в одном — не выдавать их общую тайну.

Желая опередить своих соперников, Андиол немедленно пустил в ход свой карманный денежный станок. Он заперся в одной каморке и без усталости переворачивал медный пфенниг, чтобы наполнить мешок золотыми монетами. Заготовив себе достаточный запас, он нарядился знатным рыцарем, появился при дворе, сумел занять там должность и через недолгое время своим роскошным образом жизни привлек внимание всей Асторги. Любопытные интересовались его происхождением, но в этом пункте он хранил таинственное молчание, предоставляя умникам догадываться, однако не препятствовал слухам, выдававшим его за отпрыска Карла Великого от незаконного брака, и назвался Хильдериком, то есть сыном любви. Со свойственной ей проницательностью королева благосклонно встретила этого нового раба, описывающего свой путь в орбите ее волшебной красоты, и не упустила случая испытать на нем свою притягательную силу. Дружище Андиол, коему в высших сферах любви все было чуждо и ново, плавал в потоках эфира, захватившего его, словно легкий мыльный пузырь.

Кокетство прекрасной Урраки объяснялось не только ее темпераментом или стремлением из гордости нанизывать сердца на нить своего тщеславия, лишь бы пощеголять этим ослепительным убором, который в глазах дам, наверное, имеет свои достоинства. Корыстное желание грабить своих паладинов * и злобное удовольствие наказывать их потом презрением играли в ее любовных интригах большую роль. Она владела тронем и готова была отнять у людей самое дорогое, хотя и не знала, к чему ей это. Уррака награждала благосклонностью лишь за высшую цену, какую только мог предложить ей обольщенный рыцарь любви. Но как только влюбленный глупец разорялся дотла, его отстраняли с уничижающей холодностью. О жертвах несчастной страсти, сладость наслаждения коих была отравлена горечью раскаяния, шла молва по всему королевству Супрарбия. И, несмотря на это, не было недостатка в назойливых безумцах, как моль льнущих к опасному светильнику, чтобы в пламени его найти свою погибель.

Как только хищная королева почувяла, что Андиол богат как Крез *, она решила использовать его наподобие апельсина, с которого дочиста снимают кожицу, чтобы

наслаждаться сладкой сердцевиной. Легенда о его знатном происхождении и громадные траты придавали ему такой вес и авторитет при дворе, что даже самый зоркий глаз не разглядел бы под этой блестящей личной щитоносца, хотя подчас его грубое обхождение и выдавало в нем прежнего простолюдина. Но при дворе это небрежение к светским манерам принимали за оригинальность и за характерный признак могучего ума. Ему удалось занять первое место среди фаворитов королевы, и, чтобы утвердить свое положение, он не жалел ни труда, ни средств, ежедневно устраивал великолепные празднества, турниры, карусели, роскошные пиры, ловил рыбу в золотые сети и готов был, как расточитель Гелиогабал *, катать королеву по озеру из розовой воды и лавандовой эссенции, будь она знакома с римской историей или сама напади на такую остроумную мысль. Но и у нее самой не было недостатка в подобных фантазиях. Однажды во время охоты, устроенной ее новым фаворитом, она выразила желание превратить весь лес в красивый парк с гротами, рыбными прудами, водопадами, фонтанами, купальнями, облицованными дорогим мрамором, дворцами и беседками с колоннадами. На следующий день тысячи рук уже приступили к выполнению этого грандиозного плана, стараясь по возможности усовершенствовать проект королевы. Продолжайся это и дальше, все королевство было бы перевернуто вверх дном. Там, где стояла гора, она хотела видеть равнину, где пахал земледелец, хотела удить рыбу, а где плавали гондолы, хотела кататься на карусели. Медный пфенниг так же неумоимо производил золотые монеты, как изобретательная дама проматывала их. Единственным ее стремлением было — окончательно подчинить себе расточителя и, разорив, отделаться от него.

В то время как Андиол вел такую блестящую жизнь при дворе, ленивый Амарин откармливался дарами своей салфеточки. Однако скоро зависть и ревность отбили у него аппетит к вкусным блюдам своего стола. «Разве я не был таким же оруженосцем рыцаря Роланда, как и Андиол, этот заносчивый кутила? — думал он про себя. — И разве матушка колдунья не согревалась так же в моих объятиях, как и в его? Как-никак, она несправедливо распределила свои дары. Ему — все, мне — ничего. Я терплю нужду, несмотря на изобилие, не имею рубахи на теле и ни одного геллера * в кошельке, а он живет рос-

кошнее принца, блещет при дворе и состоит фаворитом прекрасной Урраки». Угрюмо сложил он свою салфеточку, сунул ее в карман и пошел прогуляться на рыночную площадь. Там как раз публично секли розгами главного повара короля, ибо по причине неудобоваримого обеда у монарха сильно расстроился желудок. Когда Амарин узнал эту историю, он был весьма поражен и подумал про себя, что в стране, где так строго наказывают за недосмотр в приготовлении пищи, должны щедро вознаграждаться и заслуги в этой области. Недолго думая отправился он в дворцовую кухню и, выдав себя там за проезжего повара, ищущего работы, вызвался через час представить пробный обед, какой только от него потребуют.

Кухонный департамент при дворе короля Асторги, как и следует, признавался одним из важнейших, как влияющий в первую очередь на благополучие и неблагополучие государства, ибо хорошее или дурное настроение монарха и его министров зависит большей частью от хорошего или плохого пищеварения, а всем известно, что этому последнему способствует или препятствует кухонная химия.

Кроме того, мудрейший из царей * в своих изречениях, очевидно основанных на собственном опыте, поучал, что свирепый лев не так страшен, как разгневанный царь. Поэтому было весьма благоразумно подходить к выбору главного повара осторожнее, чем к выбору министра. Амарину, внешность которого не внушала доверия, ибо он выглядел настоящим бродягой, понадобилось все его красноречие, вернее — дар бахвальства, чтобы выдвигаться среди других кандидатов на должность повара. Только смелость и самоуверенность, с какой он говорил о своем искусстве, побудили управителя кухни поручить ему изжарить на пробу *cochon farci en haut gout*¹, при изготовлении которого даже искуснейшие повара нередко терпели фиаско. Когда он потребовал необходимые ему припасы, то обнаружил такое грубое невежество, что весь кухонный цех не мог удержаться от смеха. Но он ничуть не смутился, заперся в отдельной кухне и разжег для виду большой огонь в плите, а тем временем тихонько расстелил свою салфеточку и потребовал, чтобы

¹ Фаршированный поросенок самого тонкого вкуса (*франц.*).

ему было подано пробное кушанье, приготовленное наилучшим образом. И тотчас же появилось аппетитное жаркое в обычной старинной майоликовой посуде. Потом он красиво уложил его на серебряное блюдо и передал старшему приемщику для пробы. Тот с недоверием взял немного на язык, дабы испорченным блюдом не повредить свои нежные вкусовые органы. Однако, к своему удивлению, нашел поросенка превосходным и признал его достойным быть поданным к королевскому столу.

Король, по нездоровью, не обнаруживал большого аппетита, но едва до него донесся аромат чудесного жаркого, как чело его прояснилось и на горизонте обозначилась хорошая погода. Он пожелал отведать кушанье, опустошил одну тарелку, затем еще одну и съел бы всего молочного поросеночка, если бы не приступ нежности к супруге, побудивший его послать ей остатки. Благодаря хорошему обеду настроение монарха поднялось, и, выйдя из-за стола, его величество были так веселы, что соизволили работать с министрами и даже, по собственному побуждению, принялись за щекотливые дела, отложенные в долгий ящик. Виновник такой счастливой перемены не был забыт. Мастера своего дела Амарина нарядили в роскошное платье и доставили из кухни к королевскому трону. После долгих восхвалений удивительного таланта он был назначен личным поваром короля и возведен в ранг главнокомандующего всей кухней.

За короткое время слава его достигла апогея. Все любимые блюда недоброй памяти римских сарданапалов * древности, которые мелочный Цопф и скромный Гильмар Курас * в своих кратких руководствах приписывают исчезнувшим властителям мира в доказательство их необузданнейшего обжорства, повлекших за собой, по их мнению, разорение государства и финансовый упадок Римской империи, а именно: исполинские торты, посыпанные зернышками из чистого золота, паштеты из павлиньих глаз, дроздовых мозгов, яиц куропаток — блюда, в наши дни не привлекающие самых тонких гурманов; фри-касе из петушиных гребешков, глаз карпа, рыбьих губ, на которых, как говорится в старинных преданиях, одна голландская графиня проела все свои владения, — все это были только будничные блюда, подаваемые новоявленным Апицием * своему монарху. В торжественные дни или

когда он находил нужным пощекотать королевское нёбо более изысканным кушаньем, Амарин соединял в одной миске диковинки всех трех известных тогда частей света *. Благодаря своим заслугам, он поднялся до высокого поста управителя королевской кухни и наконец даже мажордома.

Этот блестящий метеор, появившийся на кухонном горизонте, чрезвычайно обеспокоил королеву. До сих пор она управляла своим супругом и помыкала им, как хотела. Теперь же по вине неожиданно выплывшего фаворита она боялась потерять власть и влияние. Вольный образ жизни супруги не был тайной для доброго короля Гарсия. Но то ли благодаря политической или физической флегматичности, то ли из нежелания нарушать домашний мир или из лени, он никогда не подавал виду, что кое о чем осведомлен. Если же иногда им и овладевало дурное настроение, то хитрая супруга пользовалась его слабостью к вкусной еде и была весьма изобретательна в приготовлении всевозможных рагу и соусов, так удивительно влиявших на расположение его духа, словно они были сварены на воде из реки Леты *. Но с тех пор как салфеточка Амарина произвела кухонную революцию, поварское искусство королевы потеряло былую славу. Несколько раз осмеливалась она соревноваться с мажордомом, но всякий раз терпела поражение, ибо ей не только не удавалось превзойти миску Амарина, но всегда именно ее кушанье возвращалось на кухню нетронутым и становилось добычей прихлебателей. Ее изобретательность в создании изысканных блюд истощилась, тогда как искусство Амарина мог превзойти только он сам. В таких критических обстоятельствах королева пришла к мысли завоевать сердце нового фаворита своего супруга, чтобы любовью заставить его служить ее интересам. Она тайно призвала его к себе и благодаря своим обольстительным чарам легко добилась всего, что ей было нужно. Он обещал напрячь все свои способности, чтобы к предстоящему дню рождения короля подать обед, который превзойдет все, что когда-либо ублажало человеческий вкус. Какую награду выговорил себе мажордом за эту услугу, легче угадать, чем рассказать. Достаточно сказать, что каждый раз, когда королева загребала жар руками Амарина, ее изделия, по мнению короля и его сотрапезников, было наилучшим.

Оба парня теперь играли при дворе короля Асторги видную роль и, по обыкновению всех удачливых выскочек, были преисполнены нестерпимой гордостью и надменностью. Судьба опять свела их после разлуки так близко, что они ели из одной миски, пили из одного кубка и разделяли любовь прекрасной Урраки. Но, крепко помня уговор, оба делали вид, что совершенно не знают друг друга, и никто не подозревал о их прежней дружбе. Между тем они не могли понять, куда исчез мудрый Саррон. А тот благодаря своему перчаточному пальцу, соблюдая до поры до времени строжайшее инкогнито, наслаждался всеми преимуществами своего положения, которое хотя и не бросалось в глаза, тем не менее удовлетворяло все его желания. Красота прекрасной Урраки произвела на него такое же сильное впечатление, как и на его товарищей. Желания и намерения у него были те же, а так как исполнение их не представляло для него особых трудностей, то он достиг в любви королевы большого преимущества перед товарищами, прежде чем его соперники хотя бы в малейшей степени заподозрили это.

С тех пор как они расстались, Саррон всегда незримо присутствовал рядом с обоими приятелями и одинаково заимствовал блага как со стола Амарина, так и из кошелька Андиола. Он незаметно наполнял желудок остатками стола первого и кошелек — избытком второго. Теперь главной заботой его было — принять романтический облик, чтобы осуществить свой план: заставить обольстительную королеву врасплох в минуту томной мечтательности. Нарядившись в небесно-голубой атлас и нежно-розовые панталоны, он надушился с головы до ног и, пользуясь своим чудесным даром невидимки, в час сиесты * проник в спальню королевы в образе аркадского пастушка, пасущего стадо в зале маскарада. Вид спящей красавицы в прелестном неглиже так воспламенил его желания, что он не удержался и запечатлел горячий поцелуй на ее пурпуровых губках, звуком его разбудив дремавшую придворную даму, на обязанности которой было обмахивать свою повелительницу опахалом из павлиньих перьев и отпугивать летающих насекомых. Королеву крепкий поцелуй также разбудил от сладкого сна, и она с напускным смущением спросила, кто вошел к ней в комнату и кто посмел целовать ее в губы. Придворная дама

опять замахала опахалом, делая вид, будто все время бодрствовала, и стала уверять, что в комнате никого постороннего нет, высказав предположение, что ее величеству все это померещилось в сладком сне. Но королева была уверена, что не обманулась, и послала свою камеристку навести справки у стражи в соседнем зале. Едва та, повинувшись приказу, удалилась из комнаты, как опахало задвигалось само собою, овевая королеву прохладой и обдавая ее запахом амбры и ароматом цветов. При виде этого необычайного явления королеву обуял страх. Она вскочила с ложа и хотела бежать, но какая-то невидимая сила удержала ее, и она услышала голос, прошептавший ей:

— Прекрасная смертная, не бойтесь. Вы находитесь под покровительством могущественного короля фей Демогоргона *. Ваш прелестный образ привлек меня из высших слоев эфира в гнетущую атмосферу земли, чтобы поклониться вашей красоте.

При этих словах в комнату вернулась придворная дама, чтобы дать отчет в своем поручении, но была тотчас же отослана обратно, ибо при такой таинственной аудиенции ее присутствие было излишним. Прекрасная Урака была, конечно, необычайно польщена таким неземным поклонением и пустила в ход все тонкости кокетства, желая блеском соблазнительной красоты ослепить властителя фей и закрепить такое важное завоевание. Она разыграла скромное смущение, переходившее постепенно в пылкое чувство зарождающейся страсти. Она ответила на пожатие невидимой руки, затем последовали томные, негромкие вздохи и сдержанный стон, от которого ее полная грудь то поднималась, то опускалась, и только очаровательные черные глаза оставались без дела, потому что не было перед ними объекта, который они могли бы завоевать. Но зато искусительница королева пустила в ход все свои чары. Демогоргону пришлось крепко взять себя в руки, чтобы окончательно не потерять рассудок. Нежная страсть влюбленной пары с каждой минутой разгоралась все сильнее. Королева сожалела только, что ее эфирный обожатель был бесплотным существом, в то время как она отдавала предпочтение осязаемому миру перед духовным.

— Разве вы не признались мне, могущественный пове-

литель воздушных сфер, — сказала она, — что вас пленила телесная красота смертной женщины? Но что может привязать мое сердце к вам? Любовь без чувственности мне кажется бессмыслицей.

Эфирный монарх не знал, что на это ответить, ибо хотя платоническая любовь действительно витает в эфире и он сейчас вполне мог бы сослаться на эту излюбленную теорию, но бедному оруженосцу не были знакомы ни Платон, ни его система. Поэтому он взялся за дело с другого конца.

— Знайте, прекрасная королева, — сказал он, — что в моей власти принять телесную оболочку и предстать перед вами в человеческом образе, но это унижительно для моего достоинства.

Однако красавица Уррака так настоятельно молила его о самопожертвовании, что влюбленный король фей не устоял перед ее желанием и согласился на ее требование,

хотя и с явной неохотой. Фантазия королевы рисовала образ прекраснейшего мужчины, какого она с нетерпением ожидала улицезреть. Но сколь велик был контраст между идеалом и оригиналом! Ее взору представилась обыкновенная заурядная физиономия, не выражающая ни гениальности, ни высокой чувствительности. У мнимого короля фей в его платье аркадского * пастушка был вид фламандского мужика, словно сошедшего с полотна Ван-Дейка *. При виде столь курьезного явления королева усилием воли скрыла свое удивление и утешилась мыслью, что гордый дух решил, очевидно, слегка наказать ее за назойливое желание видеть его во плоти и в другой раз явится в образе Адониса *.

Итак, первое свидание окончилось, в общем, ко взаимному удовольствию. Условились относительно новых встреч, чем мудрый Саррон не преминул воспользоваться, и обьятыя прелестной любовницы щедро вознаградили его за приключение в пещере колдуньи.

Возможно, что, не будь он невидимкой, счастье его было бы полнее. Никем не замеченный, следовал он за своей дамой как тень, и не было недостатка в открытиях, которые не доставили бы удовольствия ни одному любовнику. Он обнаружил, что податливая королева с такой же готовностью дарила свою благосклонность повару и камергеру, как ему, королю фей. Это фатальное столкновение с бывшими походными товарищами, которые пользовались теми же милостями, что и он, вызвало в сердце его мучительную ревность. Он стал ломать себе голову, как бы устранить соперников, и вскоре ему представился случай выместить злобу на глупце Амарине.

На званом обеде, устроенном королевой для своего супруга и всего двора, было подано блюдо под крышкой, для которого король Гарсиа берег весь свой аппетит. Хотя оно и было детищем волшебной салфеточки, его выдавали за изделие королевы. Управитель кухни горячо заверял, что на сей раз мастерство ее величества в приготовлении кушаний настолько затмило его собственное, что он, дабы не рисковать своей репутацией, оставляет за собой только будничное меню. Эти льстивые слова так понравились королеве, что она наградила мажордома нежнейшим и многозначительнейшим взглядом, который острым ножом резнул по сердцу Саррона, невидимо наблюдавшего за нею.

«Ладно же! — недовольно пробормотал он про себя. — Никому из вас не достанется ни крошки!»

Едва виночерпий подал миску и снял крышку, как лакомое блюдо, к удивлению всех присутствующих, вмиг исчезло, и миска оказалась пустой. Среди слуг прошел испуганный шепот и тихий говор. Кравчий от ужаса выронил нож и доложил о случившемся управителю кухни, повар побежал к главному пробователю и таинственно сообщил ему роковую весть, а тот немедля передал ее шепотом своему начальнику. Мажордом тут же поднялся с места и с официальным видом также на ухо прошептал печальную новость королеве, которая при этом смертельно побледнела и потребовала венгерского питья.

Король между тем с нетерпением ждал слугу с лакомством, столь жадно ожидаемым, и поглядывал во все стороны, ища глазами тарелку. Заметив смятение среди слуг и беспорядочную беготню, он пожелал наконец узнать, что это означает. Тогда королева собрала все свое мужество и с выражением печали на лице рассказала ему, что случилось несчастье и ее блюдо нельзя подать. В ответ на это неприятное известие голодный монарх, как легко себе представить, страшно рассердился и, с неудовольствием отодвинув стул, направился в свои апартаменты, и надо сказать, что при таком поспешном отступлении каждый боялся попасться ему на пути. Королева тоже недолго оставалась в столовой и отправилась в свои покои, чтобы вынести приговор бедному Амарину.

Она тотчас же повелела привести ошеломленного мажордома, еще не пришедшего в себя от испуга, вызванного таинственным исчезновением лучшего кушанья и явным гневом короля. И когда он, покорный и унылый, упал к ногам разгневанной повелительницы, она немедленно обратилась к нему со следующими словами:

— Благодарный предатель, ты, как видно, столь низко ценишь расположение королевы, что осмелился обратить на нее гнев ее супруга и сделать посмешищем всего двора! Или твое честолюбие до того безгранично, что ты позавидовал моей маленькой славе, купленной самой дорогой ценой, и не дал украсить лучшим блюдом стол короля? Или, может, раскаялся, что обещал сервировать по моему приказанию самое изысканное лакомство, и скрыл его, когда я была уже готова пожать успех?

Сейчас же открой тайну своего искусства или ожидай расплаты, ибо за колдовство тебя сожгут на костре и завтра же поджарят на медленном огне.

У трусливого простака сердце заныло от страха, когда он услышал такой строгий приговор. Он полагал, что только чистосердечное раскрытие тайны его искусства поможет избежать мести королевы. И тут же дал волю языку. Желая прежде всего отвести от себя подозрение разгневанной дамы, якобы он из зависти скрыл драгоценное рагу, он не умолчал ни о приключении в Пиренеях, ни о дарах матушки колдуньи. Благодаря его откровенному рассказу королева сразу получила давно желаемые и точнейшие сведения о всех трех фаворитах, и тут же ей пришлось в голову овладеть волшебными сокровищами. Едва неразумный Амарин выболтал свою тайну и, как думал, окончательно оправдал себя в глазах королевы, как последняя заявила ему с презрительной миной:

— Презренный дуралей! Ты думаешь этой жалкой ложью спасти себя и обмануть меня? Покажи мне свою чудо-салфеточку, или берегись моей мести!

Амарин волей-неволей исполнил ее категорический приказ. Он вытащил салфеточку и, расстелив ее, спросил королеву, что ей подать к столу. Она попросила зрелый мускатный орех в мягкой скорлупе. Он обратился к услужливому духу салфеточки — появился майоликовый сосуд, и тотчас же, к изумлению королевы, коленопреклоненный Амарин почтительно протянул ей зрелый мускатный орех в скорлупе на зеленой ветке. Но, вместо того чтобы взять ветку, она схватила магическую салфеточку и швырнула ее в открытый ларь, который тут же захлопнула. Обманутый мажордом, сразу обессилев, опустился на пол, увидев, что лишился источника своего кратковременного счастья. Хитрая похитительница подняла между тем крик и, когда сбежались слуги, обратилась к ним:

— Этот человек страдает эпилепсией, позаботьтесь о нем и никогда больше не пускайте ко мне, чтобы он еще раз не напугал меня.

Как ни странно, но мудрый Саррон, при всем своем уме, на сей раз не предвидел всех последствий коварной шутки над своим приятелем. Из злорадства он жадно пожирал похищенное кушанье, забыв золотое правило,

которое ввиду его поучительности три умных народа так коротко и ясно заключили в трех словах¹, и вдруг почувствовал тошноту и тяжесть в желудке. Из опасения остаться в столовой видимые следы своего невидимого присутствия, он вышел на воздух и стал прогуливаться по парку, в надежде, что от движения тяжесть в желудке уменьшится.

Вот почему он в тот день не мог сопровождать королеву в ее покои. Но накануне она пригласила его к себе на *partie fine*², и в назначенное время он не замедлил явиться к ней. Королева была необычайно весела, любезна и нежна, как Грация*, так что дружище Демогоргон плавал в сладком упоении. Хитрая любовница поднесла очарованному Саррону чашу вина, которую сама налила, подмешав в него сильнодействующий снотворный порошок. Очень скоро его убаюкала сладкая дремота. Как только он громко захрапел, коварная похитительница овладела перчаточным пальцем, придающим невидимость, и велела своим слугам отнести властелина эфирных пространств в отдаленную часть города и оставить на мостовой, пока он не очнется от наркотического сна. От радости королева никак не могла уснуть. Все ее мысли были заняты тем, как бы овладеть третьим волшебным сокровищем.

Едва первые лучи солнца позолотили зубцы стен королевского замка Асторги, как неутомимая женщина вызвала горничную и сказала ей:

— Пошлите известить Хильдерика, сына любви, чтобы он сопровождал меня к ранней обедне, и за эту милость пусть оделит бедных щедрой милостыней.

Изнеженный баловень счастья и прекрасной Урраки валялся меж тем в мягкой постели и позевывал, когда получил это почетное приглашение. Еще полусонный, он тотчас же приказал камердинеру одеть себя и отправился ко двору, где камергер королевы бросил на него косой взгляд, завидуя, что любимчику оказана честь заменить его.

С благолепной пышностью проследовала процессия в храм, где епископ со своим каноником служил торжест-

¹ *Ne quid nimis* (лат.), *Rien de trop* (франц.), *Allzuviel ist ungesund* (нем.) — Всякое излишество вредно.

² Тайное свидание (франц.).

венную литургию и где собралось уже много народу поглазеть на великолепное шествие. Прекрасная Уррака, а еще более роскошный шлейф ее платья, несомый за ней шестью придворными дамами, вызвали всеобщее восхищение. Толпа назойливых нищих, калек на костылях и на деревяшках, слепых и парализованных окружила помпезное шествие богомольцев, загораживая королеве дорогу и умоляя о милостыне, которую Андиол щедро сыпал из своего кошелька направо и налево. Один слепой старик особенно выделялся среди своих сотоварищей дерзостью, с какой он протискивался вперед, ужасным криком требуя себе подавание. Он неотступно шел рядом с королевой и непрерывно протягивал свою шляпу, прося о милосердном даре. Андиол бросал ему время от времени золотой, но, прежде чем слепой находил его, какой-нибудь вороватый сосед проворно похищал его, и тот снова начинал причитать. Королеву, казалось, тронул этот несчастный старик. Она вырвала из рук своего спутника кошелек и передала слепому.

— Возьми, добрый старик, эту милостыню, — сказала она, — даю тебе ее от имени благородного рыцаря, молись о душе своего благодетеля!

Андиол до того испугался этой королевской щедрости за свой счет, что, потеряв самообладание, сделал рукой движение, как бы намереваясь схватить кошелек. Эта очевидная скарденность вызвала громкий смех у всей благочестивой свиты королевы, что еще более увеличило его смущение. Из страха уронить свое достоинство он заставил себя взять под руку королеву и повести ее в собор и как мог таил свое огорчение до конца мессы. После обедни он кинулся разыскивать нищего и обещал большую награду за старинную монету из кошелька, которая якобы являлась редкостью. Но никто не мог сказать, куда девался нищий. Завладев кошельком, он исчез бесследно.

Нищего же следовало искать в передней королевы, где он ждал ее возвращения, ибо то был зрячий придворный шут, вырядившийся слепым, чтобы завладеть волшебным пфеннигом. К величайшей радости королевы, он оказался в мошне, добросовестно переданной ей доверенным лицом. Теперь коварная женщина овладела всеми волшебными дарами трех оруженосцев, а те неутешно оплакивали свою потерю и в отчаянии рвали на себе

волосы. Она же гордо торжествовала победу, достигнутую путем плутовства, нисколько не заботясь о судьбе трех несчастных.

Первым делом она испытала, будет ли чудесная сила волшебных предметов действительной в руках новой владелицы. Попытка удалась вполне: салфеточка доставляла по ее приказанию майоликовый сосуд, медный пфенниг производил дукаты, а под покровом перчаточного пальца она проходила, никем не видимая, мимо стражи в передней в комнаты своих фрейлин. С бьющимся сердцем рисовала она себе блистательнейшие сцены будущей жизни, какую намеревалась вести, но самым заветным ее желанием было превратиться в настоящую фею. Она долго раздумывала, как проникнуть в тайную сущность этих загадочных дам, которых даже пытливый ум мудрейших мира сего не сумел досконально изучить.

«Что такое фея? — рассуждала она сама с собою. — Не более как обладательница одной из нескольких магических тайн, благодаря которым она совершает чудеса, возносящие ее над простыми смертными. Разве не вправе я считать себя одной из могущественнейших фей, раз обладаю такими талисманами?»

Ей оставалось пожелать лишь драконову колесницу или упряжку бабочек, ибо свободное передвижение по воздуху было для нее пока недоступно, но она овладеет и этим искусством, стоит только вступить в содружество фей. Она надеялась найти среди них любезную подругу, которая согласится уступить ей такой воздушный экипаж в обмен на одно из ее чудесных сокровищ. Ночи напролет тешила она себя приятными мечтами: как невидимо подкрадывается к красивому юноше, подзадоривает его, кружит голову и, одурманив любовным томлением, дает схватить вместо нимфы пустую тень или, смотря по обстоятельствам, удовлетворяет его желание. Однако новоиспеченная фея чувствовала: чтобы пуститься на такие авантюры, ей недоставало существенно необходимых атрибутов. У нее не было еще приличного гардероба феи.

Ранним утром, сменившим бессонную ночь, в продолжение которой ее пылкая фантазия нарисовала ей полное облачение феи, от крылышек до каблучков прелестных туфельек, — за работу был засажен весь портняжный цех Асторги, будто предстояло открытие большого мас-

карада или надо было нарядить капризнейших примадонн театра для *opera seria* ¹.

Следует сказать, что, прежде чем этот наряд был готов, случилось нечто, поразившее все королевство Супрарбию и больше всего самую прекрасную Урраку.

Однажды ночью, когда после длительного напряжения всех душевных сил размечтавшаяся королева наконец погрузилась в легкий сон, ее вдруг разбудил голос какого-то воина, произнесшего ей на ухо страшные слова:

— *De par le Roi* ².

Дежурный офицер предложил ей немедленно следовать за ним. Испуганная королева упала с облаков на землю и сначала растерялась, но потом начала спорить с офицером, который, впрочем, если оставить в стороне порученные ему в данную минуту функции, обладал недурной наружностью, так что ему, мимоходом, недвусмысленно был обещан визит феи. После безуспешного обращения к высшей власти королева поняла, что представляет слабейшую сторону и должна покориться.

— Воля короля для меня закон, — сказала она, — я следую за вами.

Сказав это, она подошла к своему ларю, чтобы взять дождевой плащ, как она объяснила — для защиты от ночного холода, в действительности же она хотела воспользоваться перчаточным пальцем и внезапно исчезнуть. Но капитан получил строгие указания и был настолько неучтив, что отказал прекрасной пленнице в этом маленьком снисхождении. Ни просьбы, ни слезы не действовали на жестокосердного воина, он схватил ее мускулистой рукой и без церемоний вытолкнул из комнаты, которую законники тотчас же заперли и опечатали. Внизу у ворот стояла пара мулов с носилками, в которые должна была сесть плачущая королева, весьма небрежно одетая. И вот при свете факелов поезд печально и тихо, как похоронная процессия, направился из ворот по безлюдным улицам города в уединенный монастырь, обнесенный высокой каменной стеной, в двенадцати милях от города, где утопавшую в слезах пленницу заключили в мрачную келью, находящуюся на глубине сорока сажен под землей.

¹ Серьезной оперы (*итал.*).

² Именем короля (*франц.*).

Со времени неудавшегося праздничного обеда, когда исчезло любимое лакомство короля Гарсиа, он все время пребывал в таком дурном расположении духа, что ему никак нельзя было угодить. Половина его министров и придворных впала в немилость, другая половина, опасаясь той же участи, изощрялась в стараниях как можно скорее излечить своего монарха от сплина. Лейб-медик предлагал для этой цели рвотное, камердинер — любовницу, *Primas regni*¹ — покаянный день, командующий армией — крестовый поход против сарацин, старший

¹ Архиепископ (лат.).

егермейстер — охоту, гофмаршал — паштет из красных куропаток во вкусе мажордома. Что касается последнего, то надо сказать, что, утратив салфеточку, он скрылся из глаз, подобно кушанью его приготовления, наделавшему столько шума. Из всех этих средств, предложенных для развлечения короля, предпочтение было отдано охоте, ибо устройство ее было сопряжено с наименьшими трудностями. Но и она не дала ожидаемых результатов. Король не мог забыть исчезновение шедевра кухонного искусства и ясно давал понять, что, по его мнению, тут дело нечисто. Да, в кругу своих приближенных он даже высказал подозрение, что супруга его колдунья.

У королевы при дворе было много сильных врагов. Как только ее противники заметили перемену в отношении короля к их повелительнице, дух клеветы не преминул воспользоваться случаем, чтобы погубить ее, и это удалось тем легче, что чудесная салфеточка, которая в Асторге могла бы ублажить короля искупительной жертвой, здесь, в охотничьем замке, не влияла на него своими талантами.

После того как дело основательно обсудили в узком кругу приближенных короля — скороходов, придворных карликов и шутов, камердинера, придворного лекаря и вообще всех, к чьему мнению король еще прислушивался я, — падение гордой королевы было предрешено. Король созвал тайное заседание государственного совета и приказал ему утвердить приговор узкого круга советников, как имеющий законную силу, и без задержки привести его в исполнение.

Теперь придворная комиссия неутомимо занималась перетряхиванием вещей несчастной королевы, пытаясь найти доказательство колдовства — какой-нибудь талисман, магические письмена, быть может, контракт, заключенный с нечистым, или копию с него. Все ожерелья и прочие драгоценности, а равно и одеяние феи были добросовестно занесены в опись. Однако, несмотря на приложенные усилия, близорукие чиновники ничего не могли найти, что бы указывало на колдовство. Собственно *corpus delicti* — объект ограбления оруженосцев Роланда — выглядели столь невинными и невзрачными, что эти сокровища магии даже не удостоились чести попасть в инвентарь. Бесценная салфеточка благодаря частому употреблению ее прежним владельцем потеряла свою

свежесть и служила ничего не подозревавшему писцу тряпкой, которой он вытирал чернила, разлившиеся по столу из опрокинутой чернильницы. Чудесный перчаточный палец, делающий человека невидимым, и плодови́тый медный пфенниг были выброшены, как бесполезный хлам, в мусорную кучу.

Что случилось с королевой Урракой в мрачном монастырском подземелье на глубине сорока сажен, была ли она осуждена на пожизненное заточение или когда-либо вновь увидела дневной свет, а равным образом о том, какая судьба постигла три магических талисмана — были они разрушены плесенью, гниением и ржавчиной или вырваны чьей-нибудь счастливой рукой из пыли и мусора, куда в конце концов попадают все земные сокровища, преданные забвению, — об этом старинная легенда хранит глубокое молчание.

Было бы, конечно, справедливо, если бы хлебосольная салфеточка или плодови́тый пфенниг попали в руки добродетельного, но бедного труженика, обремененного голодающей семьей, работающего в поте лица своего и не имеющего ничего, кроме слез, чтобы дать своим маленьким птенцам, когда они требуют хлеба; или если бы чажнувший от любви юноша, которого тиран отец и деспотическая мать разлучили с любимой девушкой, заточив ее в монастырь, получил бы талисман, делающий человека невидимым, чтобы освободить свою возлюбленную из затворничества и соединиться с ней навеки. Однако такое отклонение от обычного хода событий в подлунном мире было бы слишком необычным и вряд ли могло произойти на самом деле. Самые желанные богатства земли находятся в неправедных руках, и своеенравное счастье отказывает в них тем, кто мог бы сделать из них умеренное и разумное употребление.

После утраты всех бесценных даров щедрой матушки колдуньи ограбленные владельцы тихонько скрылись из Асторги. Амарин, который без своей волшебной салфеточки не мог уже выполнять обязанности главного повара, удалился первый. Андиол, сын любви, тотчас же последовал за ним. Легкость, с какой он привык добывать деньги, внушила ему отвращение к труду, свойственное богатым бездельникам. Ему было лень даже переворачивать свой пфенниг, чтобы запастись деньгами соразмерно своим расходам, и он жил большей частью в кредит,

занимаясь пополнением своей кассы только в случае плохой погоды или когда не предстояло никаких развлечений. Теперь он был не в состоянии удовлетворить своих кредиторов. Незамедлительно он сменил одежду и бежал из города. Саррон, очнувшись от наркотического сна, тотчас же понял, что роль короля фей играть ему больше не придется. Угрюмый вернулся он к себе на квартиру, переделся в прежнюю одежду и первой попавшейся улицей бежал из Асторги.

Случаю было угодно, чтобы оруженосцы Роланда опять встретились на военной дороге, ведущей в Кастилию. Вместо того чтобы оскорблять друг друга бесполезными упреками, что все равно не улучшило бы их положения, они с философским спокойствием примирились со своей судьбой. Тожественность их участи и неожиданная встреча вскоре оживили старую дружбу, а мудрый Саррон заметил, что дружба выпадает на долю золотой середины и редко мирится со счастьем и большим талантом.

Они единодушно решили продолжать путь вместе и, следуя своему прежнему призванию, сражаться под кастильскими знаменами, чтобы отомстить сарацинам за смерть Роланда. Вскоре им удалось выполнить свое намерение: они попали в жаркий бой и напоили свои мечи кровью врагов. Овеянные лаврами побед, они все пали смертью героев.

ВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ,
ИЛИ СКАЗКА À LA MALBROUK¹

Между Лейне и Везером некогда находилось графство Халлермюнд, в те времена одно из знаменитейших в Саксонии. Оно красовалось между четырьмя другими графствами, как жемчужина в золотой оправе или как сердечко прелестного цветка среди пестрых лепестков. На востоке оно граничило с графством Поппенбург, на западе — с Шаумбургом, на юге — с Шпигельбергом и на севере — с Каленбергом. Недалеко от Эльдагсена, у проезжей дороги, налево от Штейгергрунда до сих пор еще видны развалины стен и сводов — остатки прежнего великолетия и могущества родового замка графов Халлермюнд.

В те времена, когда герцог Генрих Лев * с верным спутником львом в одну ночь совершил свое знаменитое путешествие на спине услужливого черта из Палестины в

¹ На манер Мальбрука * (франц.).

Брауншвейг, куда он благополучно прибыл в добром здравии, а, может быть, вскоре после того — жил в Халлермюнде граф Генрих Храбрый со своей супругой Юттой фон Ольденбург, бывшей по признанию современников образцом красоты и добродетели, обладавшей всеми совершенствами и талантами, кои сочинитель «Силуэтов» * в своей толстой книге столь мудро распределил между всеми знаменитыми красавицами и благородными дамами, ныне проживающими в Нижней Саксонии.

Обладая таким сокровищем, граф Генрих по праву считал себя счастливейшим супругом во всем подлунном мире. Он любил добродетельную Ютту и был ей так же неизменно верен, как наш праотец Адам прапатери Еве в безгрешном раю, где не было другой, ей подобной. Благородная графиня отвечала супругу такой же нежной любовью, чистой и прозрачной, будто гладко отшлифованное зеркальное стекло, которого еще не коснулась с обратной стороны ртутная масса, отчего оно начинает отражать иные образы и предметы.

Все склонности и желания согласной четы растворялись в нежном чувстве взаимной любви, и когда в часы близости и нежных излияний они открывали друг другу сердце, то спорили только об одном: чья любовь более сильна и постоянна — мужская или женская. Но такие отвлеченные беседы легко уводят в область фантазии, и потому супруги не довольствовались любовным наслаждением в настоящем. Срок земной жизни казался им слишком кратким и мимолетным, чтобы объять все их счастье. В своих беседах они чаще всего касались сентиментальных и религиозных проблем о положении любящих по ту сторону могилы. В избытке женской нежности графиня часто уверяла супруга, что в разлуке с ним даже райские радости не принесут ей полного блаженства, а общество ангела-хранителя ни в коей мере не заменит отсутствующего супруга. Ее религиозные представления о будущем местопребывании душ усопших были весьма неясны, и она колебалась между страхом и надеждой. Она не знала, где будет определен сборный пункт для душ, оставшихся верными своей земной любви, — в чистилище или в преддвериирая, она сомневалась также, сможет ли найти дорогу к любимому и встретиться с ним среди бесчисленных толп в царстве теней, ибо нет более странного и запутанного представления

о жизни на небесах, чем понятия женщин о загробном мире.

— А х , — часто повторяла графиня с нежной грустью , — если бы на совете привратников рая * нам было предопределено вместе, в один и тот же час сойти в темную могилу, тогда наши неразлучные души в тесном объятии поспешили бы к месту вечного упокоения, не теряя ни одного мгновения в блаженстве взаимной любви.

Хотя граф и соглашался с этим желанием, однако его мысли касательно загробного свидания любящих душ были не столь тревожны. По его теории, в небесной политике царил полный порядок. Будучи воином, он сравнивал царство теней с благоустроенным военным лагерем, где легко отыскать друг друга. Ему казалось также, что разлука вследствие одновременной смерти подобна тому, как если бы один из супругов отправился в непродолжительное путешествие, когда сама надежда на возвращение приятна, а новое свидание полно радости. Он уверял, что не отступит от законов рыцарства и на том свете и не успокоится до тех пор, пока не найдет свою да му , — хотя бы ему пришлось для этого обыскать все необозримое небесное пространство, — и отыщет свою любимую среди бесчисленных мириадов теней.

В комнате, где происходили эти разговоры, стены были украшены, во вкусе того времени, панелями с изображением пляски смерти. Одна из таких страшных групп представляла влюбленную пару за нежной беседой. Но вот входит призрак с косою и приглашает девушку в свой хоровод. При виде костлявого кавалера влюбленный небрежно опускает правую руку, которой, видимо, только что обвивал стан любимой, и, отшатнувшись от нее, левой обнимает сидящую по другую сторону девицу и прячет лицо у нее на груди.

— Взгляни, любезный супруг, — заметила графиня, — вот пример мужской верности. Ни одна женщина не способна на такую быструю измену. Не успела еще остыть его возлюбленная, а святое пламя уже угасло в груди ее вероломного друга. Ах, эта девушка унесет с собой из мира память о неизменной любви! Но если когда-нибудь ей встретится тень милого в обществе другой, разве это не отравит ей наслаждение в горней обители?

Эта мысль вселила такую скорбь в чувствительное сердце графини, что нежные слезы залили ее розовые

ланиты. Кроткого супруга глубоко трогала печаль любимой мечтательницы, и он ласково утешал ее:

— Чистая любовь, — говорил он, — неизменна, и две связанные браком любящие души не разлучит даже великая бездна между небом и землей. Такая клятва, как наша, нерушима, и союз наш и за гробом свяжет нас навеки. Свидетельствуя и подтверждая это, клянусь своею совестью и рыцарской честью, что коли, упаси бог, смерть отнимет вас у меня, то мысль о другой мне и в голову не придет, и того же я ожидаю от вас, ежели я умру раньше. Да, если посещение этого мира после смерти возможно, то мой бесплотный дух, памятуя о нашем союзе, будет вам напоминать о нем. Подайте же мне руку, дорогая супруга, в залог того, что союз наших сердец скреплен навеки.

Эти слова настолько соответствовали романтическим представлениям графини, почерпнутым из туманных учений о загробной жизни, словно оно исходило из ее собственного сердца. Она обрела большое утешение и отраду в том, что ее любовь будет застрахована на том свете, и охотно отказалась от права вторичного вступления в брак, если смерть унесет ее супруга. Дабы скрепить этот брачный договор, она сплела из двуцветного шелка, зеленого и черного — цветов надежды и печали, — неразрывный узел любви. Потом такой же второй. Один преподнесла мужу, прикрепив его как брелок к графской цепи, а другой заключила в золотой медальон в виде сердечка, украшавший ее прелестную грудь, — как символ надежды, что в случае смерти одного из супругов переживший сохранит верность усопшему до загробного свидания. Вскоре после этого граф Генрих устроил для своих рыцарей роскошный пир, на котором, по своему обыкновению, от души веселился и шутил с гостями, ибо очень любил праздники и развлечения. Арфисты и скрипачи старались изо всех сил, и все в Халлермюнде дышало беспечной радостью. Нежная Ютта только собиралась, в паре с супругом, открыть бал веселым танцем, как вдруг раздалась торжественные звуки трубы, возвещающая о прибытии в замок герольда, который потребовал, чтобы его выслушали. Тотчас же граф повелел прекратить веселый шум, желая узнать, какое известие привез этот суровый человек в воинских доспехах. Графиня побледнела, и сердце ее сжалось от страха. Появление герольда по-

действовало на нее, как плач совы или карканье ворона, ибо она боялась, что он привез ее любимому супругу объявление войны или вызов на поединок. Но когда герольда ввели в зал и она увидела на его груди герб своего дома, то несколько успокоилась. Посланец почтительно склонился перед графом и, приветствовав его, начал свою речь:

— Граф Гергард фон Ольденбург, ваш тесть и союзник, призывает вас, по рыцарскому обычаю, через три дня, начиная с сегодняшнего, прийти ему на помощь и оказать поддержку своей могучей рукой, а также конями и ратью в военном походе против штедингцев, отказавших ему в повиновении. Если вы, как друг и брат, выполните эту просьбу, он, со своей стороны, охотно готов оказать вам взамен любую услугу.

Граф Генрих, недолго раздумывая, дал герольду положительный ответ и, щедро одарив, отпустил, а сам вскоре покинул танцевальный зал, и храм радости мгновенно превратился в военный арсенал. Нежные мелодии флейт и арф сменились устрашающим бряцанием оружия — к великой досаде юных дам, мечтавших о танцах и новых победах. Появление герольда сорвало празднество столь же внезапно и таким же неприятным образом, как знаменитая баталия стульев — пышный бал в Тулоне¹. Придворные слуги, только что торопливо разносившие торты и паштеты на серебряных блюдах и вина в позолоченных бокалах, теперь поспешно тащили из арсенала военное снаряжение для своего господина и его дружины. Один нес шлем с забралом, другой — бронзовые латы и гибкие набедренники, третий — стальной щит, четвертый — копьё и обоюдоострый рыцарский меч. Нежная Ютта с помощью служанки сама украшала дрожащей рукой шлем своего супруга красно-черным султаном, — то были цвета его герба. Затем по приказанию

¹ В Тулоне на празднике, посвященном воздухоплаванию, произошел такой случай. Во время неудачного эксперимента при поднятии земляной глыбы последняя обрушилась на голову одному угрюмому ирландцу. Тот взбеленился и, так как под рукой не оказалось ничего, кроме стула, на коем он сидел, запустил его в коллегию, производившую опыты с глыбой. Стул незамедлительно полетел обратно, и в воздухе, словно ласточки, замелькали стулья, и посыпался град выбитых зубов. Много тогда переломали человеческих ног и ножек у стульев, и пышный бал в честь праздника был сорван. (Прим. автора.)

графа оруженосец облачил его в бранные доспехи, и едва забрезжила утренняя заря, шталмейстер подвел боевого коня с гордо поднятой головой, и граф со всей свитой немедленно выступил в поход.

Ах, как плакала и рыдала, ломая руки, прекрасная графиня, когда любимый супруг горячо обнял ее и в последний раз запечатлел суровый прощальный поцелуй на ее прелестных пунцовых губках. Из глаз ее потоком струились слезы, орошая милые ланиты, как роса в утренний час цветущие поля. Сомкнув руки вокруг шеи мужа, графиня прильнула к его губам, не решаясь вымолвить слово «прощай» — это полное страшного значения слово разлуки. Напрасно граф старался прервать тяжелую

сцену прощания и вырваться из-под власти горестных чувств. Графиня судорожно вновь и вновь прижимала его к своему трепещущему сердцу, пока наконец оба не нашли в себе силы заговорить: — Прощай, мой дорогой супруг! Прощай, любимый мой! — Прощай, сердечный друг! Я скоро буду вновь с тобой. — Скажи, когда тебя мне ждать? — Я, право, не могу сказать. — Ты мне надежду дай. — На пасху ожидай. — Когда прижму тебя к груди? — На троицу уж точно жди. Разлука не страшна, когда свидание сулит она¹.

С этим грустным прощальным приветом нежная чета рассталась. Граф сильно пришпорил своего покрытого броней коня, чтобы на просторе весенних полей вздохнуть свободней, ибо горе супруги удручало его.

А графиня взошла на крепостную башню и лила слезы, пока султан на шлеме мужа не исчез из вида. Затем она заперлась в своих покоях, стала поститься, умерщвлять плоть, давая торжественные обеты всем святым и особенно архангелу Рафаилу *, чтоб тот сопровождал ее мужа, как некогда юного Товия, был бы его верным хранителем и так же невредимым привел на родину.

У графини был красавец паж по имени Ирвин, который обычно носил за ней шлейф на придворных празднествах или когда она шла в церковь; его она и послала теперь с графом, наказав ни на шаг не отставать от господина, быть ему верным оруженосцем и сопровождать повсюду. Если граф в пылу сражения вздумает рисковать жизнью, паж должен скромно напоминать господину, что ради любви ему не следует забывать о благоразумии и не стремиться к опасности, вроде отчаянных искателей приключений. Ирвин, помня наказ прекрасной госпожи, как тень следовал за графом, ибо отважный герой поклялся супруге внимать предостережениям верного пажа, поскольку позволят ему честь и рыцарский долг.

Медленно и вяло тянулись для графини дни разлуки. Она отсчитывала каждый удар часов, радуясь, когда солнце на западе скрывалось за горными вершинами, и думала лишь о том, что каждый прожитый день приближает ее еще на один шаг к желанной цели. Но ход времени подобен вращению махового колеса, которое не ускоряет своего равномерного бега ради вздохов смерт-

¹ Стихи в переводах О. Чистовского.

ного, но и не задерживается, если дерзкая рука попытается схватить его за спицу и остановить.

Так подошла пасха, ни на один час раньше или позже, чем требует мера времени. Однако, как ни сетовала добрая графиня на несправедливую медлительность времени, граф Генрих все не возвращался. Теперь она начала новый счет — от пасхи до троицы. Оставалось еще пятьдесят долгих дней, а пятьдесят дней для сердца, полного нетерпеливого ожидания, — целая вечность!

«Ах, — вздыхала она, — виноградная лоза еще не цветет, ветер шумит в кустах засохшей листвой, и суровый Гарц еще покрыт снежной шапкой. А леса должны зазеленеть, виноград зацвести и Гарц сбросить свой зимний наряд, прежде чем вернется мой господин. Ах, возлюбленный души моей, как ты медлишь, почивая на лаврах своих побед, в то время как я, одинокая, изнываю от горя и тоски!»

В этих кротких жалобах с утра до вечера как-никак проходил день, уменьшая счет от пятидесяти, и даже сама печаль графини и метания ее души между радостным ожиданием и страхом нового разочарования отчасти сокращали медлительное время. Снег растаял, лоза пустила побеги, зазеленел лес, и в церкви зазвонили *Veni staator*¹, а от графа все еще не было весточки.

Тревожные предчувствия охватили душу опечаленной женщины; мрачное беспокойство спугнуло радость и веселье, которые обычно так дружно уживаются под одной кровлей с красотой и юностью. Молодая графиня теперь предавалась только печальным мыслям. Она не замечала дивной природы в чудесном весеннем наряде, не слышала чарующих трелей соловья, не вдыхала пряный аромат цветов и не радовалась пестрому ковру цветочных куртин. Грустные глаза ее были неподвижно устремлены в землю, и тяжкие вздохи вырывались из стесненной груди. Наперсницы не смели утешать ее или развлекать разговорами и лишь безмолвно проливали горючие слезы, сочувствуя страданиям своей повелительницы. Если же глубокое молчание нарушалось, то лишь в час утреннего приветствия, когда одна из девушек поверяла госпоже знаменательный сон, в котором выпавший зуб

¹ Приди, животворящий [дух]... (*лат.*) — Первая строка известного католического песнопения.

или нитка жемчуга символически предвещали смерть близкого человека или горестные слезы; иногда они бродили среди могил и видели катафалк, увешанный щитами и гербами, или пышную похоронную процессию. Знамение было в графском доме даже среди бела дня. Во время обеда, когда девушки прислуживали госпоже за столом, вдруг раздался резкий звон стекла, так что испуганная графиня вскочила с кресла. Оказалось, что стоявший на полке бокал графа, из которого он обычно пил вино, треснул сверху донизу и раскололся в куски. Все присутствующие побледнели, и на их лицах изобразились смятение и ужас.

— Ах, да сжалятся над нами бог и все святые! — воскликнула графиня. — Это знак от моего супруга! Он ушел от меня! Он мертв, хладен и мертв!

С этого часа никто не мог ее переубедить в этом, и она не переставала тосковать и плакать. На третий день ее вдруг снова охватило смутное необъяснимое предчувствие чего-то недоброго. Тайный голос говорил ей, что она получит известие о муже. Она поднялась на высокий балкон замка и стала пристально вглядываться в дорогу, по которой граф уехал из дому, и вдруг увидела всадника, мчавшегося во весь опор через горы и долины, через камни и рывины, а позади него, то взмывая высоко в воздух, то волочась по земле, реял длинный шарф, подобно вымпелу на высокой мачте, когда им играет ветер. Черным был конь, и черна была одежда всадника, летевшего стрелой к замку. Когда он был уже у ворот... О ужас! Ютта узнала в нем Ирвина, облаченного в траур, и длинный черный флер спускался с круглых полей его шляпы до самых копыт лошади.

— Ах, Ирвин, милый мой паж, — в глубокой тоске крикнула с высокого балкона графиня, — какую весть привез ты мне? Что случилось с твоим господином?

— О добрая моя госпожа, — отвечал Ирвин, горько рыдая, — печальную весть привез я вам, и много слез прольют ваши прекрасные глаза. Сорвите венок с золотых кудрей своих и смените розовые одежды на мрачный траур. Граф Генрих скончался, он бездыханен и хладен как лед!

— О вестник несчастья! — воскликнула графиня. — О, сколько горя и страдания в твоем известии!

И едва произнесла она эти слова, как озноб потряс

все ее члены, тень смерти затуманила сознание, колени подогнулись, и она без чувств упала на руки окружающих ее служанок. Все графство Халлермюнд огласилось воплями и рыданиями, когда его облетела весть о кончине графа, подтверждаемая заунывным похоронным звоном колоколов. Верные слуги и все подданные непритворно оплакивали смерть своего доброго господина.

Однако из всех страстей горе, пожалуй, менее всего способно убить человека, особенно представительниц нежного пола, которые при любом огорчении облегчают боль слезами. Сломленная горем вдова не умерла, как ни жаждала освободиться от брэнной плоти, дабы ее душа, окрыленная любовью, могла нагнать дорогую тень супруга еще на пути к вечности. На сей раз желание графини не сбылось, да и было бы несправедливо, если б душа ее так поспешно покинула свою прелестную обитель, где ей указано пребывать, ибо пренебречь таким красивым и удобным приютом ради того, чтобы остаться под открытым небом, было бы сущим легкомыслием. Другое дело, если кто живет в закопченной, ветхой хижине, грозящей каждую минуту обрушиться. Здесь уж желание поскорее покинуть ее было бы простиительно. В самом деле, если освобождения жаждет матрона, у которой уже каждая балка в стропилах трещит, то против такого справедливого желания возразить нечего. Но когда замогильные речи произносит женщина, потому что перестали звучать некие чувствительные струны в мозгу ее или какие-то надежды потерпели крушение, — это всего лишь суетное жеманство. Прекрасная Ютта решила умереть вместе со своим мужем, подобно супруге мудрого Сенеки *, вскрывшей себе вены за компанию с мужем. Он истек кровью и умер, а к ней смерть все не шла, тогда она, вняв добрым советам, велела поскорей перевязать себя, полагая, что душа ее мужа успела отлететь далеко, и за нею не угнаться.

Когда первый бурный взрыв страдания излился в потоке слез и разбитое сердце молодой вдовы ненадолго успокоилось, она велела позвать верного Ирвина, желая услышать от него подробности о роковой судьбе ее господина. Она узнала, что именно в тот день и час, когда в замке увидели знамение, союзное войско выступило против штедингцев и закипела жестокая битва. Графу Генриху достался жребий первому напасть на полчища

врага, и тогда в пылу сражения вражеская секира рассекла ему панцирь, а затем смертоносный дротик пронзил его грудь.

— Всему виной твоя небрежность, паж! — перебила графиня. — Разве не приказывала я тебе напоминать господину о его любви, если он, опьяненный жаждой победы, забудет об осторожности? Или ты онемел и не мог предупредить его, или он оглох и не услышал тебя?

— Ни то, ни другое, дорогая госпожа, — возразил паж. — Я вам еще не все рассказал. Рядом с вашим супругом скакал ваш брат, граф Гергард Ольденбургский; он только накануне выступил в свой первый поход и ныне желал испытать свое оружие. Полный отваги и юношеского огня, он бросился на вражеские копья и был окружен. Сотни мечей засверкали над его головой, так что плюмаж его нежным пухом разлетелся по ветру. Граф Генрих, увидев своего шурина в опасности, пришпорил коня и поскакал на помощь. Тогда я крикнул что было мочи: «Не горячитесь, дорогой господин, подумайте о вашей кроткой супруге!» Но он не внял моим словам и, обернувшись к своим рыцарям, громко воскликнул: «Вперед, за мной, кони и люди! Жизнь благородного юноши в опасности!» Вмиг оказался он в гуще схватки, прикрыл окруженного врагами графа Гергарда своим блестящим щитом, а могучая рука его косила густой лес копий направо и налево, как коса жнеца — спелые колосья в пору жатвы.

Графу Гергарду удалось вырваться из кольца врагов и с помощью своих уйти с поля брани, но его спаситель пал, став добычей смерти. Подняв забрало его шлема, я принял последний вздох моего господина. Убедившись, что я возле него, он ласково взглянул на меня. «У верного господина — верный слуга, — вымолвил он слабым голосом и протянул мне руку. — Ирвин, поезжай домой и передай графине мой предсмертный привет. Скажи ей, пусть не плачет и не горюет обо мне. Все будет так, как мы условились. Ах, поскорей бы ты соединилась со мной, Ютта, любезная моя!»

С этими словами граф испустил дух. Я видел своими глазами, как его чистая душа подобно легкой тени упорхнула из его уст к небесам, где в это время высоко стояло полуденное солнце.

Легко понять, как подействовал этот рассказ на слез-

ные железы подавленной горем вдовы. Она безудержно рыдала, и глаза ее распухли от горьких и соленых слез. Чтобы не растревлять сердце своей госпожи, окружившие ее дамы велели пажу выйти, но графиня жестом приказала ему остаться.

— Ах, Ирвин, дорогой паж, мне мало того, что ты рассказал о господине, говори еще. Было ли его тело в пылу битвы растоптано копытами коней, или растерзано яростным врагом, или с почетом предано земле, как подобает славному рыцарю? Дорогой паж! Расскажи мне все, что знаешь.

Ирвин отер слезы, градом катившиеся по его бело-розовым щекам, отчасти из сострадания к прекрасной графине, а отчасти от горя из-за смерти доброго графа, и продолжал свою речь:

— Не думайте, госпожа моя, что драгоценные останки вашего супруга были растоптаны или поруганы врагом. Войско союзников графа удержало за собой поле битвы и добилося блестящей победы. После сражения все рыцари собрались, чтобы оплакать своего брата и союзника, а затем, как священную реликвию, взяли его тело и похоронили с великой пышностью. Только сердце было передано врачам для бальзамирования, ибо благородные союзники решили в ближайшем будущем переслать его вам с почетным посольством. Все войско стояло, приспустив стяги и копья, а рыцари подняли вверх обнаженные мечи, когда в торжественной тишине мимо них проходила погребальная процессия. Глухо звенели литавры, а оркестр из свирелей играл заунывный похоронный марш. Впереди шествовал маршал с черным жезлом, за ним следовали четыре доблестных рыцаря: первый нес панцирь, второй — стальной щит, третий — блестящий меч, четвертый ничего не нес, он скорбно шествовал, согбенный непомерным горем, и молча оплакивал усопшего. Все графы и благородные рыцари следовали за гробом, обитым черной материей, увешанным тридцатью двумя гербами, а на крышке гроба зеленел лавровый венок. Когда гроб опустили в могилу, то все в глубокой тишине стали читать про себя Ave Maria¹ и Pater noster² за упокой души усопшего. Когда же грубые мо-

¹ Богородица дево, радуйся (лат.).

² Отче наш (лат.).

гильщики стали забрасывать яму землей и тяжелые комья так гулко застучали о крышку гроба, что мог бы пробудиться даже покойник, — сердце мое больно сжалось. Могильный холм обложили дерном и поставили три каменных креста: один у изголовья, другой — в ногах и третий — посредине, в знак того, что здесь похоронен немецкий герой¹.

Хотя этот обстоятельный рассказ верного Ирвина вызвал новый поток слез из неземных глаз его госпожи, она не удовлетворилась этим, а продолжала расспрашивать о тысяче мелких подробностей, которые ей хотелось узнать в точности, ибо страдающие жаждут как можно полнее представить себе картину постигшего их горя. В страданиях своих они находят какое-то мрачное удовлетворение, своего рода духовную поддержку.

Ирвин должен был каждый день самым подробным образом повторять свой рассказ графине, причем она выпытывала у него даже самые незначительные мелочи, как, например, какой длины и ширины была траурная повязка на левой руке у рыцарей в похоронной процессии, была ли она из крепа или шелкового флера; какой масти коней запрягли в траурную колесницу: вороных, белых, буланых, рыжих или чубарых — и были ли ручки гроба оцинкованы или посеребрены и тому подобные интересные вещи, за что ее, впрочем, нельзя даже упрекнуть: ведь и поныне мельчайшие подробности придворных похорон нередко больше интересуют публику, чем сам печальный факт смерти.

Аптекари и хирурги, коим было поручено набальзамировать сердце графа, занимались этим целых полгода, потому ли, что в те времена трудно было достать необходимые специи и приходилось выписывать их из чужих стран, или потому, что врачи, следуя обычаю своего цеха, с особой тщательностью готовятся к операции, если она сулит большой доход: и действительно сердце графа так превосходно пропитали ароматическими веществами, что урну, в которую его заключили, смело можно было поставить на консоль вместо вазы.

Но безутешная вдова не сделала из этой священной

¹ Три каменных креста еще и ныне можно видеть на поле у штедингской границы. Подобные встречаются и в других местностях; по народному поверью, под ними покоится прах героев старины. (Прим. автора.)

реликвии такого суетного употребления. Она велела построить в саду великолепный мавзолей из алебаstra и итальянского мрамора и на вершине его воздвигнуть статую графа, в полном военном снаряжении. Плакучая ива и высокий серебристый тополь осеняли ветвями своими этот памятник. У подножия графиня посадила жасмин и розмарин, а в нишу поставила реликвию — сердце своего супруга в порфириновом сосуде, который ежедневно обвивала свежими цветами. Часто она грустила одна, иногда — в сопровождении пажа, который изо дня в день повторял ей рассказ о кончине графа и о церемонии похорон. Часами сидела она в святилище верной любви, то молча и смиренно, то в безучастной меланхолии, то охваченная порывом отчаяния, заливаясь горячими слезами. Порой горе ее находило выход в причитаниях, и тогда на ее сладостных устах звучали жалобы по умершему.

«Если ты, тень любимого, еще витаешь вокруг благороднейшей части своей земной оболочки, заключенной в этой урне, и незримо наблюдаешь слезы верной любви, не скрывайся от подруги сердца своего, в жгучей тоске жаждущей утешиться твоим присутствием!

Дай знать о себе каким-нибудь ощутимым знаком, ласковым дуновением зефира, навей мягкую прохладу на заплаканные глаза мои или торжественным шумом вознесись к мраморным стенам этим, дабы отозвалось эхо под круглым сводом высокого купола.

Пройди передо мной, окутанный легким туманом, чтобы ушей моих коснулся знакомый звук твоих мужественных шагов или глаза мои еще раз насладились блаженством узреть образ твой.

Ах, лишь молчание смерти и тишина могилы окружают меня. Не прошуршит ветерок, не шелохнется листва, ни единого признака жизни, ни живого дыхания!

Беспредельное пространство между небом и землей разделяет нас. По ту сторону мерцающих звезд блуждает твоя бессмертная душа и не вспоминает меня, не слышит моих жалоб, не считает слез моих, не глядит с нежным сочувствием на боль мою.

О, горе мне! Черный рок расторг неразрывные узы нашего обета. Ты покинул меня, неверный! Легко и радостно вознесся ты над голубыми воздушными полями. А я, несчастная, живу, прикованная цепями к жалкой земле, и не могу последовать за тобою.

Ах! Я потеряла, навеки потеряла мужа, которого любила всей душой. Тень его не спустится сюда утешить меня знаком, что факел любви нашей не угас на пороге вечности.

Услышите мои жалобы, леса, и ты, верное эхо, дитя скал. Передайте их далеким полям и мирно журчащим ручейкам. Я потеряла супруга, потеряла навеки! Пусть неутолимая скорбь гложет мое полное отчаяния сердце, пусть возьмет жизнь мою, пусть могила примет бездыханное тело мое, тогда в обители бессмертия моя измученная тень встретит любимого, и, если не найдет в нем любви, пусть печаль ее будет вечной...»

Целый год изо дня в день посещала безутешная вдова мавзолей, погружаясь в свои вдохновенные мечты. Она все еще питала тайную надежду, что любовь вызовет дух ее супруга из лона райского блаженства в подлунный мир, хотя бы на мгновение, чтобы этим знаком подтвердить его неизменную верность. Каждый день она вновь и вновь оплакивала покойника, и слезы ее никогда не иссякали. Этот исключительный образец супружеской верности взволновал всю округу. Куда бы ни доходил слух о верной Ютте Халлермюнд, вдовы приличия ради принимались заново оплакивать свою утрату, с которой совсем было примирились, и поминать добрым словом давно забытого супруга. Даже молодые влюбленные пары давали клятвы у мавзолея, думая этим торжественно скрепить свой союз. Толпы миннезингеров * и чувствительных девиц собирались там в ясные лунные вечера, воспевая любовь графа Генриха Храброго — и верной Ютты фон Халлермюнд. И соловей в листве серебристого тополя сладостными трелями сопровождал их мелодичное пение.

Поэты и скульпторы, создавая свои образы и символы, основываются, очевидно, на проверенном опыте. Поэтому надежду они предусмотрительно поддерживают якорем, постоянно прислоняют к колонне, а сильную страсть уподобляют урагану или вздымающимся морским валам, желая этим придать наглядность своим аллегориям. Но и самый упорный ураган в конце концов утихает, и разбушевавшееся море вновь становится зеркально гладким. Равно и в душе стихает бурный круговорот страстей, смягчается острота сердечного горя, и замирает долгий вздох страдания. Мрачные облака рассеиваются,

горизонт проясняется, и все предвещает солнечную и сухую погоду.

По прошествии года грустный плач прекрасной Ютты по умершему раздавался под сводами мавзолея уже не столь громко и не так часто, как прежде. Она избавляла себя от ежедневного паломничества в случае плохой погоды, или при малейшем намеке на приступ ревматизма, или любой иной помехе. А когда не было никакого предлога уклониться от заведенного ритуала, то шла к памятнику так же равнодушно, как монахиня идет ко всенощной, — больше по привычке, чем из желания следовать данному обету. Глаза отказывали ей в слезах, грудь — в столах, а если иногда и вырывался у нее стесненный вздох, то это был лишь слабый отзвук прежней скорби; если же он невольно и выражал какое-то чувство, то оно уже не относилось к урне, и верная Ютта краснела, боясь задать сердцу вопрос, кому предназначен этот вздох. Она уже отказалась от фантастической мысли жалобами вызвать дух своего мужа в телесный мир и потребовать от него нового подтверждения тайного условия их брачного контракта.

Короче говоря, добрая графиня посоветовалась со своим сердцем и убедилась — а это для молодой вдовы вполне обычное явление, — что произошла перемена и звезда, под знаком которой она жила до сих пор, склонилась к закату, меж тем как другое светило высоко возшло над горизонтом и обнаружилось свою притягательную силу. Эту перемену, сам того не ведая, вызвал черноглазый Ирвин. Хотя его обязанность состояла, собственно, лишь в том, чтобы идти впереди своей госпожи и открывать перед нею двери или следовать за графиней, когда та прикажет нести свой шлейф, но со дня смерти господина ему, сверх того, было вменено в обязанность — по несколько раз в неделю произносить похоронные тирады. А он так красноречиво повторял погруженной в скорбь Ютте рассказ о последних минутах графа, что она не уставала слушать. У Ирвина всегда была наготове какая-нибудь свежая подробность, о которой он вспоминал вновь. Он пополнял свою повесть не только рассказом о последнем слове или жесте графа, но и о том, что, по его мнению, граф думал в тот момент, когда душа его расставалась с телом. Он истолковывал каждое движение, каждое изменение в лице умирающего, ко-

торое якобы заметил, и умел извлечь из этого что-нибудь лестное для графини. То он утверждал, будто в миг, когда жизнь и смерть еще боролись в нем, перед глазами героя витал дивный образ Ютты; то обнаруживал желание, чтобы отлетающая душа его увидела неподражаемую красоту ее благородного страдания и ощутила блаженство, незримо осушая поцелуями ее прекрасные слезы на очаровательных щечках, то превозносил счастье рыцаря, со славой павшего на поле боя и оплакиваемого такими чудными глазами. Он даже осмеливался иногда заявлять, что сам не колеблясь отдал бы жизнь за единую столь драгоценную слезу.

Сначала, когда горе было еще свежо, графиня обращала мало внимания на эти речи, потом стала находить в них невинное удовольствие, и, наконец, лесть пажа стала ей так приятна, что она старалась усилить свои чары, наряжаясь с особой тщательностью и, казалось, намеренно поощряя его к новым панегирикам. Правда, она по-прежнему в горьких причитаниях призывала смерть иссушить ее прекрасное тело; но даже у ненавистной разрушительницы всех земных прелестей не хватило жестокости оказать графине эту печальную услугу.

Ее тоскующие глаза так дивно гармонировали с нежно-розовыми щеками, а белоснежная, как у лебедя, грудь так мило оттенялась черным траурным платьем, что от всего ее существа исходило непреодолимое очарование, ибо, по мнению знатоков, красота в полутени чарует сильнее, чем при ярком свете. Пылкий Ирвин был бы слепым или не был бы пажом, если бы оставался нечувствительным ко всем этим прелестям. Подобно мотыльку, он полагал, что каждый цветок растет только для него, не задумываясь о том, взлелеян ли этот цветок на клумбе за оградой, или расцвел на открытом лугу, и считал, что он на своих радужных крылышках перелетит через любую ограду, любую стену. Положение, правда, обязывало его к почтительности и заставляло скрывать любовь, но он так краснел, когда глаза ее встречались с его глазами, так стремился по малейшему намеку отгадать ее малейшее желание и поспешно выполнить его, так желал в беседах с нею всегда говорить ей только приятное, что легко было заметить: эта необычная преданность госпоже вызвана не только похвальным усердием, но и другими причинами, и графиня, с присущей

ее полу проницательностью в сердечных делах, без труда догадалась о тайне Ирвина. Такое открытие отнюдь не было ей неприятно. Напротив, она даже решила поддерживать эту молчаливую игру, не допуская его до словесного объяснения, и дать невинное развлечение своему сердцу, ибо не может молодая вдова как горлица вечно ворковать и сетовать об утрате супруга. Однако искра любви, зароненная в сердце графини, нашла здесь так много пищи, что скоро разгорелась ярким пламенем. Вскоре хитрый Ирвин с тайной радостью стал замечать нежные взгляды своей повелительницы, и то, о чем он прежде не смел и мечтать, стало казаться ему достижимым. Ему, как пажу, льстила дерзкая надежда стать в будущем супругом своей госпожи. Чувство первой любви так подстегнуло его алчущее сердце, что он решил смелее добиваться своего счастья.

Однажды, когда он сопровождал графиню к мавзолею, беседа с нею о нежных чувствах вообще, он понял по ее взгляду и выражению лица, что она подразумевала под этими философскими рассуждениями, и перешел к теме, заранее им подготовленной.

— Благородная госпожа, — начал он свою речь, — человек не должен всю жизнь оставаться на одном месте, ибо всему свое время. Я все здраво обдумал и прошу отпустить меня с миром, ибо полагаю, что настало время, по примеру предков моих, взяться за оружие, поскольку я давно уже истоптал детские башмаки и не подобает мне более носить шлейф за дамой.

— Ах, мой добрый Ирвин, — возразила графиня, — как это вдруг пришла тебе в голову мысль оставить службу у меня? Или ты можешь пожаловаться на дурное обхождение? Не я ли выказывала тебе, моему слуге, любовь и благосклонность, как подобает добрым господам? Скажи, что гонит тебя отсюда? Что побуждает расстаться со мной?

Ирвин

Ах, и сам я не пойму,
В чем причина тяжких мук,
Грудь мне гложет тоска,
И душа как в тисках.
Вдаль я должен идти,
Поля и доли перейти,

Хоть не в странствиях свой
Обрету я покой —
Сердце счастливо здесь
В Халлермюнде.

Муки доброго Ирвина весьма растрогали графиню, хотя в глубине души она почувствовала скорее радость, чем сострадание к его переживаниям. Желая вызвать его на откровенность, она продолжала допытываться,

— Что же тревожит тебя? Жажда славы или рыцарских почестей? Или тебе наскучило однообразное времяпрепровождение в обществе вдовы? А может, тебя влечет юношеский задор? Или искра обманчивой страсти воспламенила твою грудь, терзая и внушая тебе робость? Скажи мне, не таясь, какая буря бушует в душе твоей?

Он

Так знайте! Сил уж нет
Носить ливрею мне.
Я долго жизнь слуги влачу —
Стать господином я хочу!
Что мне благоуханье роз
И сладость виноградных лоз!
Что пользы мне от благ земных —
Мне недоступна прелесть их.

Графиня прекрасно поняла смысл этих слов и догадалась, какие надежды и помыслы зреют в груди Ирвина, который не осмеливался, будучи Ганимедом * при своей госпоже, высказаться более ясно. Она хотела поддержать эти надежды, не преступая при этом законов благопристойности. Поэтому первое она отразила на своем лице, а второе высказала в речах. Смущенно потупив глаза и теребя бант у пояса, она, слегка покраснев, произнесла:

— Роза цветет, не заботясь о том, кто украсит ею грудь свою, и виноград зреет, не зная, кто будет им лакомиться. Им достаточно услаждать обоняние и ласкать взор. Разумного человека радует их вид, но он, хотя и восхищается, проходит мимо; неразумный же протягивает руку, чтобы достать гроздь, до которой ему не дотянуться, или сорвать розу, чьи шипы больно ранят его.

Эта аллегорическая сентенция в устах прелестной вдовы принесла нетерпеливому Ирвину меньше утешения, чем перемена в выражении ее лица. Дерзкий паж молчал, вздыхал и печально смотрел себе под ноги, а его госпоже было угодно подражать этой красноречивой пантомиме. Однако через несколько дней юноша полностью снарядился в путь. Графиня велела выдать ему вооружение и подарила любимого коня своего покойного супруга. Юный Ирвин вскочил на седло и в самом бодром настроении отправился в свое первое рыцарское странствие.

Столь своевременный отъезд скорее благоприятствовал сердечным делам пажу, чем вредил. Между тем душой вдовы овладели теперь совсем иные мысли. Она стала всерьез подумывать о том, как бы развязать столь крепко затянутый когда-то узел любви, и, поскольку она крепко верила в его символическое значение, ей пришлось в голову на досуге распутать его.

Однажды, оставшись одна, она открыла золотое сердечко, которое косила на груди, и, вынув оттуда залог верной любви, долго глядела на него, пытаясь разобраться в сплетении нитей, чтобы распутать их. При этом ее искусные пальцы столь деятельно взялись за работу, что ей и впрямь удалось высвободить наружные петли, но с самой основой, как она ни билась, ей не удалось справиться. В конце концов терпение ее истощилось, и, дабы завершить начатое дело, она прибегла к помощи острых ножниц, кои сослужили ей ту же службу, что меч Александру Великому, когда тот разрубил Гордиев узел; * и теперь уже нельзя было оспаривать, что развязать до конца крепко затянутый узел любви вполне возможно. По представлениям доброй графини, ей по справедливости надлежало завязать новый узел и спрятать его в свой золотой амулет, ибо прежнего там уже не было. Но именно в тот момент, когда она собиралась приступить к делу, ею, весьма некстати, овладело беспокойное сомнение.

«Узел л ю б в и , — рассуждала о н а , — не более как символ земного союза, который легко расторгим, и смерть уже расторгла его своей косой. Ножницы лишь последовали ее примеру. Но с клятвой верности на том свете дело обстоит, видимо, совсем иначе. Не обреку ли я себя, разделив сердце между двумя, на вечные страдания, от беспрерывных упреков обоих совладельцев, когда

каждый из них будет заявлять свое право на мое сердце?»

Это затруднение надолго опечалило и расстроило вдову. И, не зная, как разрешить подобный вопрос совести, графиня решила обратиться за советом к достойнейшему человеку, который, по ее мнению, более сведущ в небесных делах, нежели она сама. То был настоятель монастыря в Эльдагсене, который славился как человек набожный и глубоко ученый, ибо разбирался в самых тонких вопросах, касающихся духовного мира людей, и разрешал их со всей схоластической мудростью. Уж, кажется, что тоньше кончика швейной иглы? Однако францисканский монах давал точнейший ответ, сколько небожителей уместится на этой точке опоры. Что ему стоит внести ясность в вопрос о правах супругов на том свете? Графиня велела заложить экипаж и с трепетом в сердце поехала к мудрому прелату.

— Преподобный отец, — обратилась она к нему, — необычное обстоятельство привело меня сюда, дабы испросить вашего мудрого совета.

Настоятель Эльдагсена, при всех своих философских мудрствованиях, отнюдь не был равнодушен к прекрасному полу и охотно утешал дам, обращавшихся к нему со своими горестями, особенно если они были молоды и красивы.

— Что беспокоит ваше благородное сердце, добродетельная дочь моя? — спросил он. — Откройте мне тайное горе свое, дабы я мог ободрить вас небесным утешением.

— Тревожит меня необдуманная клятва, — отвечала графиня, — к которой побудила меня любовь. Я обещала своему супругу возобновить и навеки закрепить наш брачный союз по ту сторону могилы. Но разве может молодая женщина в расцвете лет совладать с чувством? Должна ли я провести свою молодость, одиноко грустя во вдовстве, живя лишь надеждой на будущее свидание, даже не зная, сбудется ли она когда-нибудь? Объясните же мне, досточтимый отец, соединятся ли вновь души любящих на том свете, или те, кто был связан на земле, в иной жизни будут свободны?

— Конечно, конечно, — ответил дородный настоятель, — в садах Эдема* все земные союзы отменяются, это разумеется само собой. Что об этом и спрашивать?

Разве не знаете вы, благородная госпожа, что там, наверху, никто не женится и не выходит замуж? Как возможно супружество в лоне блаженства, когда оно само по себе есть источник огорчений! Ведь согласно данным опыта даже в самых счастливых браках случаются неприятности и размолвки. А уместны ли супружеские ссоры и оскорбления в обители мира? Смерть расторгла ваш союз, вы свободны, как птичка в небе или как серна в лесах, вырвавшаяся из сетей охотника. Но если совесть вашу тяготит необдуманная клятва, мы и здесь найдем выход: святой церкви дана власть освободить вас от обета. Одарите мой бедный монастырь, и я достану вам от епископа разрешение снова вступить в брак, не навлекая на себя греха ни на этом, ни на том свете.

Итак, счастливая Ютта получила наконец совет, отечавший ее желаниям, убедившись, что брачный договор с покойным мужем был не более как причудой нежной страсти. Все ее взгляды на любовь за гробом полностью перестроились. Графиня успокоила свою совесть в отношении чересчур поспешно данного обета и уладила дело с прелатом, одарив его бедный монастырь, после чего тот пригласил ее к столу, богато уставленному серебром. Она почувствовала себя легко и радостно, как скованный раб, неожиданно сбросивший с себя цепи и вновь вкусивший всю прелесть свободы. Теперь ее единственным желанием было, чтобы прекрасный Ирвин как можно скорее вернулся из рыцарского странствия и она могла бы заключить с ним союз любви, но на сей раз только на срок земной жизни, дабы не понадобилось вторичное разрешение от клятвы. Но хитроумный рыцарь что-то медлил с возвращением, и тоска по нем лишь подливала масла в огонь любви. Вопрос о том, когда любят более сильно и страстно — в первый или во второй раз, — один из самых щекотливых и вызывает немало споров между сторонниками различных школ любви. Откровенно говоря, решить эту проблему нелегко, но правильно основанное на опыте суждение, что молодая пылкая вдова, которой уже знакомо чувство нежности, во втором браке любит всегда более горячо и страстно, чем в первом, когда она еще глупый новичок в любви. Нежная Ютта совершенно не умела сдерживать свою

страсть и отбросила, не рассуждая, покров скромности и робкой сдержанности, который предписывали некогда законы благопристойности прекрасному полу. Она громко вздыхала и открыто взывала:

Ах, Ирвин, радость глаз!
Ах, Ирвин, страсть моя!
Ах, Ирвин, сердца пыл!
О, долго ль будешь ты
На поле брани?
И розы цвет — тебе,
Нектар лозы — тебе —
Испей и насладись!
Лети, о ветерок,
Ласкающий мне грудь,
За рыцарем моим,
И в сердце пусть, закованном в броню,
Проснется нежность вдруг,
Чтоб он войну забыл,
Боролся лишь за то,
Чему венец — любовь!

То ли ветерок услужливо передал этот призыв, то ли молодой рыцарь по собственному побуждению пустился в обратный путь, — не имеет большого значения. Достаточно сказать, что не успели оглянуться, как рыцарь Ирвин был уже тут как тут. Вместе с ним вернулась в Халлермюнд и шумная радость, изгнанная из замка со времени большого бала. Графиня сняла траур и встретила стройного рыцаря не как бывшего слугу, а как господина. Она устроила в его честь пышный званый обед и велела поднести ему бокал, который тот совсем недавно подносил ей сам. Мудрые дамы из соседних графств немало судачили по этому поводу, а самые проницательные утверждали, будто давно догадывались, что между графиней и прекрасным рыцарем зародилась любовь, которая вскоре будет скреплена перед алтарем. Еще совсем недавно все эти люди держали бы пари на сто против одного, что верная Ютта вторично замуж не выйдет, теперь же, предложи им кто такое пари, они бы охотнее держали его на обратных условиях.

Пока во всех четырех соседних графствах с метафизическим глубокомыслием обсуждался вопрос о возмож-

ности и действительности второй любви для графини фон Халлермюнд, рыцарь Ирвин заботился лишь о том, как бы закрепить свой успех и положить конец всяким толкам. Он отважился смело взлететь на крыльях любви, чтобы подняться до своей бывшей госпожи, и посватался к ней. Освободившись от своей клятвы, неверная Ютта уже сделала первый шаг, второй стоил ей меньше усилий; оставалось лишь забыть о своем положении, спуститься на ступеньку ниже по общественной лестнице и, пренебрегая мнением высшего света, уступить влечению сердца. Она снисходительно пошла навстречу счастливику, выслушала его предложение и заключила с ним нежный союз любви, которому недоставало лишь верховного благословения, уже обещанного любящей чете любезным настоятелем. Спесивые родственники графини напрасно морщили нос. Приготовления к свадьбе совершались с большой помпой. Богатая невеста старалась великолепием и блеском второй свадьбы прикрыть свое ущемленное достоинство.

Приблизительно за месяц до этого торжества, поздним вечером прекрасная невеста прогуливалась под руку со своим рыцарем по аллеям парка, уверяя возлюбленного, что и для него в саду цветет роза и зреет виноград. Увлеченные нежной беседой, они не замечали, по какой дорожке шли, и случай привел их к мавзолею. Одиноко стоял он в ночной тишине, ибо графиня уже давно не посещала его. Полная луна ярко освещала его фасад, а жуткий полночный час придавал этой картине особенную торжественность. Случайно графиня подняла глаза, и взгляд ее упал на статую, высившуюся над святилищем. И вдруг ей почудилось, будто холодный мрамор ожил, подобно творению Пигмалиона *, в которое восторг художника вдохнул душу. Статуя, казалось ей, зашевелилась и подняла правую руку, как бы в знак предостережения или угрозы. Холодная дрожь пронизала сердце клятвopеступницы при виде этого необъяснимого явления. С громким криком она отшатнулась и спрятала лицо на груди рыцаря. Ирвин удивился, не понимая, чем вызван этот странный испуг.

— Чего вы испугались и почему так дрожите, дорогая? — спросил он. — Не бойтесь ничего, я держу вас в объятиях; эти руки защитят вас от всякой опасности, пока бьется сердце в моей груди.

— Ах, Ирвин, милый рыцарь, — дрожащим голосом прошептала испуганная графиня, — разве вы не видите, как страшно кивает статуя на мавзолее, как грозит мне поднятой рукой? Скорей прочь от этого мрачного места, где меня окружает ужас смерти.

Влюбленный рыцарь нашел, что подобное видение может только помешать его планам, и постарался разумными доводами успокоить графиню.

— Это всего лишь игра воображения, — сказал он, — и если только она вас тревожит, отбросьте ваши страхи; тень от высокого вяза, колеблемого ветерком, да бледный луч месяца обманули ваше зрение, и от этого смещения света и тени ваша живая фантазия создала страшную картину, а уныние полночного часа довершило ее.

— Нет, нет, — возразила графиня, — мои глаза не обманулись. Статуя двигалась и грозила мне, напоминающая о клятве. Ах, Ирвин, милый Ирвин, я не могу, я не смею быть вашей!

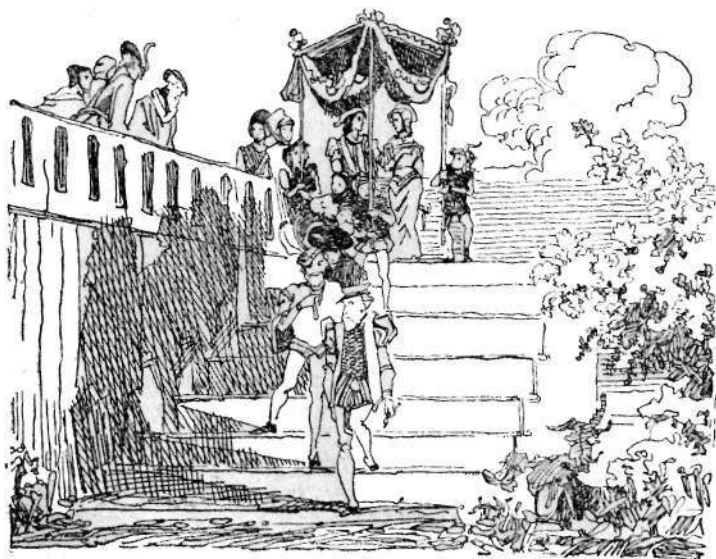
Эти слова так ошеломили Ирвина, что он едва не лишился чувств, и слова замерли на его устах. Всю ночь раздумывал он, как бы вырвать прекрасную Ютту из-под власти суеверных страхов, но так ничего и не придумал. Рано утром он сел на коня и отправился к доброму советчику, мудрому настоятелю, в Эльдагсен, чтобы поговорить с ним о своем трудном деле, ибо он сам, собственно, не знал, как понять странное видение графини, на достоверности которого она настаивала. Ирвин рассказал ему о необъяснимом происшествии, и настоятель — светлейшая голова своего времени — рассудил вполне резонно, что чудесное видение было не чем иным, как обманом чувств, а затем он вместе с рыцарем поехал в Халлермюнд, чтобы успокоить графиню.

— Не горюйте, благородная госпожа, о мертвых, — сказал он. — Ведь и мертвые не горюют о живых. Смерть отменяет все союзы, заключенные любовью на земле. Если бы ваш супруг взглянул на вас из небесных окошек, он порадовался бы, что источник слез ваших иссяк — в этом я твердо уверен, — и даже одобрил бы ваш выбор и благословил этот союз.

Подобная гипотеза столь просвещенного ума касательно образа мыслей усопших поглотила все сомнения нежной мечтательницы так же легко и быстро, как тощие коровы фараона поглотили тучных *. Прерванные было

приготовления к свадьбе возобновились, и в тот же день графиня заказала себе свадебный наряд.

Тем временем прошел слух, будто у мавзолея творится что-то непонятное, и святилище осквернено нечистой силой. Не одна нежная пара, назначившая здесь тайное свидание, вдруг убегала, охваченная паническим страхом. Что-то шуршало в кустах, что-то грохотало в склепе, в густой листве плакучих ив, подобно блуждающим огонькам, вспыхивали голубые искорки, а вокруг памятника иногда бродила длинная белая тень. На толпу арфистов и миннезингеров, пришедших, как обычно, петь о верной любви, посыпался град камней, обративший их в бегство, причем из грота вырвалось яркое пламя, будто вулкан извергал из своего страшного жерла поток огненной лавы. Весь Халлермюнд толковал об этих загадочных видениях, но при дворе решительно взяли верх вольнодумцы, и все стали считать эти рассказы баснями и пустой болтовней. Придворные только смеялись над ними, а если иногда и не могли отрицать очевидные факты, то пытались объяснить их естественными причинами, однако никто не отважи-

вался после захода солнца и ногой ступить в страшный парк.

Наступил день, назначенный для бракосочетания. То был самый длинный день лета, но его едва хватило, чтобы надеть на невесту все драгоценные уборы, кои на придворных празднествах обычно вытесняют прекрасную гармонию естественной красоты. Ночная тень уже покрыла леса и долины, и тысячи восковых свечей, мерцая, осветили замок, когда появилась пышно наряженная Ютта во всем великолепии роскошного убора; восхищенный Ирвин повел ее к алтарю, где их давно дожидался любезный настоятель из Эльдагсена в епископском облачении. Высокий замок гремел от бурных криков ликования, ибо графиня позаботилась щедрыми подарками подкупить свою челядь, чтобы видеть кругом только радостные лица и не прочесть на них упрека за свое вторичное замужество.

Торжественная брачная процессия медленно направ-

лялась по усыпанному цветами двору замка к капелле. Но там высоко на крыше сидел филин и глухо стонал, предвещая несчастье. При этом дворовые собаки подняли ужасный вой, и сова вторила им из потаенного угла старинной башни. Тогда жених подал знак музыкантам на балконе громче трубить в рожки и трубы, чтобы графиня не услышала стонов филина и пронзительного крика совы.

Венчание было совершено по всем обрядам святой церкви, но, о диво!.. на обратном пути от алтаря в пиршественный зал вдруг погас свадебный факел, которым, как Гименей *, светил новобрачным паж, одетый в серебро. Суеверные не удержались от всевозможных умозаключений по поводу странного происшествия, тогда как вольнодумцы не преминули, конечно, объяснить все естественными причинами.

В замке весело пировали, пока не наступил роковой полуночный час. Но едва замковый сторож протрубил двенадцать раз, как в замке поднялся ужасающий гул, словно от порыва сильного ветра. Застучали оконные рамы, задрожали стены, задребезжала посуда на столе, затрещали балки, а двери, хлопая, сами открывались и закрывались. Восковые свечи в зале горели тускло, как на похоронах, в передней же полыхнуло яркое пламя, что повергло в ужас и смятение все общество за столом. Ошеломленные гости застыли на местах, и никто не осмелился объяснить эту необычайную вспышку света естественными причинами. Вдруг графиня в ужасе закричала:

— О боже, спаси и помилуй! Это его лицо! Лицо моего супруга! Граф Генрих пришел отомстить за себя!

С этими словами она откинулась на спинку стула, закрыла прекрасные глаза и больше не проявляла признаков жизни. Велико было горе в Халлермюнде, когда печаль так быстро сменила свадебное веселье. Рыцарь Ирвин словно окаменел и стоял неподвижной, чем мраморная статуя на мавзолее. Вызвали врачей, чтобы те привели обмершую графиню в чувство, но все их искусство и все труды оказались тщетны. И хотя бездыханное тело целые сутки сохраняло естественную теплоту, как это бывает с умершими в конвульсиях или с теми, кого задушил кошмар либо призрак, но душа ее уже отле-

тела и была на пути к вечности. Искусство врачей ограничилось тем, что они уберегли тело прекрасной покойницы от тления. Его старательно набальзамировали, особенно сердце, которое положили в урну, стоявшую под сводами мавзолея. Итак, сердца, что при жизни поклялись в вечной верности, соединились и после смерти. Что же касается душ — возобновился ли их нарушенный на земле любовный союз и соединились ли они на том свете, как сердца в урне, — об этом в наш мир достоверных сведений пока что не дошло.

МЕЛЕКСАЛА

днажды, бессонной ночью, папу Григория IX *, наместника святого Петра на земле *, осенила вдруг мысль, внушенная не духом мудрого провидения, а политической интригой, что пора подрезать крылья германскому орлу, дабы не вознесся он над гордым Римом. Едва утреннее солнце осветило стены Ватикана, как его святейшество вызвал звонком дежурного кардинала и приказал созвать конклав *. Затем он отслужил *in pontificalibus*¹ торжественную мессу, по окончании которой призвал к крестовому походу, на что все кардиналы, легко отгадав его мудрый замысел и отлично поняв, куда предполагается этот поход во славу господина бога и на благо достойного христианского мира, с полной готовностью дали свое согласие.

¹ В епископском облачении (*лат.*).

Тотчас же в Неаполь, где тогда находился двор императора Фридриха Швабского *, был срочно послан пронырливый нунций, у которого в походной сумке имелись два ящичка: один наполненный сладким медом убеждения, другой — сталью, порохом и трупом, дабы зажечь огонь проклятия, в случае если неуступчивый сын церкви не окажет святому отцу надлежащего повиновения. Когда легат прибыл ко двору, он открыл первый ящичек и не пожалел лакомства, но у императора Фридриха был тонкий вкус, и он сразу почувствовал отвращение к пилюлям в сладкой оболочке, вызывавшим у него сильную резь в кишках. Поэтому он отверг таившее обман угощение и не пожелал его больше пробовать. Тогда легат открыл второй ящичек и высек оттуда несколько искр, опаливших императорскую бороду и как крапивой ожегших его кожу. Император понял, что вскоре указующий перст святого отца станет для него тяжелее, чем теперь вся длань легата, а потому покорился необходимости повиноваться владыке и начать войну против неверных на Востоке. Он назначил князьям день выступления в Святую землю, князья оповестили об императорском приказе графов, те передали его вассалам, рыцарям и дворянам; рыцари снарядили своих слуг и оруженосцев, сели на коней и собрались каждый под своим стягом.

Позднее Варфоломеевская ночь * не причинила столько бед и горя, как та, что провел без сна наместник бога на земле, когда замышлял губительный крестовый поход. Ах, сколько пролилось горячих слез, когда рыцари и воины, отправляясь на войну, прощались со своими любимыми. Прекрасное поколение героических сынов Германии так и не увидело света, ибо отцы их не успели дать ему жизнь, и оно зачахло неоплодотворенным, как семена растений, рассеянных в Сирийской пустыне, где дует горячий сирокко *. Узы тысяч счастливых браков были насильственно разорваны, десятки тысяч невест, подобно дочерям иерусалимским *, печально повесили венки свои на ивы вавилонские и обливались слезами; сотни тысяч прелестных девушек подрастали и расцветали, как розовый сад, в одиноких монастырских кельях, напрасно ожидая женихов, но не было руки, которая сорвала бы их, и они увядали там, не давая никому наслаждения. Среди горюющих жен, коих святой отец

после ночного бдения лишил супружеских объятий, были Елизавета Святая *, в замужестве ландграфиня Тюрингская, и Оттилия, в замужестве графиня фон Глейхен, хотя и не причисленная к лику святых, но своим прекрасным обликом и добродетельным образом жизни несколько не уступавшая ни одной из своих современниц.

Ландграф Людвиг, верный ленник * императора, велел оповестить по всей стране, чтобы его вассалы собрались к нему в военный лагерь. Но многие из них пытались под благовидным предлогом уклониться от похода в чужеземную страну. Одного мучила подагра, другого — печень; у этого пали кони, у того сгорела оружейная кладовая. Только граф Эрнст фон Глейхен с небольшим отрядом здоровых, свободных, неженатых рыцарей, жаждущих попытать счастья в чужих краях, подчинились приказу ландграфа и, снарядив всадников и пехоту, привели их на место сбора.

Граф был два года как женат, и за это время любимая супруга принесла ему двух малюток, мальчика и девочку, появившихся на свет, по причине здорового телосложения людей того времени, без посторонней помощи, легко и свободно, как рождается роса из утренней зари. Третий залог любви, которому из-за ночного бдения папы не суждено было, при появлении на свет, испытать сладость отцовских объятий, она еще носила под сердцем.

Граф, прощаясь с близкими, старался, как мужчина, крепиться, но и к нему природа предьявляла свои права, и он, не умея долее скрывать волнующих его чувств, с силой вырвался из объятий рыдающей жены. Когда он с болью в сердце собирался покинуть ее, она быстро повернулась к детской кроватке, взяла оттуда спящего сына, нежно прижала к груди и, обливаясь слезами, протянула отцу, чтобы тот на прощанье поцеловал его милые щечки. То же самое она сделала и с дочкой. Эта сцена сильно взволновала графа, губы его задрожали, рот передернулся, он громко зарыдал и, прижав сонных малюток к жесткой броне, под которой билось очень мягкое, чувствительное сердце, поцеловал, поручая их и свою нежно любимую супругу покровительству господу бога и всех святых.

Когда он с отрядом всадников спускался в долину по извилистой дороге, огибающей высокие стены

глейхенского замка, графиня долго смотрела ему вслед, пока перед глазами ее развевался стяг, на котором она тонким пурпурным шелком вышила красный крест.

Ландграф Людвиг очень обрадовался, увидев приближающегося, под знаменем с красным крестом, войско мужественного вассала в сопровождении рыцарей и оруженосцев, но, заметив грусть на лице графа, разгневался, думая, что граф неохотно, без усердия, идет в поход. Чело ландграфа нахмурилось, и он недовольно засопел носом.

От пронизательного взгляда графа не укрылась досада его господина. Он смело выступил вперед и откровенно рассказал о причине своей грусти. Эти слова были каплей масла, смягчившей недовольство угрюмого ландграфа. Он дружески подал руку своему вассалу и сказал:

— Коли так, дорогой мой, как вы говорите, то сапог у нас жмет в одном и том же месте. И у меня щемило сердце при расставании с моей супругой Лисбет. Но не печальтесь! В то время как мы будем сражаться, наши жены дома будут молиться за нас, чтобы мы, увенчанные славой и победой, вернулись к ним.

Таков был в те времена обычай: когда муж уходил на ратные подвиги, хозяйка тихо и одиноко ждала дома, постилась, непрерывно давая обеты, и молилась за его счастливое возвращение. Правда, этот старинный обычай не всегда соблюдался, как о том наглядно свидетельствует, например, последний крестовый поход немецкого воинства на дальний Запад: * пока мужья, отправившиеся в далекое странствие, были в отсутствии, их семьи дали обильный прирост.

Кроткая ландграфиня Елизавета так же глубоко переживала всю боль разлуки с супругом, как и ее подруга по несчастью, графиня фон Глейхен. Надо сказать, что ландграф, супруг ее, был довольно крутого нрава, ко она тем не менее жила с ним в полном согласии, и земная натура мужа проникалась мало-помалу святостью его благочестивой половины; некоторые щедрые историки даже провозгласили его святым, хотя это слово в отношении ландграфа применимо скорее как почетный титул, ибо здесь оно не имеет реального содержания, подобно тому как у нас еще и по сей день дают прибавления к именам: великий, многоуважаемый, многоопыт-

ный или многознающий, кои часто не означают ничего, кроме внешнего выражения почтения.

При всем том у сиятельной четы не всегда были одинаковые взгляды на дела святости, и в семейные неурядицы, возникавшие иногда на этой почве, вмешивались силы неба, дабы восстановить домашний мир, как это показывает следующий пример.

Набожная ландграфиня, к великой досаде придворных лакомок и блюдолизов, имела обыкновение откладывать в миску обильные остатки от ландграфского стола для голодных нищих, толпами осаждавших ее замок, и когда после обеда все вставали из-за стола, доставляла себе удовольствие собственноручно раздавать эту праведную милостыню.

Почтенное кухонное начальство, стремившееся, согласно нравам того времени, бережливостью в мелочах возместить крупное расточительство, не раз обращалось к ландграфу с настойчивыми жалобами на ненасытных гостей, которые будто грозили объесть все ландграфство Тюрингское, и бережливый ландграф, считая милостыню, слишком большой статьей расхода, строжайше запретил супруге совершать этот акт христианской любви, исстари бывший любимым занятием женщин.

В один прекрасный день она все-таки не смогла совладать с желанием сделать доброе дело, и это искушение оказалось сильнее супружеской покорности. Она подала знак служанкам, уносившим как раз со стола несколько нетронутых блюд и хлебов из белой пшеничной муки, чтобы те потихоньку припрятали их. Собрав все это в корзинку, она выскользнула со своей ношей из замка через боковую калитку.

Но соглядатаи выследили ее и донесли об этом ландграфу, а тот велел у всех выходов поставить стражу. Когда ему донесли, что супруга его с тяжелой ношей вышла потаенным ходом, он важно прошествовал через замковый двор, а оттуда на подъемный мост — якобы подышать свежим воздухом.

О, как испугалась кроткая женщина, заслышав звон его золотых шпор! Колени ее задрожали, и она не в состоянии была ступить ни шагу. Как смогла, она прикрыла корзину с припасами передником, скромной защитой женской прелести и лукавства. Но если эта законная привилегия женщин может защитить их от таможенных

чиновников и сборщиков податей, то она никак не служит каменной стеной для мужа. Заподозрив неладное, ландграф быстро подошел к ней, гнев окрасил его смуглые щеки, а на лбу от ярости вздулись жилы.

— Жена, — спросил он с раздражением, — что ты несешь в корзину? Что прячешь от меня? Не остатки ли с моего стола, которыми ты кормишь нищую братию, лодырей и тунеядцев?

— Нет, нет, дорогой господин, — отвечала ландграфиня смиренно, с замирающим от страха сердцем, ибо считала, что, попав в такое безвыходное положение, она, вопреки своей святости, вправе допустить невольную ложь, — это всего лишь розы, которые я нарвала у замковой башни.

Если бы ландграф был нашим современником, он поверил бы честному слову дамы и отказался бы от дальнейших расследований, но такая деликатность была несвойственна нашим необузданным предкам.

— Покажи, что несешь, — повелительно сказал супруг и в сердцах сорвал передник с оробевшей ландграфини.

Слабая женщина не в силах была противиться насилью и лишь отступила назад.

— Опомнитесь, дорогой господин! — воскликнула она и покраснела от стыда, что перед слугами будет обличена во лжи. Но, о чудо! о чудо! *Cogrus delicti* действительно превратились в пышные, только что распустившиеся розы. Булки — в белые, колбаса — в пурпурные и омлеты — в желтые. В радостном изумлении смотрела святая женщина на эту чудесную метаморфозу и не верила своим глазам, ибо даже своего ангела-хранителя считала неспособным совершить чудо только из уচিতости, дабы спасти даму и, одурачив грубого супруга, с честью поддержать ее вынужденную ложь.

Это неопровержимое доказательство невинности жены смягчило разъяренного льва, и он обратил свой гневный взор на ошеломленных придворных, напрасно оклеветавших, по его мнению, невинную, праведную ландграфиню. Он строго распек их и поклялся, что первого же наушника, который вздумает возводить напраслину на его добродетельную супругу, тотчас же бросит в подземную темницу, где тот будет томиться до самой смерти. Затем, в знак торжества невинности, он взял одну розу и воткнул себе в шляпу.

История умалчивает, нашел ли на другой день ландграф на шляпе увядшую розу или колбасу, а повествует лишь о том, что святая Елизавета, когда муж покинул ее, поцеловав в знак примирения, несколько оправившись от пережитого испуга, спустилась с горы на луг, где ожидали опекаемые ею слепые и хромые, сирые и голодные, чтобы раздать им обычную милостыню, ибо хорошо знала, что там чудесный обман исчезнет, как оно действительно и случилось. Когда она открыла свою корзинку, там не было никаких роз, а лежали те самые припасы, которые она вырвала из зубов придворных блюдолизов.

Отъезд ландграфа в Святую землю избавил Елизавету от строгого надзора, теперь она была вольна предаваться любимому делу благотворительности явно или тайно, как ей было угодно; но все же она так честно и преданно любила своего властного супруга, что, расставаясь с ним, искренне печалилась. Ах, она, наверное, предчувствовала, что не увидит его больше в этом мире, и очень сомневалась, ждет ли их блаженство за гробом. Там канонизированная святая принадлежит к такому высокому рангу, что все остальные преображенные души перед ней — только толпа черни. Как ни высоко был поставлен ландграф на этом свете, все же было весьма спорно, достоин ли он будет в преддверии рая преклонить колена на ковре у ее трона и осмелится ли поднять глаза на бывшую подругу, делившую с ним брачное ложе.

Сколько ни давала она торжественных обетов, сколько ни делала добрых дел и как ни действенны были возносимые ею ко всем святым молитвы, все же кредит ее на небесах был недостаточно велик, чтобы она могла продлить жизнь своему супругу хотя бы на одно мгновение.

Он умер в Отранто от жестокой лихорадки, в самом расцвете сил, так и не успев выполнить свой рыцарский долг и расцечь до луки седла хотя бы одного сарацина. Почувствовав приближение смерти и расставаясь с миром, он подозвал к своему смертному одру стоявшего среди преданных ему слуг и вассалов графа Эрнста и назначил его вместо себя предводителем небольшой толпы крестоносцев, оставшихся ему верными, взяв с него клятву, что он вернется домой не раньше, чем трижды обнажит меч свой против неверных.

Затем, приняв от походного капеллана последнее причастие, заказал столько заупокойных месс, что их было бы вполне достаточно, чтобы он и вся его свита торжественно вступили в небесный Иерусалим *, после чего скончался. Граф Эрнст приказал набальзамировать тело усопшего господина и, положив в серебряный гроб, послать овдовевшей ландграфине, которая скорбела о своем умершем супруге и, как одна из римских императриц, не снимала траура до самой смерти.

Граф Эрнст Глейхенский продолжал вести святую войну и счастливо добрался до главного лагеря у Птолемаиды *. Там он нашел скорее театральное представление, чем настоящий военный поход. Как на наших сценах, изображая военный лагерь или битву, только на переднем плане натягивают палатки и сражается небольшое число актеров, вдали же множество нарисованных палаток и войск создают иллюзию и вводят в заблуждение зрителя, ибо здесь все рассчитано на искусный обман, так и лагерь крестоносцев оказался смесью фикции с реальностью. Лишь самая малая часть многочисленного войска, выступившего из своего отечества в поход, дошла до границы той страны, на завоевание коей оно отправилось. Меньше всего воинов погибло от меча сарацинов, но у неверных были могущественные союзники, которые, далеко опережая их, встречали вражеское войско еще за пределами Святой земли и безжалостно косили его, не получая за свою усердную работу ни награды, ни благодарности. То были: голод и нагота, всякие случайности на суше и на море, среди враждебных туземных племен, мороз и жара, чума и злая холера, да вдобавок еще мучительная тоска по родному краю, которая иногда тяжелым кошмаром давила на стальной панцирь, сминая его будто мягкий картон и заставляя воинов поспешно поворачивать лошадей на дорогу к дому. При таких обстоятельствах у графа Эрнста было мало надежды так скоро, как ему хотелось, выполнить клятву, данную ландграфу и трижды скрестить свой рыцарский меч с мечами сарацинов, прежде чем осмелиться помыслить о возвращении домой.

На три дня пути вокруг военного лагеря не показывался ни один арабский стрелок. Обесцененные христианские полки укрылись за бастионами и укреплениями и не осмеливались высунуть оттуда нос, чтобы гнаться за

далеким, невидимым врагом: войско уповало на сомнительную помощь дремлющего папы, который после бессонной ночи, породившей крестовый поход, наслаждался безмятежным покоем, мало заботясь об исходе священной войны. В этой бездеятельности, столь же бесславной для войска христиан, как в свое время и для греков, стоявших перед истекавшей кровью, но мужественной Троей *, когда герой Ахилл * так долго дулся на своих союзников из-за непристойной женщины, рыцари убивали время в пустых развлечениях; желая разогнать тоску, итальянцы забавлялись пением и игрой на арфе, под которую плясали легконогие французы, степенные испанцы проводили время за шахматами, англичане — за петушиными боями, немцы же — в кутежах и попойках.

Граф Эрнст не находил удовольствия в таком времяпрепровождении и развлекался охотой, преследуя в безводной пустыне лисиц или гоняясь за дикими козами в сожженных солнцем горах. Рыцари его свиты боялись палящего дневного зноя и ночной сырости под этим чужим небом и старались улизнуть, едва их господин велел седлать лошадей. Таким образом, на охоте его обычно сопровождали только верный оруженосец, прозванный ловким Куртом, и один-единственный рейтар.

Однажды, преследуя дикую козу, граф так увлекся погоней, что подумал о возвращении, когда солнце уже окунулось в Средиземное море, и как он ни торопился, ночь застигла его прежде, чем он добрался до лагеря. Обманчивый блуждающий огонек, принятый им за огонь дежурного поста, увел его еще дальше от цели. Убедившись в своей ошибке, он решил дожидаться рассвета под одиноким деревом. Верный оруженосец приготовил своему господину постель из мягкого мха, и, утомленный дневным зноем, тот уснул, не успев даже поднять руку, чтобы, по своему обыкновению, осенить себя крестом. Но ловкий Курт не смыкал глаз. Сон у него вообще был чуток, как у ночной птицы, а если бы он и не обладал такой способностью, то забота о господине заставила бы его бодрствовать.

Ночь была, как обыкновенно в Азии, безоблачной и ясной; звезды сверкали, будто алмазы чистой воды, и торжественная тишина, как в долине смерти, стояла в огромной пустыне. Не было ни малейшего ветерка, но все-таки ночная прохлада дарила отраду и свежесть растениям и животным. Перед рассветом, лишь только утренняя звезда возвестила о приближении дня, в туманной дали вдруг послышался отдаленный гул, будто шумный лесной поток с грохотом низвергался с крутизны. Бдительный оруженосец прислушался и, поскольку зоркий глаз его не мог проникнуть сквозь завесу ночного мрака, напряг остальные органы чувств. Прислушиваясь и приносясь, как гончая, он почувствовал аромат благоухающих трав и растоптанных стеблей и уловил странной нарастающий гул. Он приложил ухо к земле и, услышав топот конских копыт, догадался, что, очевидно, мимо скачет дикая орда сарацин, и от ужаса озноб потряс все его тело. Он стал будить своего господина, тот проснулся и тотчас сообразил, что им придется иметь дело не с призраками. Пока рейтар взнуздывал коней, он приказал спешно облачить себя в доспехи.

Темные тени мало-помалу таяли, и наступающий день окрасил пурпуром восточный край горизонта. Тогда граф убедился, что был прав в своих опасениях: к ним приближался отряд сарацин, хорошо вооруженный для охоты на христиан. Избежать встречи с ними не было никакой возможности, а гостеприимное дерево среди обширной плоской равнины не могло прикрыть собою ни

коней, ни людей. К несчастью, огромный конь графа не был гиппогрифом *. То была лошадь тяжеловесной фрисландской породы, которая, ввиду своего сложения, не была в состоянии унести хозяина на крыльях ветра. Поэтому отважный рыцарь поручил свою душу богу и преследователю деде Марии и решил умереть с честью. Он приказал слугам следовать за ним и как можно дороже продать свою жизнь. Затем дал шпоры своему фрисландцу и врезался в гущу вражеского отряда, не ожидавшего такого внезапного нападения от одинокого рыцаря. Неверные рассеялись в смятении, как легкая мякина от дуновения ветра, но, когда убедились в малочисленности врага, мужество вернулось к ним, и начался неравный бой, где сила взяла верх над храбростью.

Граф Эрнст бесстрашно носился по полю боя. Острие его копья несло гибель и смерть вражескому войску, и едва оно касалось сарацина, как тот вылетал из седла. Даже самого предводителя отряда сарацин, яростно налетевшего на графа, могучая рука доблестного воина проколола насквозь, пригвоздив к земле, и неверный извивался на песке под победоносным копьём, как червь, напоминая отвратительного дракона, сраженного святым рыцарем Георгием. Оруженосец Курт не отставал от него, и хотя был не очень ловок в нападении, зато искусен в преследовании. Он разил всех, кто не успевал ускользнуть от него, — совершенно так же литературный критик режет беззащитный сброд худосочных и увечных писак, дерзко осмеливающихся в наше время вступить на литературное поприще, а если иной раз какой-нибудь распаленный гневом немощный инвалид, взяв на себя роль пасквилянта и гонителя рецензентов, и швырнет в него бессильной рукой камень, то для последнего это не более как горошина, ибо он хорошо знает, что железный шлем и латы выдержат подобный удар противника.

Рейтар тоже усердно прочищал себе путь, оберегая своего господина с тыла. Но, подобно тому как девять оводов справились с самой сильной лошадей, четыре кафрских быка — с одним африканским львом; подобно тому как, согласно преданию, сто мышей одолели и заставили покориться одного архиепископа, о чем, если верить Хюбнеру *, наглядно свидетельствует Мышиная башня * на Рейне, — так и граф Эрнст фон Глейхен не

устоял перед более сильным врагом. Рука его устала, копьё сломалось, меч притупился, конь споткнулся и рухнул на землю, залитую вражеской кровью. Падение рыцаря решило битву: сотня сильных рук протянулась к нему, чтобы вырвать у него меч, и рука его была бес- сильна сопротивляться.

Ловкий Курт, заметив, что рыцарь упал, потерял всякое мужество, а вместе с ним и секиру, которой так мастерски раскалывал сарацинские черепа. Он сдался на милость победителей, моля о пощаде. Рейтар, погруженный в тупую апатию, стоял молча и с воловьим равнодушием ожидал удара дубиной по голове, который повергнет его на землю. Между тем сарацины оказались более великодушными победителями, чем ожидали побежденные, и удовольствовались тем, что обезоружили трех пленников, не причинив им никакого вреда. Эта снисходительность вовсе не была актом человеколюбия; милосердие объяснялось желанием получить у пленников нужные им сведения. Неверные понимали, что от убитого врага ничего не выведаешь, тогда как целью их, собственно говоря, было получение точных сведений о положении христианского воинства у Птолемаиды. После того как пленные были допрошены, их, по азиатскому военному обычаю, заковали в цепи, и так как корабль в Александрию стоял уже с распущенными парусами, бей Асдод отправил их к султану Египта, чтобы пленные подтвердили при дворе показания о состоянии и численности христианской рати.

Слух о храбрости смелого франка дошел до ворот Великого Каира еще до прибытия туда последнего. Такой воинственный военнопленный заслуживал более торжественной встречи во вражеской столице, чем выпала на долю галльскому герою моряку * 12 апреля в Лондоне, когда ликующая королевская столица изощрялась в усилиях дать почувствовать побежденному всю славу британской победы, однако непомерная гордость мусульман не позволяла им признавать чужие заслуги. Вместе с целой вереницей других пленников графа заковали в тяжелые цепи и заточили в башню, где обыкновенно содержались невольники султана. Здесь у него было достаточно времени и досуга в мучительно долгие ночи и одинокие печальные дни раздумывать об оказавшей его участи, и чтобы не изнемог под тяже-

стью такого жребия, ему понадобилось не меньше мужества и стойкости чем на поле брани, где он бился с целым войском арабов.

Перед его мысленным взором часто вставали картины былого семейного счастья. Он думал о своей милой супруге и нежных малютках, отпрысках чистой любви. Ах, как проклинал он злополучную распрю святой церкви с Гогом и Магогом * на Востоке, похитившую все его земное счастье и сковавшую его неразрывными цепями рабства! В такие мгновенья он был близок к отчаянию, и немногого недоставало, чтобы все его благочестие не разбилось об утес искушения.

В те времена, когда жил граф Эрнст фон Глейхен, среди любителей анекдотов имела хождение история об одном приключении герцога Генриха Льва, которая, как происшедшая на памяти современников, принималась на веру всем населением Германии.

Герцог Генрих Лев, гласит народное предание, принял паломничество морем в Святую землю, но сильная буря прибила его к необитаемому африканскому берегу, где он, один из всех своих товарищей по несчастью, спасся при кораблекрушении и нашел кров и приют в логове гостеприимного льва. Причину добродушия свирепого обитателя пещеры следовало искать, собственно говоря, не в сердце его, а в левой задней лапе. Охотясь в Ливийской пустыне, он занозил ее колючкой, которая причиняла такую боль, что он не мог пошевелиться и совсем забыл свою природную алчность. После первого знакомства, когда установилось взаимное доверие, герцог выступил перед царем зверей в роли эскулапа и с трудом вытащил занозу. Лев выздоровел и, помня оказанную герцогом услугу, предоставлял ему лучшую часть своей добычи и был услужлив и предан, как комнатная собачка.

Но герцогу скоро приелась холодная пища четвероногого хозяина, и он затосковал по мясным блюдам своей придворной кухни, ибо сам он не умел так вкусно готовить дичь, как это делывал его главный повар. На него напала такая тоска по родине, и он так сокрушался, не видя никакой возможности когда-нибудь вернуться в свой родовой замок, что стал чахнуть, как раненый олень. Тут и подступил к нему известный своей дерзостью в пустынных местах искуситель, в образе ма-

ленького черного человечка, которого герцог в первое мгновение принял за орангутанга. Но то была обезьяна, пытающаяся соперничать с господом богом нашим, — явившийся самолично сатана! И сказал он, скаля зубы:

— О чем печалишься, герцог Генрих? Доверься мне, и я развею твою тоску. Я доставлю тебя домой к супруге, и сегодня же вечером ты будешь сидеть рядом с ней за столом в брауншвейгском замке. Там как раз готовится роскошный пир по случаю ее свадьбы с другим, ибо тебя она давно считает мертвым.

Эта весть, словно раскат грома, поразила герцога и пронзила его сердце, как обоюдоострый меч. Ярость диким пламенем запылала в его глазах, а в груди бушевало отчаяние.

«Раз небо отступилось от меня, — подумал он в эту решающую минуту, — так пускай поможет мне ад!»

Это было одно из коварных хитросплетений, каковые в совершенстве умеет создавать лукавый психолог-искуситель, чтобы уловить в свои сети душу, если вздумал ею завладеть. Недолго думая герцог надел золотые шпоры, опоясался мечом и был готов в путь.

— Ну, малый, — сказал он, — живей вези меня и моего верного льва в Брауншвейг и доставь на место, прежде чем дерзкий соперник взойдет на мое ложе.

— Изволь, — ответил черномазый, — но знаешь ли ты, какую плату я взимаю за провоз?

— Требуй что хочешь, — сказал герцог Генрих. — Слово мое крепко.

— Твою душу на том свете, как только потребую, — ответил Вельзевул.

— Что ж, по рукам! — воскликнул герцог Генрих, не помня себя от безумной ревности.

Таким образом, договор между обоими участниками был заключен по всем правилам. Выходец из ада вмиг превратился в грифа. Когтями одной лапы он ухватил герцога, а другой — верного льва и в одну ночь перенес их из Ливийской пустыни в Брауншвейг, город, построенный на незыблемых высотах Гарца, настолько незыблемых, что даже лживое предсказание целлерфельдского пророка * не смогло потрясти их. Опустив в целости свою ношу посреди рыночной площади, сатана исчез как раз в тот момент, когда било двенадцать и ночной страж протрубил в рог обычную старинную песню.

Герцогский дворец и весь город, как звездное небо, сияли свадебными огнями, и на всех улицах шумно веселился ликующий народ, стекавшийся со всех сторон поглазеть на разряженную невесту и на торжественный танец с факелами, которым должно было закончиться свадебное торжество. Воздухоплаватель, не чувствовавший никакой усталости от дальнего воздушного путешествия, протиснулся сквозь толпу в замок и, гремя шпорами, в сопровождении верного льва вошел в пиршественный зал. Обнажив меч, он воскликнул:

— За мною все, кто остался верен герцогу Генриху! Смерть и проклятие изменникам!

А лев зарычал — рык его прокатился подобно семи громам, — грозно потряс гривой и забил хвостом, готовясь к страшному прыжку. Трубы и литавры умолкли, и готические своды залы огласились ужасным шумом побоища, так что гудели стены и дрожали половицы.

Златокудрый жених и пестрая толпа его придворных пали под ударами герцогского меча, как тысяча филистимлян под ударами ослиной челюсти в жилистой руке сына Маноаха *, а те, кто избежал меча, угодили в пасть льву и были растерзаны, словно беззащитные ягнята. Когда незадачливый жених со всеми рыцарями и слугами были перебиты, герцог Генрих, восстановив свое семейное право — так же неукоснительно, как некогда мудрый Одиссей * перед сборищем нахальных женихов целомудренной Пенелопы *, — удовлетворенный, присел к столу возле супруги, едва начавшей приходить в себя от перенесенного испуга. Наслаждаясь яствами, приготовленными его собственным поваром, но не для него, он бросил торжествующий взгляд на свою вновь завоеванную жену и увидел, что герцогиня по непонятной причине заливается слезами: то ли о найденном, то ли о потерянном счастье. Но он, с самоуверенностью мужчины, истолковал слезы супруги исключительно в свою пользу и, лишь ласково пожурился за опрометчивость, вступил во все свои права.

Эту удивительную сказку граф Эрнст заставлял часто рассказывать себе, сидя на коленях у кормилицы, но когда вырос, он, как просвещенный человек, стал считать ее вымыслом. Теперь же, в печальном уединении башни, за решеткой, все казалось ему возможным, и его поколебавшаяся детская вера опять воскресла в нем.

Перелет по воздуху казался ему самым пустяковым делом на свете, лишь бы дух тьмы захотел одолжить ему для этого свои перепончатые крылья. Несмотря на то что в силу своих религиозных убеждений, он никогда не забывал вечером осенить себя на ночь широким крестом, все же в душе его волновало тайное желание испытать такое приключение, хотя он и самому себе не хотел в этом признаться. Если ночью за стеной скреблась мышь, ему мгновенно приходило в голову, что это Протей * из преисподней услужливо дает ему знать о своем прибытии, и мысленно он уже обдумывал условия договора.

Однако, кроме иллюзий, манящих его головокружительным воздушным полетом в германское отечество, графу от нянькиных сказок мало было пользы. Он только заполнял несколько томительных часов игрой фантазии и, как читатель романа, ставил себя на место главного героя. Но почему князь Авадонн * был так бездетен, когда по всем признакам было ясно, что тут легко можно уловить душу? Может быть, тому была какая-нибудь уважительная причина? Или ангел-хранитель графа был бдительнее, чем тот, которому была доверена душа герцога Генриха, и усиленно отгонял злобного врага, чтобы он не мог приобрести над ним власть? Или дух, царивший в воздушных сферах, закрыл свою экспедиционную контору в этой стихии, потому что был обманут герцогом Генрихом и не получил обусловленной платы, ибо, когда он явился за расчетом, душа герцога имела на своем счету столько добрых дел, что они с лихвой погашали счет на адской бирке?

Покуда граф Эрнст тешил себя романтическими грезами, отыскивая слабый луч надежды на избавление из мрачного узилища, забывая на несколько мгновений о своей печальной участи, его слуги, возвратившиеся на родину, принесли графине печальное известие: супруг ее исчез из лагеря, и даже неизвестно, что с ним случилось. Одни полагали, что он сделался добычей змея или дракона, другие — что ядовитым ветром в Сирийскую пустыню занесло чуму, которая убила его; третьи — что на него напали арабы, ограбили и убили или увели в неволю. Но все сходились в одном, что его следует считать *pro mortuo* ¹, а графиню — свободной от брачных уз. Она

¹ В числе мертвых (*лат.*).

действительно оплакивала его, как мертвого, и когда ее осиротевшие дети с детской наивностью радовались черным шапочкам, заказанным ею в знак траура по добром отце, потерю которого они еще не осознали, душа ее тосковала, глядя на них, и она заливалась слезами от неизбывного горя.

Невзирая на это, тайное предчувствие говорило ей, что муж ее жив, и она не отгоняла этой мысли, бывшей для нее столь отрадной, ибо надежда — сильнейшая опора страждущих и сладостнейшая мечта жизни. Не желая дать угаснуть надежде, она втайне снарядила верного слугу и послала его за море, в Святую землю, на поиски графа. Тот, подобно ворону из Ноева ковчега, летал над морями взад и вперед, но больше о нем ничего не было слышно. Тогда она послала второго гонца, который вернулся через семь лет, изъездив моря и сушу, но не принес, как голубь в клюве, оливковой ветви надежды. Мужественная женщина, однако, ни на миг не усомнилась, что встретится еще с супругом на этом свете, — она твердо верила, что такой нежный и испытанный друг не мог уйти из жизни, не подумав о своей жене и маленьких детях, оставшихся дома, и не подав им никакого знака. Она же со времени его отсутствия ни разу не слышала ни бряцания оружия в оружейной кладовой, ни грохота раскатываемых балок на чердаке, ни тихих шагов в спальне, ни твердого скрипа мужских сапог. Не слышно было ночью и жалобного плача Нении * над высоким фронтоном замка или зловещего стопа вестника смерти — совы.

За отсутствием всех этих дурных предзнаменований она заключила, опираясь на основные принципы женской логики, — которая нежным полом еще и по сей день не забыта до такой степени, как «Органон» * мудреца Аристотеля — доблестными мужами, — что ее горячо любимый супруг жив, а мы знаем, что это ее предположение и в самом деле оправдалось. Неудача первых двух посланцев, цель путешествия коих была для нее важнее, чем для нас исследование полярных стран у Южного полюса, не обескуражил ее, и она отправила на поиски третьего гонца, большого лентяя, который придерживался пословицы: «Тише едешь — дальше будешь». Поэтому он не пропускал ни одного трактира и ни в чем там себе не отказывал. Находя несравненно более удобным

собирать сведения о графе у людей, приходящих к нему, чем самому искать таковых по белу свету, чтобы осведомляться о пропавшем господине, он выбрал себе наблюдательный пост, откуда мог с назойливым любопытством таможенного чиновника у шлагбаума допрашивать путников, приезжавших с Востока. То была гавань в городе на воде — Венеции, которая тогда была всеобщими воротами, ибо через нее проходили все возвращавшиеся из Святой земли на родину богомольцы и крестоносцы. Из дальнейшего будет видно, удачный ли способ выбрал догадливый хитрец, чтобы выполнить данное ему поручение.

После семи томительных лет, проведенных за решеткой в тесной тюремной башне в Великом Каире, показавшихся графу несравненно более долгими, чем семи святым — их семидесятилетний сон в римских катакомбах, он решил, что забыт и небом и адом, и совершенно распростился с надеждой на освобождение свое при жизни из мрачной клетки, где он был лишен благодетельных лучей солнца и куда дневной свет едва проникал сквозь железные прутья решетки тюремного окна. Его заигрывания с чертом давно кончились, а вера в чудесную помощь святого покровителя весила не более горчичного семени. Он не столько жил, сколько прозябал, и если чего желал еще в своем положении, то только скорейшей смерти.

Из этого летаргического состояния его внезапно пробудил звон ключей за дверью темницы. За все время пребывания пленника в заточении страж ни разу не употреблял ключа от его двери, ибо все необходимое подавалось пленнику и уносилось от него через окошечко в двери, и потому заржавленный замок не поддавался, пока ключ не сдобрили маслом. Но громохание железных ключей у открывающейся двери, с трудом поворачивающейся на заржавленных петлях, показалось графу лучшей мелодией, извлекаемой гармоникой *, которую изобрел Франклин.

Сердце забилось у него в груди от трепетного предчувствия, застоявшаяся кровь быстрее побежала по жилам, и он с нетерпением стал ждать известия об изменении своей участи. Впрочем, ему было совершенно безразлично, будет ли то весть о жизни или смерти. Два черных невольника вошли вслед за тюремщиком и по его знаку

сняли с узника оковы. Вторым безмолвным кивком головы суровый старик приказал ему следовать за собой. Шатаясь, граф сделал попытку идти, однако ноги отказывались ему служить, и лишь с помощью двух рабов он смог спуститься по винтовой каменной лестнице. Его привели к смотрителю всех пленников, человеку со свирепым лицом, который обратился к нему со словами:

— Упрямый франк, зачем не открыл ты, когда сажали тебя в тюремную башню, каким искусством ты владеешь? Один воин, взятый с тобою, выдал тебя и сообщил, что ты — чудесный садовод. Иди, куда призывает тебя воля султана. Создай для него сад наподобие садов франков и оберегай его как зеницу ока, чтобы Цветок Мира радостно цвел в нем на украшение всего Востока.

Если бы графа вызвали в Париж на должность ректора Сорбонны, то такое призвание не показалось бы ему более чуждым, чем роль садовника у египетского султана. Он столь же смыслил в разведении садов, сколь язычник в таинствах церкви. Правда, он видел много садов в Италии и Нюрнберге, первом городе Германии, где появились зачатки садоводства. Декоративное же садовое искусство в Нюрнберге не простиралось дальше украшения кегельбанных дорожек и возделывания римского кочанного салата. Но по своему рождению и положению граф никогда не занимался ни планировкой садов, ни насаждением растений, ни выращиванием деревьев, и его ботанические познания не были столь обширны, чтобы он мог знать о Цветке Мира. Он даже понятия не имел, каким образом его надо выращивать. Нужно ли его выводить искусственно, как алоэ, или он развивается, как обычное вьющееся растение, и прилежная природа сама заботится о его цветении. Однако он и не подумал признаться в своем невежестве или отказаться от предложенной ему почетной должности, не без основания опасаясь, что палочными ударами по пяткам ему убедительно докажут его пригодность к этой работе.

Графа привели в роскошный сад, который он должен был превратить в европейский увеселительный парк. Создала ли это место щедрая мать-природа, или оно было украшено искусной рукой древней культуры, — новоявленный Абдолоним *, при всей своей требовательности, не

мог заметить в нем ни ошибки, ни изъянов, нуждавшихся в исправлении. Вдобавок, вид живой природы, созерцания коей он, запертый в душевной башне, был лишен в течение семи лет, так мощно пробудил в нем притупленную чувствительность, что он восхищался каждой былинкой и озирался вокруг с таким наслаждением, как наш прародитель в раю, где ему и в голову не приходило менять что-либо в саду господнем. Графа немало смущала мысль, как ему с честью выйти из положения; с одной стороны, он весьма тревожился о том, как бы не испортить превосходный сад, с другой — боялся, что, оказавшись он неискусным садовником, ему придется вернуться в свою тюрьму.

Когда шейх Киамель, главный смотритель садов и фаворит султана, стал торопить его заняться делом, новый садовник прежде всего потребовал себе на помощь пятьдесят рабов, необходимых ему якобы для выполнения задуманных работ. На следующий день, рано утром, все невольники были на месте. Новый начальник сделал им смотр, не зная, собственно, чем занять их. Но как велика была его радость, когда он увидел в толпе рабов ловкого Курта и неуклюжего рейтара Вейта, своих товарищей по несчастью. Будто пудовый камень свалился с его сердца, скорбные складки на лбу разгладились, а глаза заблестели, словно он обмакнул палец в мед и затем облизал его. Отведя в сторону верного оруженосца, он не таясь открыл ему, как по капризу своенравной судьбы попал в чужую стихию, в которой не умел ни нырять, ни плавать, и что в силу какого-то таинственного недоразумения его родовой рыцарский меч превратили в лопату.

При этих словах ловкий Курт упал к его ногам и со слезами на глазах сказал:

— Простите меня, великодушный господин, я — причина вашего огорчения, но и освобождения из позорной тюремной башни, где вы так долго томились. Не гневайтесь, что невинная ложь вашего слуги извлекла вас оттуда, а лучше благодарите небо, что божий свет опять сияет у вас над головой. Дело в том, что султан пожелал переделать свой сад наподобие франкских садов и велел оповестить всех пленных христиан, что гот, кто может разбить ему такой сад, должен заявить об этом, и, ежели сад придется ему по вкусу, он щедро вознаградит садовника. Но никто не осмелился отозваться,

я же подумал о вашем тяжелом заточении. Тогда добрый дух подсказал мне, чтобы я солгал и выдал вас за искусного садовника, что мне отлично удалось. Не сокрушайтесь же о том, как вам справиться с поручением. Султан, как все великие мира сего, отнюдь не стремился к тому, чтобы сад стал лучше, чем был. Для него важно придать саду иной вид, редкостный и неповторимый. Поэтому опустошайте, перекапывайте эту чудесную долину по своему усмотрению, и поверьте мне, что бы вы ни сделали и ни предприняли, ему покажется, что так и должно быть.

Эта речь была подобна журчанию освежающего ручейка для ушей истомленного путника в безводной пустыне. Граф почерпнул в ней отраду для души и мужество, чтобы взяться за сомнительное предприятие. Положившись на свою счастливую звезду, он без всякого плана приступил к работе, обращаясь с хорошо возделанным садом, как могучий гений обращается с устаревшим произведением, модернизируя его своими творческими когтями, не спрашивая при этом согласия автора, лишь бы опять сделать его удобоваримым, или как современный педагог со старыми формами преподавания в школе. Все, что граф застал в саду, он разбросал по-своему, переиначил, но этим только испортил его. Выкорчевал плодоносящие деревья и на их месте посадил розмарин и валериану, а также заморские деревья и лишенные аромата бархатцы и петушки гребешки. Плодородный слой почвы он приказал срезать начисто, а обнаженный грунт посыпать разноцветным гравием и, крепко утрамбовав, выровнять его, как гумно, чтобы ни одна травинка не могла произрастать на нем. Всю площадь парка он разделил на несколько террас, обложив их каймой из дерна, среди которой извивались цветочные клумбы странной, причудливой формы, сбегające к кудрявой рожице самшита. Граф, будучи полным невеждой в ботанике, не знал, когда надо сеять и сажать растения, а потому его питомцы долгое время колебались между жизнью и смертью, напоминая платье, отделанное à feuille mourante¹.

Шейх Киамель и сам султан предоставили создателю европейского сада полную свободу действий, чтобы

¹ Под увядшую листву (франц.).

своим вмешательством или непререкаемым авторитетом не повредить его замыслам и не помешать работе гения садоводства преждевременной критикой. И в этом отношении они поступали разумнее, чем наша просвещенная публика, ожидавшая через несколько лет после известного филантропического посева желудей — высоких дубов, предполагая ставить из них мачты, в то время как сеянцы были еще до того нежны и хилы, что одна-единственная холодная ночь могла погубить их. Но теперь, когда миновали полтора десятилетия, когда первые плоды уже вполне успели бы созреть, пожалуй, было бы уместно, чтобы какой-нибудь немецкий Киамель задал вопрос: «Что совершил ты, садовник? Покажи, какие плоды принесла твоя работа, сопровождаемая громким стуком колес твоих двуколок и тачек?»

И если бы растения стояли там с такими же печально поникшими листьями, как в глейхеновском саду в Великом Каире, то он имел бы полное право, по справедливой оценке вещей, покачать головой, как сделал шейх, и, сплюнув сквозь зубы через бороду, пробормотать про себя:

— Если так, то уж лучше бы все оставалось по-старому.

И вот однажды, когда садовник любовался своим творением и сам высоко оценил его, решив, что мастера видно по работе, и когда пришел к заключению, что, в общем, все вышло лучше, чем он ожидал, — ибо, глядя на сад, он видел его не таким, каким он был в настоящее время, а каким он станет по его замыслу в будущем, — к нему подошел главный смотритель и фаворит султана и спросил:

— Итак, что ты сделал, франк, и как подвигается твоя работа?

Граф понял, что его художественное произведение должно подвергнуться строгой оценке, и уже давно готовился к этому. Сохраняя полное присутствие духа, он сказал с глубокой верой в успех своей работы:

— Иди, господин, и посмотри. Прежняя дикая глушь, послушная моему искусству, преобразилась в уголок радости, наподобие рая, которым не пренебрегли бы даже гурии *.

Шейх слушал мнимого художника, говорившего с горячностью человека, явно довольного результатом своих

трудов, и вынужден был поверить ему, ибо тот — мастер своего дела, более сведущий в своей сфере, нежели он. Не желая обнаружить своего невежества, он скрыл, что ему не нравится новый сад, и по скромности приписал все своему непониманию иностранного вкуса и оставил сад без изменений. Однако не удержался и, в поучение себе, задал несколько вопросов садовнику-самодуру, на которые тот отвечал не задумываясь.

— А где же прекрасные плодовые деревья, — спросил шейх, — отягощенные румяными персиками и зрелыми лимонами, что стояли на этой песчаной равнине и ласкали взор гуляющих, приглашая гостей утолить жажду?

— Все они выкорчеваны из земли, чтобы нельзя было найти даже места, где они росли.

— А для чего это?

— Разве подобает в саду султана выращивать такое множество деревьев? Ведь каждый простолюдин в Каире нагружает плодами их целый обоз для продажи!

— Что заставило тебя истребить веселые финиковые и тамариндовые рощи, ведь они в полуденный зной давали гуляющим тень и прохладу под сводом густых ветвей?

— К чему тень в саду, который пуст и безлюден, пока солнце обжигает его своими палящими лучами, и только вечерний ветер навевает на него прохладу и свежее благоухание?

— Но разве эта роща не укрывала непроницаемым покровом тайн любви, когда султан, обвороженный красотой рабыни черкешенки, хотел скрыть свою нежность от ревнивых глаз ее соперниц?

— Непроницаемым покровом, скрывающим тайны любви, будет служить вон та беседка, увитая жимолостью и плющом, или тот прохладный грот, в мраморный бассейн которого стекает кристальный ручеек, из искусственной скалы, или та крытая аллея с шпалерами из виноградных лоз; или набитый мягким мохом диван в камышовой деревенской хижине на берегу пруда с рыбами. В этих храмах тайной любви султану не мешает ни вредный гад, ни жужжание насекомого, ничто не задержит ветерка, ничто не заслонит открытый вид, как эта душная тамариндовая роща.

— А зачем ты на месте бальзамической травки из Мекки посадил шалфей и зверобой, цепляющиеся обычно по стенам?

— Потому что султан хотел иметь не арабский, а европейский сад. Ведь ни в Италии, ни в немецких садах в Нюрнберге не зреют финики и не цветет бальзамическая травка из Мекки.

Против такого аргумента возразить было нечего, так как ни шейх, ни кто-либо еще из каирских язычников¹ в Нюрнберге не бывали, и пришлось принять на веру толкование о переустройстве сада из арабского в немецкий. С одним лишь он не мог согласиться, а именно — что переделка сада произведена по образцу рая, обещанного пророком правоверным мусульманам. Ибо если бы такое предположение было правильно, то соблазны его не обещали в будущей жизни особой радости. Но ему оставалось только, как было упомянуто выше, задумчиво покачать головой и, сплюнув сквозь зубы через бороду, уйти восвояси.

Египтом правил в ту пору храбрый султан Мелик-аль-Ациз Осман, сын знаменитого Саладина*. Прозвище храброго он получил скорее благодаря талантам, проявленным в гареме, чем свойствам своего характера. В деле размножения своего рода он был до того деятелен и неистов, что, придись обеспечить корону каждому из его наследников, не хватило бы государств во всех трех известных тогда частях света*. Но вот уже семнадцать лет, как одним жарким летом иссяк этот источник плодородия, и принцесса Мелексала закончила длинный ряд султанова потомства. По единодушному признанию, она была ценнейшим сокровищем в этой богатой гирлянде и, кроме того, пользовалась всеми преимуществами ребенка, рожденного последним. К тому же она одна из всех дочерей султана осталась в живых, да еще природа наградила ее такой красотой, что она восхищала даже взор отца. А надо признать, что восточные князья в оценке женской красоты далеко превосходили наших западных, которые в этом вопросе нередко обнаруживают дурной вкус.

Девушка была гордостью султанской семьи. Даже ее братья старались превзойти друг друга в стремлении

¹ Во времена графа Глейхена было принято считать язычниками всех нехристиан, в том числе и магометан. (Прим. автора.)

угодить прелестной сестре и доказать ей свою любовь и почтение. Высокий диван * часто обсуждал на политических совещаниях, какого принца выбрать в мужа девушке, чтобы этот союз любви был выгоден для египетского государства. Сам же султан меньше всего заботился об этом, а старался лишь выполнять каждое желание любимой дочери, чтобы ни одно облачко не омрачало ее чистого чела.

Первые годы детства девочка провела под наблюдением кормилицы-христианки родом из Италии. Эта рабыня в ранней юности была похищена с родного побережья варваром-пиратом и продана в Александрию. После этого она переходила из рук в руки и, наконец, попала во дворец египетского султана, где благодаря своей дородности заняла должность кормилицы и честно ее исполняла. Она не была так музыкальна, как няня наследника французского трона, которая задавала тон всему Версальскому хору, когда своим мелодичным голосом запевала: *Malbrouk s'en va-t-en guerre*¹, но зато природа наградила ее бойким языком. Она знала столько же историй и сказок, сколько прекрасная Шехеразада из «Тысячи и одной ночи», а такими сказками, как известно, охотно развлекаются домочадцы султана, пленницы сераля. Принцесса по крайней мере готова была слушать их не тысячу ночей, а тысячу недель. Но когда девушка достигает возраста в тысячу недель, то ее перестают удивлять чужие судьбы, она находит в своей душе материал, чтобы соткать собственную сказочку.

Впоследствии рассудительная кормилица заменила детские сказки рассказами об европейских нравах и обычаях и, продолжая любить свою родину, находила удовольствие в воспоминаниях о ней: она так красочно описывала девушке все прелести Италии и так разжигала фантазию своей питомицы, что у той навсегда запечатлелось приятное представление об этой стране.

Чем старше становилась Мелексала, тем больше росло в ней пристрастие к иностранным нарядам и в те времена еще скромным предметам европейской роскоши. И воспитана она была скорее по-европейски, чем по обычаям своей страны.

¹ Мальбрук в поход собрался (франц.).

С юных лет она питала страсть к цветам. Часть своего времени она тратила, составляя по арабскому обычаю букеты и сплетая венки, и остроумно пользовалась сочетаниями цветов, чтобы выразить свои тайные мысли. Она была до того изобретательна в этом искусстве, что часто путем расположения цветов различного значения могла очень удачно выразить целые нравоучения и изречения из корана, предоставляя своим подругам отгадывать их смысл, причем те редко ошибались. Так, однажды она расположила халцедонский горюцвет в виде сердца, окружив его белыми розами и лилиями, между ними укрепила две царские свечи и, наконец, добавила прелестный анемон. Когда она показала эту гирлянду женщинам, все единодушно угадали заключенный в ней смысл: «Чистота сердца выше красоты и знатности».

Часто дарила она своим рабыням свежие букеты, и эти подарки обычно содержали похвалу или порицание той, кому они предназначались. Венки из вьющихся роз означал ветренность, гордый мак — самомнение и тщеславие, букет из ароматных гиацинтов с поникшими колокольчиками восхвалял скромность, золотистая лилия, закрывающая чашечку с заходом солнца, — мудрую осторожность, морской вьюнок порицал угодничество, а цветы дурмана и безвременника, корни которых ядовиты, — клевету и скрытую зависть.

Добрый Осман восторгался остроумной изобретательностью своей милой дочери, но у него самого не хватало таланта расшифровывать ее шуточные иероглифы, и он загребал лор чужими руками, заставляя весь диван докапываться до их смысла. Для него не было тайной пристрастие принцессы ко всему иноземному. Как правоверный мусульманин, он не мог одобрять ее склонности, но как снисходительный и нежный отец, он скорее потакал этой прихоти, чем пресекал ее. Ему пришла мысль удовлетворить ее любовь к цветам и приверженность ко всему европейскому, устроив сад в западном вкусе. Эта затея так ему понравилась, что он, не откладывая дела в долгий ящик, сообщил о ней своему любимцу шейху Киамелю и пожелал как можно скорее привести ее в исполнение. Шейх, конечно, хорошо знал, что желание его повелителя равносильно приказу, каковому он должен повиноваться без возражений, а потому не

осмелился указать на затруднения, которые предвидел при выполнении этого плана. Сам же он, так же как и султан, не имел ни малейшего представления об устройстве европейского сада, и во всем Великом Каире не знал человека, который мог бы ему помочь. Поэтому он велел поискать опытного садовника среди пленников-христиан и напал как раз на неопытного человека, который меньше всех был способен вывести его из затруднения. И не удивительно, что шейх озабоченно покачал головой, увидев преобразованный сад, ибо если султану он так же не понравится как и ему, то придется жестоко за это расплачиваться и уж во всяком случае лишиться милостей своего повелителя.

Для всего двора перестройка сада до сего времени была тайной, и даже слугам сераля доступ туда был запрещен. Султан замышлял сделать принцессе сюрприз в торжественный день ее рождения: ввести дочь в сад и объявить, что отныне этот прелестный уголок принадлежит только ей. День этот приближался, и его величество выразил желание заблаговременно все самому осмотреть и ознакомиться с новым расположением сада, чтобы доставить себе удовольствие самому показать прекрасной Мелексале его диковинную красоту. Он сказал об этом шейху, который сильно приуныл. Он придумал защитительную речь, которая помогла бы ему вытянуть свою голову из петли, в случае если султан выразит недовольство новым устройством сада.

«Владыка правоверных, — собирался он сказать, — твое приказание — руководящая нить для шагов моих, ноги мои спешат, куда ты укажешь, а рука крепко держит то, что ты доверяешь ей. Ты пожелал иметь сад, как у франков. Вот он перед тобою. Эти неотесанные варвары только и сумели, что перенести сюда жалкие пески своей суровой родины, которую они засевают травой и сорняками, ибо у них не зреют ни лимоны, ни финики и нет ни колафа, ни баобабов. Проклятие пророка навеки обрекло поля неверных на бесплодие и лишило их наслаждения предвкушать райское блаженство и вдыхать благоухание бальзамической травки из Мекки и изведать вкус душистых плодов».

День уже клонился к вечеру, когда султан в сопровождении шейха вошел в сад, в нетерпении ожидая увидеть его чудеса. Теперь с верхней террасы взору его

представился широкий, открытый вид на часть города, на скользящие мимо, по зеркальному Нилу, корабли, на стремящиеся ввысь пирамиды в глубине и на цепь голубых гор, окутанных туманом, которые прежде были заслонены непроницаемой стеной пальмовой рощи. И тут же на него подул приятный прохладный ветерок. Теперь султана со всех сторон окружало множество новых предметов. Сад, конечно, стал чужим, незнакомым, в нем не осталось и следа от старого сада, где он провел детство и который своим вечным однообразием давно уже утомил его взор. Хитрый Курт правильно и умно рассчитал: прелесть новизны не замедлила оказать свое действие. Султан не рассматривал происшедшую в саду метаморфозу глазами знатока, он судил о нем по первому впечатлению, а так как необычное всегда служит приманкой, то все в нем казалось ему безукоризненным. Даже кривые, несимметричные дорожки, плотно утрамбованные гравием, делали его походку легкой и твердой и придавали упругость его ногам, привыкшим ходить по мягким персидским коврам и зеленой мураве. Он без усталости ходил по запутанному лабиринту дорожек и восторгался цветами разнообразных полевых растений, тщательнейшим образом возделанных и выращенных, хотя за оградой сада они так же хорошо росли в диком состоянии, да в еще большем количестве.

Опустившись на скамейку, султан сказал, обратив к шейху веселое лицо:

— Киамель, ты не обманул моих ожиданий. Я так и знал, что ты сделаешь из старого парка что-нибудь особенное непохожее на сады нашей страны, поэтому не стану скрывать, я очень доволен. Мелексала, несомненно, примет дело рук твоих за сад по образцу франков.

Шейх, поняв по тону своего неограниченного властелина, что гроза миновала, удивился и очень обрадовался, что сдержал язык и не высказал прежде времени своего сожаления. Заметив вскоре, что султан считает его творцом нового сада, он тотчас же повернул паруса своего красноречия на попутный ветер.

— Всемогущий повелитель правоверных, — сказал он, — благоволи помнить, что по одному твоему слову покорный раб твой день и ночь думал, как создать из этой старой финиковой рощи что-нибудь невиданное, по-

добного чему в Египте еще никогда не бывало. И, без сомнения, мысль воплотить мой план по образцу рая правверных была внушена мне пророком, ибо я надеялся, что таким образом не обману ожиданий твоего величества.

У доброго султана, который в силу хода вещей был не таким уж безнадежным кандидатом на райские блага, с давних пор было столь же смутное понятие о рае, как у наших будущих небожителей о жизни и устройстве небесного Иерусалима; вернее, он, как все баловни счастья, которым привольно живется в подлунном мире, никогда не тужил о том, какие перспективы ожидают его на небесах. Когда имам, дервиш или иная священная особа напоминали ему о рае, последний представлялся султану старым садом, который и без того надоел. Теперь же фантазия рисовала ему новую картину, которая наполнила его душу радостным восторгом; по крайней мере рай казался ему привлекательнее, чем он полагал до сих пор, и так как он верил, что владеет его моделью в миниатюре, то парк поднялся в его мнении очень высоко, в доказательство чего он тут же произвел шейха в беи и пожаловал ему почетный кафтан. У всех царедворцев, во всех частях света нравы одинаковы, вот почему Киамель без зазрения совести присвоил себе заслуги, принадлежащие его садовнику, ни словом не упомянув султану о последнем и полагая, что наградил раба сверх меры, увеличив на несколько асперов его поденную плату.

Когда солнце стало всходить над тропиком Козе-рога, каковое указание небес в северных странах означает поворот на зиму, а в мягком климате Египта возвещает прекраснейшее время года, принцесса Цветок Мира вступила в приготовленный для нее сад, и он вполне отвечал ее иноземным вкусам. Сама она была, конечно, лучшим его украшением. Куда бы ни ступила ее нога, будь то каменистая Аравийская пустыня или гренландские льды, — любое место в глазах знатоков женской красоты с ее появлением неизменно превращалось в райские поля. Изобилие цветов, перемешанных без всякого порядка на необозримых куртинах, давало пищу одновременно и глазам ее и уму. Остроумно сочетая различные цветы по их значению, она в беспорядке находила видимость порядка.

По мусульманскому обычаю, когда дочь султана посещала сад, дежурные евнухи удаляли оттуда всех мужчин землекопов, садовников и водоносов. И потому божественная грация, для которой трудился художник, оставалась скрытой от его глаз, хотя ему не терпелось увидеть этот Цветок Мира, название коего при невежестве графа в ботанике долго было для него загадкой.

Но поскольку принцесса пренебрегала некоторыми обычаями своей страны, ей постепенно стало казаться обременительным общество сопровождавших ее евнухов, важно выступавших впереди нее, будто сам султан ехал в мечеть на праздник байрам, ибо сад с каждым днем представлял для нее все больше прелести, и она посещала его по несколько раз в день. Зачастую она приходила сюда одна, иногда под руку с любимой наперсницей, но всегда с тонким прозрачным покрывалом на лице и с плетеной тростниковой корзиночкой в руке.

Она бродила по дорожкам сада, срывала цветы и, по привычке связывая аллегорические букеты, делала их толкователями своих мыслей, после чего раздавала девушкам из своей свиты.

Однажды утром, до того как воздух налился зноем, а роса на траве еще играла всеми цветами радуги, она направилась в свое святилище, чтобы насладиться живительным весенним воздухом. В это время садовник вырывал из клумб увядшие цветы и заменял их новыми, только что распустившимися, которые он заботливо выращивал в глиняных горшках, чтобы затем искусно пересадить в землю, будто цветы эти за одну ночь, как по волшебству, поднялись из ее недр. Этот остроумный обман понравился девушке, и, открыв теперь тайну, каким образом увядшие цветы ежедневно заменяются новыми, так что в них никогда не бывает недостатка, она захотела использовать это открытие и дать садовнику указание, где надо заменить то или иное растение. Подняв глаза, тот увидел перед собой ангела в образе девушки и догадался, что перед ним — владелица сада: была она несказанно прекрасна, будто небесное сияние окружало ее. Это видение до того поразило графа, что он выронил горшок с прекрасным цветком и жизнь нежного растения трагически оборвалась, как в свое время жизнь господина Пилятра де Розье *, хотя оба упали только в лоно матери-земли.

Граф стоял неподвижно и безмолвно, как статуя, не проявляя ни малейших признаков жизни; ему могли бы отбить нос, как это делают обычно турки у изваяний в парках и храмах, а он бы даже не шевельнулся. Но когда девушка заговорила, открыв свои пурпуровые губки, ее нежный голос привел его в чувство.

— Не бойся, христианин, — сказала она, — ты невиноват, что находишься здесь одновременно со мной. Продолжай работу и рассаживай цветы, как я тебе укажу.

— Роскошный Цветок Мира, — возразил садовник, — от сияния твоей красоты блекнут все краски этих цветов. Ты царишь на земле, как королева звезд на небесной тверди. Твой взор оживляет руку счастливейшего из твоих рабов, готового целовать оковы за то, что ты удостоила обратиться к нему со своими приказами.

Принцесса никак не ожидала, что раб осмелится открыть рот в ее присутствии, и еще менее — что он ста-

нет говорить ей любезности. Говоря с ним, она смотрела больше на цветы, чем на садовника. Теперь же она удостоила и его взглядом; и увидела перед собой человека, который поразил ее своей мужественной красотой. Еще на турнире в Вюрцбурге граф Эрнст фон Глейхен был кумиром дам. Когда он поднимал забрало, чтобы глотнуть свежего воздуха, то женские глаза переставали следить за поединком смелейших рыцарей. Все смотрели только на него. Когда же он опускал забрало и бросался в бой, то девичьи груди высоко вздымались и сердца бились тревогой и участием к прекрасному рыцарю. Пристрастная рука влюбленной в него племянницы герцога Баварского увенчала его рыцарской наградой, которую молодой герой принял с краской смущения. Правда, семилетнее заключение за решеткой темницы стерло краски с его цветущих щек, ослабило упругие мускулы и погасило блеск в утомленных глазах, но пребывание на свежем воздухе, а также спутники здоровья — прилежание и труд — полностью возместили ему потерю. Он расцвел, как лавровое дерево, что долгую зиму тоскует в теплице, но с наступлением весны разворачивает молодую листву и украшается пышной кроной.

Принцесса, питавшая пристрастие ко всему иноземному, бросила благосклонный взгляд на понравившегося ей чужестранца, не подозревая, что созерцание Эндимиона * производит обычно на сердце девушки совсем иное впечатление, чем произведение модистики, выставленное для обозрения на ярмарке в витрине ее лавки. Своими прелестными губками она отдавала приказания статному садовнику, указывая, как рассаживать цветущие растения, спрашивая при этом его мнения и совета, и беседовала с ним о садоводстве, пока тема эта не иссякла. Наконец она покинула красивого садовника, весьма понравившегося ей; но, отойдя шагов пять, вернулась опять, чтобы дать ему новые указания, а затем, погуляв еще по извилистым дорожкам, вновь подозвала к себе, чтобы задать ему несколько вопросов и предложить кое-какие улучшения.

Под вечер, когда стало прохладнее, она опять почувствовала потребность пройтись по саду, чтобы подышать свежим воздухом, а утром, едва солнце позолотило зеркальную поверхность священного Нила, ее

вновь потянуло взглянуть, как распускаются проснувшиеся цветы, причем она никогда не упускала случая прежде всего посетить то место, где работал наш друг садовник, чтобы дать ему новые приказания, которые он стремился точно и быстро выполнить. Но один раз глаза ее напрасно искали бостанги¹, к которому она чувствовала все большее расположение. Она бродила по петляющим дорожкам, не замечая цветов, улыбавшихся ей навстречу, как бы соревнуясь перед ней яркостью красок и сладостным дыханием аромата, дабы обратить на себя ее внимание. Она обошла каждый куст, осмотрела каждый уголок в высокой траве, подождала в гроте; не найдя и там садовника, совершила паломничество по всем беседкам в саду, надеясь застать его где-нибудь задремавшим, и предвкушала смущение бостанги, когда он проснется. Однако его нигде не было видно. Случайно ей попался на пути неповоротливый Вейт, графский рейтар, который был настолько туп, что не годился ни на какое дело, кроме подноски воды. Он шел, нагруженный ведрами, и, увидев принцессу, тотчас же свернул в сторону, чтобы не попадаться ей на глаза, но она подозвала его и спросила, где находится бостанги.

— А где же ему быть, — ответил тот грубовато, — как не в когтях знахаря-иудея, который, наверно, спроводит его на тот свет своими снадобьями.

При этом известии прелестная дочь султана до того встревожилась, что от страха и боли у нее сжалось сердце. Она меньше всего ожидала, что ее любимый садовник не исполняет своих обязанностей из-за болезни. Она тотчас же вернулась во дворец, и прислужницы ее тут же заметили, что ясное чело их повелительницы омрачилось, словно влажное дыхание южного ветра затуманило зеркально чистый горизонт, как бывает, когда испарения земли сгущаются в облака. Возвращаясь в сераль, она нарвала много цветов, но все печальных тонов. Связав их вместе с кипарисовыми ветками, она сочетанием их явно выразила свое печальное настроение. Так продолжалось несколько дней, что очень огорчало ее придворных девушек, обсуждавших между собой причину тайной грусти их повелительницы. Но,

¹ Главный садовник. (Прим. автора.)

как всегда бывает на женских совещаниях, они не пришли ни к какому заключению, ибо в хоре их голосов слышался такой диссонанс мнений, что нельзя было различить в нем ни одного гармоничного аккорда.

Между тем чрезмерное усердие графа предупредить каждое желание принцессы и даже выполнять то, о чем она лишь случайно, намеком, обронит слово, так изнурили его непривычное к труду тело, что он не выдержал и свалился в лихорадке. Однако питомец Галена *, а скорее всего здоровая конституция графа победили болезнь, и через несколько дней он снова принялся за работу. Едва Мелексала увидела его, как у нее отлегло от сердца, и дамский сенат, для которого ее грустное настроение так и осталось неразрешимой загадкой, единогласно решил, что распустился новый цветок, который она за несколько дней до этого считала погибшим, и в аллегорическом смысле они были недалеко от истины.

Мелексала была столь невинна сердцем, будто только что вышла из рук матери-природы. Она не имела пока никакого понятия о шалостях лукавого Амура, которые он обычно продельывает над неопытными красавицами. Надо сказать, что в области любви вообще давно уже недостает указаний как для простых девушек, так и для принцесс; между тем теория подобного рода более принесла бы пользы, чем намеки, направляемые воспитателями своим питомцам-принцам, которые не обращают внимания на всякие знаки: покашливание, посвистывание и так далее, и даже порой толкуют их в дурную сторону, тогда как девушки понимают любой знак и следуют ему, поскольку они тоньше чувствуют, и скрытый намек для них — самое подходящее дело.

Мелексала была новичком в любви и знала о ней так же мало, как монастырская послушница о тайнах ордена. Она отдавалась своему чувству со всей непосредственностью, не спрашиваясь у трех советников тайного дивана своего сердца: Рассудка, Разума и Размышления. Будь это иначе, пылкое участие, с каким она отнеслась к состоянию больного бостанги, открыло бы ей, что в сердце ее заронено и властно пустило корни зерно незнакомой страсти, а Разум и Рассудок шепнули бы, что эта страсть и есть любовь. Происходило ли и в сердце графа что-либо подобное, никакими доказа-

тельствами не подтверждается. Его чрезмерная готовность выполнять приказания своей повелительницы могла бы навести на такое предположение, и тогда ему следовало бы преподнести ей аллегорический букет из алых роз, перевязанных увядшим стеблем незабудки. Но побудительной причиной этой отменной услужливости могла быть также и чисто рыцарская вежливость, бывшая нерушимым законом для рыцарей тех времен и обязывавшая немедленно выполнять все, о чем ни попросит дама, — туг любовь могла вовсе не участвовать. Теперь не проходило ни одного дня, чтобы Мелексала не беседовала со своим бостанги самым дружеским образом. Нежный звук ее голоса восхищал графа, и каждое ее слово выражало что-либо для него лестное. Другой, более предприимчивый кавалер на месте графа не преминул бы воспользоваться такой благоприятной ситуацией, чтобы добиться дальнейших успехов, но граф Эрнст всегда держался в границах скромности. Девушка же, совершенно неопытная в кокетстве, не умела поощрить робкого поклонника похитить ее сердце, и их интрига, без сомнения, долго вертелась бы вокруг оси взаимной благосклонности, не получая дальнейшего развития, если бы случай, который, как известно, является обычно *primum mobile*¹ всякой перемены, не дал событиям совершенно другое направление.

Перед закатом солнца одного очень погожего дня принцесса пришла в сад, и на душе у нее было так светло, как светел был горизонт. Она мило болтала со своим бостанги о всяких безразличных вещах, лишь бы только говорить с ним, и пока он наполнял ее корзиночку свежими цветами, села на скамейку в беседке и, связав букет, подарила ему. Граф, с выражением высшего восторга на лице, прикрепил его к своей рабочей одежде, как знак благосклонности своей прекрасной повелительницы, но ему и в голову не пришло, что цветы могли заключать в себе символический смысл, ибо для него подобные иероглифы были столь же непонятны, как для глаз любителей мудреный ход знаменитого деревянного шахматиста *. Девушка и в дальнейшем не растолковала ему этот скрытый смысл, и он увял вместе с цветами, так и оставшись неизвестным потомству.

¹ Главной движущей силой (*лат.*).

Она думала, что язык раскрывшихся цветов каждому понятен, как родной язык, а потому не сомневалась, что ее любимец все правильно понял. Принимая от нее букет, он с таким благоговением смотрел на нее, что она приписала этот взгляд скромной благодарности за похвалу его усердию и любезности, как он, вероятно, и расценил этот подарок. Ей хотелось проверить, насколько он догадлив и сумеет ли в завуалированной форме выразить ей свою благодарность, сказать что-нибудь приятное, — словом, перевести на язык цветов глубокое чувство, отражавшееся сейчас на его лице, и она потребовала, чтобы он собрал для нее букет по своему вкусу. Граф был тронут ее снисходительной добротой. Он тотчас же побежал в конец сада, где в отдаленной теплице помещались его цветочные запасы, откуда он брал для подсадки заготовленные, только что расцветшие растения в горшках. Там как раз только что распустился ароматный цветок, называемый у арабов мушируми¹, какого в саду до сих пор еще не было. Этой новинкой граф хотел доставить невинное удовольствие ожидавшей его прелестной любительнице цветов. Он преподнес ей цветок в коленапреклоненной, но в то же время полной достоинства позе, подложив под него широкий пальмовый лист и надеясь заслужить этим похвалу. И вдруг с необычайным удивлением заметил, что принцесса отвернулась, глаза ее, насколько он мог заметить сквозь тонкое покрывало, стыдливо потупились, и она смотрела в землю, не говоря ни слова. Казалось, она колебалась, взять ли ей цветок, который она даже не удостоила взглядом, положив его на стоявшую рядом дерновую скамью. Ее веселого расположения как не бывало; приняв величественную позу, полную гордого достоинства, она через несколько мгновений покинула беседку, даже не взглянув на своего любимца; но, уходя, она не забыла взять мушируми, который, правда, тщательно спрятала под покрывалом.

Графа озадачило загадочное поведение принцессы и, не зная чем объяснить его, он долго еще после ухода принцессы стоял на коленях в позе кающегося грешника. Он был огорчен до глубины души, что очаровательная богиня, которую он почитал как святую за

¹ Мускатный гиацинт. (Прим. автора.)

ее снисходительную доброту, оскорбилась и дала ему понять это. Придя в себя после первого удивления, он, печальный и подавленный, будто совершил какой-то чудовищный проступок, побрел в свое жилье. Ловкий Курт уже приготовил ужин, но его господин не хотел ничего отведать и долго водил вилкой по дну миски, не беря ничего в рот. Заметив, что граф чем-то опечален, верный виночерпий незаметно выскользнул за дверь, раскупорил там бутылку хиосского вина, и греческий напиток оказал свое действие и развеял печаль графа. Он стал разговорчивее и поведал верному слуге о приключении в саду. До поздней ночи оба терялись в бесплодных догадках о том, что могло вызвать недовольство принцессы, но все их мудрствования ни к чему не привели, и оба, господин и слуга, отправились на покой, причем последний обрел его сразу, первый же напрасно пытался уснуть и бодрствовал всю ночь напролет, пока утренняя заря не призвала его вновь к работе. В час, когда Мелексала обычно посещала сад, граф часто оглядывался на ворота сераля, но заветная дверь не открывалась. Он прождал второй день, потом третий, но двери сераля будто кто замуровал изнутри. Не будь граф Эрнст совершеннейшим профаном в языке цветов, то легко нашел бы ключ к загадочному поведению принцессы. Передавая своей прекрасной повелительнице цветок, о значении которого он не имел понятия, он признался ей в любви, и притом любви далеко не платонической. Если влюбленный араб украдкой передает своей возлюбленной через доверенное лицо цветок мушируми, то надеется, что у нее хватит сообразительности подобрать единственную рифму, имеющуюся на арабском языке для этого слова, «идскеруми», что в изысканной форме выражает взаимную любовь.

Нужно сказать, что ни одно изобретение для краткого объяснения в любви не заслуживает такого подражания, как этот восточный обычай. Он вполне мог бы заменить пошленькие *billets doux*¹.

Сколько трудятся и ломают себе головы над их сочинением, а скольких неприятностей, сопряженных с перепиской, можно было бы избежать. Ведь если письмо

¹ Любовные записки (франц.).

попадает в чужие руки, его высмеивают пустые зубоскалы, а порой неправильно истолковывают и сами получательницы. Но поскольку мушируми, он же — мускатный гиацинт — цветет в наших садах редко и притом очень недолго, можно было бы заменить его искусственным, удовлетворяя потребность влюбленных произведениями парижских цветочниц или наших, немецких, в любое время года, причем внутренняя торговля этим фабричным товаром давала бы, несомненно, больший доход, чем сомнительные торговые спекуляции в Северной Америке. Во всяком случае, рыцарю любви в Европе не приходится опасаться, что, подарив даме сей красноречивый цветок, он будет считаться опасным преступником и поплатится за это жизнью, как легко может случиться на Востоке.

Если бы у Мелексалы не был такой добрый и нежный нрав и всемогущая любовь не завладела целиком душой дочери султана, граф заплатил бы головой за свою галантность, и не было бы ему пощады, даже если бы он не был виноват ни душой, ни телом. Однако принцесса в глубине души не чувствовала обиды, получив многозначительный цветок, более того, предполагаемое объяснение в любви коснулось нежной струны ее сердца, давно трепетавшей в ожидании гармоничного созвучия. Но ее девическое благонравие подверглось жестокому испытанию, ибо любимый осмеливался умолять ее, — так она истолковывала его поступок, — о наслаждении любви. По этой причине она и отвернула лицо, когда ей была принесена эта жертва любви. Горячая краска, незаметная под покрывалом, залила нежные щеки, лилейная грудь высоко вздымалась, а сердце неистово билось. Стыд и нежность вели в ее душе жестокую борьбу, и волнение девушки достигло такой степени, что она не могла произнести ни слова. Долго она колебалась, что ей делать с коварным мушируми: пренебречь им значило бы лишиться всякой надежды любящего человека, а приняв, она призналась бы в том, что согласна отвечать на его чувство. Стрелка весов колебалась в нерешительности то в одну, то в другую сторону, пока наконец не перевесила любовь. Мелексала взяла цветок с собой, и этим прежде всего спасла графскую голову. Все же, оставшись одна в своих покоях, она, без сомнения, стала раздумывать над возможными послед-

ствиями, к которым в дальнейшем могло бы привести ее решение. Положение принцессы было тем более затруднительным, что, с одной стороны, она, при своей неопытности в сердечных делах, не могла самостоятельно ни на что решиться и, с другой, боялась довериться кому-либо из наперсниц, опасаясь отдать на произвол третьего лица жизнь любимого и собственную судьбу.

Легче смертному подглядеть купающуюся богиню, чем историку — увидеть восточную принцессу в опочивальне сераля. Поэтому трудно сказать, что сделала Мелексала с полученным цветком мушируми. Повесила ли его на зеркало и предоставила там увядать, или поставила в холодную воду, чтобы как можно дольше сохранить свежим? Равным образом трудно решить, витала ли она в радужных мечтах или провела ночь, мучимая заботой, в дремоте, а то и вовсе без сна. Но последнее, очевидно, вернее, потому что на другой день с раннего утра плач и жалобные стоны огласили стены дворца, когда принцесса с побледневшим лицом и утомленным взором вышла из спальни, ибо прислужницы вообразили, что ее поразила тяжелая болезнь. Позвали придворного врача, того самого бородатого иудея, который лечил графа от лихорадки потогонными средствами. По восточному обычаю, она лежала на софе, заставленной большой, глухой ширмой, с маленьким отверстием в стенке, в которое принцесса просунула прелестную округлую ручку, окутанную, однако, двойным и тройным слоем тонкого муслина, чтобы нечестивый мужской взор не смел осквернить ее. Врач прослушал пульс сиятельной больной.

— Да поможет мне б о г , — прошептал врач на ухо главной прислужнице, — принцессе очень плохо. Пульс трепещет, как пойманная птица!

И, глубокомысленно покачив из практических соображений головою, как это делают обычно хитрые врачи, он прописал ей большую дозу колафа и другие лекарства, укрепляющие сердечную деятельность, и, пожав плечами, признал у нее изнурительную лихорадку. На самом деле болезненные симптомы, признанные заботливым врачом предвестниками заразной лихорадки, были не более как последствием бессонной ночи. Отдохнув в час сиесты *, больная, к великому удивлению израэлитя, под вечер была уже вне опасности и не нуждалась больше ни в каких лекарствах и только по настоянию

эскулапа должна была провести несколько дней в постели. Это время она употребила на то, чтобы на досуге обдумать свои любовные дела и измыслить средство для осуществления прав, данных ей вместе с цветком мушируми. Она только и делала, что искала, находила, выбирала и отвергала. То ее фантазия выравнявала непреодолимые горы, то в следующий момент она видела лишь пропасти и ущелья, перед которыми отступала в страхе и через которые самое смелое воображение не могло перебросить мостик. Но, невзирая на все эти камни преткновения, она приняла твердое решение послушаться веления сердца, чего бы это ни стоило. Героизм не чужд дочерям праматери Евы, хотя из-за него они часто платятся довольством и счастьем всей жизни.

Наконец однажды двери сераля открылись, на пороге, подобно красному солнцу с востока, появилась прекрасная Мелексала и прошла в сад. Граф Эрнст заметил ее сквозь листву плюща и почувствовал, что сердце его застучало, словно мельничный жернов. Оно неистово билось, будто он только что бежал с горы на гору. Была ли то радость, или робость, или боязливое ожидание? Что-то сулит ему посещение сада принцессой: прощение или немилость? Кто в состоянии точно разгадать тайну человеческого сердца? Кто может объяснить причину мгновенных толчков этого легко возбудимого мускула? Достаточно сказать, что граф Эрнст почувствовал сердцебиение, как только издали увидел фею сада, и не мог объяснить себе, отчего и почему. Вскоре она отпустила свиту, и по ее поведению было заметно, что на сей раз она не намерена заниматься поэтическим собиранием цветов. Она обошла все беседки, а так как граф и не собирался играть с нею в прятки, то очень скоро нашла его. Когда Мелексала была от него на расстоянии всего нескольких шагов, он без слов, но достаточно красноречиво, пал перед ней на колени, не смея поднять глаз, печальный, будто преступник, ожидающий своего приговора. Но принцесса ласково заговорила с ним, приветствуя его жестом:

— Встань, бостанги, и следуй за мной в беседку.

Бостанги молча повиновался, а она, сев на скамеечку, обратилась к нему:

— Да свершится воля аллаха. Три дня и три ночи я призывала его вразумить меня каким-нибудь знаме-

нием, если воля моя колеблется между заблуждением и безумием. Своим молчанием пророк одобрил намерение горлинки освободить жаворонка от рабских цепей, в которых он влачит жалкое существование, и свить с ним гнездо. Дочь султана не пренебрегла цветком мушируми, преподнесенным невольницей рукой. Мой жребий брошен. Немедля иди к имаму, чтобы он повел тебя в мечеть и отметил печатью правоверных. Тогда отец, вняв моей мольбе, возвысит тебя, как Нил поднимает свои воды выше тесных берегов и изливает в долину. Когда ты сделаешься беом провинции, то смело можешь поднять глаза на трон. Султан не отвергнет зятя, которому великий пророк предназначил его дочь.

Будто зачарованный заклинаниями могущественной феи, слушал граф эту речь, вторично уподобившись мраморной статуе и в изумлении глядя на принцессу. Щеки его побледнели, а язык словно прилип к гортани. Смысл этой речи дошел до его сознания, но ему было непонятно, какими путями может он удостоиться неожиданной чести стать зятем султана Египта. В таком положении, в роли осчастливленного влюбленного, он выглядел не слишком импозантно. Однако пробудившаяся любовь, как восходящее солнце, позлащает все. Девушка приняла его ошеломленность за опьянение восторгом и приписала очевидное смущение счастьем любви, свалившемся на него столь неожиданно. Но тут же в ее сердце шевельнулось вдруг неизбежное для девушки сомнение: не поторопилась ли она с ответом и не слишком ли быстро исполнились ожидания ее возлюбленного, поэтому она сказала:

— Ты молчишь, бостанги? Не удивляйся, что благоухание твоего мушируми возвращает тебе аромат моих мыслей. Покров притворства никогда не окутывал моего сердца; должна ли я отягощать шаткостью надежды крутой подъем, который ты должен преодолеть, прежде чем тебе откроются брачные покои?

Эта речь дала графу возможность несколько прийти в себя. Он ободрился, как воин, проснувшийся при звуках тревоги в лагере.

— Ослепительный цветок Востока, — сказал он, — дерзнет ли кустик, растущий среди колючек, цвести под твоею сенью? Разве не выполет его бдительная рука садовника и не выбросит как ненужную сорную траву, что-

бы его растоптали на дороге или чтобы его высушило солнечным зноем? Если легкий ветерок нанесет пыль на твою царскую диадему, не протянутся ли тотчас сотни рук, чтобы стереть ее? Как смеет раб мечтать о банане, зреющем в саду султана, чтобы усладить небо властелина? Выполняя твой приказ, я искал редкий цветок для тебя и нашел мушируми, чье название, а тем более таинственное значение были мне неизвестны. Поверь, я не имел в виду ничего иного, кроме исполнения твоей воли.

Этот странный ответ явно не соответствовал прекрасным планам девушки. Для нее было неожиданностью услышать, что европеец может не вкладывать в цветок мушируми, предлагаемый женщине, тот смысл, который всегда подразумевается в двух остальных частях Старого Света. Она ясно видела, что произошло недоразумение, но любовь, пустившая уже глубокие корни в ее сердце, повернула дело очень ловко: так швея вертит по-всякому свою работу, когда надо исправить недостатки раскроя, чтобы в конце концов все более или менее удачно сошлось. Держа в прелестной ручке конец покрывала, принцесса скрыла свое смущение и, помолчав некоторое время, продолжала с нежной лаской:

— Твоя скромность напоминает мне ночную фиалку, которая скрывается от солнечных лучей, и хотя не отличается яркостью красок, но любима всеми за прекрасный аромат. Счастливый случай стал толкователем твоих чувств и вызвал в ответ мое признание. Сердце мое открыто для тебя. Последуй учению пророка, и ты будешь на пути к достижению своего счастья.

Граф начал проникать в скрытую суть событий. Мрак в его душе постепенно рассеивался — так ночные тени тают с наступлением утренней зари. Так вот когда явился искуситель, которого он ждал в тюремной башне в образе рогатого сатира или черного подземного гнома! Он явился ему в образе крылатого Амура и пускает в ход все свое обольстительное искусство, чтобы убедить его отречься от родной веры, изменить нежной супруге и забыть невинных малюток! «В твоей власти, — размышлял граф, — сменить тяжкие цепи рабства на нежные пути любви. Первая красавица целой части света улыбается тебе, а с ней наслаждение всеми земными благами. Пламя чистое, как огонь Весты *, пылает для тебя в этой груди, и оно испепелит ее, если безумие и упрямст-

во затумят твой разум и заставят пренебречь ее любовь. Скрой на время под тюрбаном свою веру. У папы Григория хватит воды в цистерне всепрощения, чтобы начисто смыть с тебя грехи. Кто знает, не тебе ли будет принадлежать заслуга — отвоевать чистую душу девы для неба, коему она предназначена».

Он еще долго и охотно прислушивался бы к этим лукавым речам, если бы добрый ангел-хранитель не ущипнул его за ухо и не предостерег от голоса соблазна. Он всем своим существом почувствовал, что не должен более поддаваться обольщению, и быстро взял себя в руки. Слова несколько раз замирали у него на устах, прежде чем он овладел собой и заговорил:

— Когда заблудившийся в Ливийской пустыне странник мечтает освежить пересохший язык водой из Нила, он только усиливает муки жажды, не имея возможности удовлетворить свое желание. А потому и ты, прекраснейшая из женщин, не буди в моем сердце желания, что как голодный червь будет точить мое сердце, которое я не смогу питать надеждой. Знай, что у себя на родине, я уже связан нерушимыми цепями брака с добродетельной женщиной и трое прелестных деток называют меня сладостным именем: «Отец!» Как может сердце, истерзанное горем и тоской, домогаться жемчужины красоты и предлагать ей всего только разделенную любовь?

Объяснение графа было весьма откровенно, и он полагал, что по-рыцарски разрешил любовное недоразумение. Он думал, что теперь Мелексала, поняв ошибку, откажется от мысли соединить с ним свою судьбу. Однако он глубоко ошибался. Принцесса не могла поверить, чтобы граф, молодой, цветущий мужчина, не оценил ее красоты. Она знала, что достойна любви, и чистосердечный рассказ о его семейных обстоятельствах не произвел на нее никакого впечатления. Воспитанная в обычаях своей страны, она и не собиралась присваивать его в полное владение, ибо рассматривала любовь мужчины как делимый дар. Во время веселых игр в серале она часто слышала, как мужская нежность уподоблялась шелковой нити, которую можно разъединять и разделять, причем каждая часть ее сама по себе все же остается целой. Действительно, остроумное сравнение, не пришедшее еще в голову нашим дамам в западных странах. Гарем ее отца с детства представлял ей многочисленные примеры

разделенной любви: жены султана жили там в мирном согласии друг с другом.

— Ты называешь меня Цветком Мира, — возразила принцесса, — но, посмотри, в этом саду рядом со мной растет еще много цветков, радующих глаз и сердце своей разнообразной красотой и прелестью, но я не препятствую тебе наслаждаться ими вместе со мной. Могу ли я требовать, чтобы в твоём собственном саду выращивался один-единственный цветок, от постоянного созерцания которого утомился бы твой взор? Пусть твоя жена будет участницей нашего счастья. Ты введешь ее в свой гарем, и я с радостью встречу ее там. Ради тебя она будет моей любимой подругой, и ради тебя она будет любить меня. И дети ваши будут моими; я осею их своей тенью, чтобы они весело росли и пустили корни в этой чужой для них земле.

В наш просвещенный век терпимость в любви еще не простирается так далеко, как терпимость церкви; в противном случае заявление Мелексалы не показалось бы столь диким нашим читательницам, как это, по всей вероятности, будет на самом деле. Но Мелексала была дочерью Востока, а под таким ласковым небом мегера ревности не имеет столь великой власти над прекрасной половиной человечества, как над сильнейшей, которой она, напротив, управляет железной рукой. Граф Эрнст был тронут таким простосердечием принцессы, и кто знает, к какому решению он пришел бы, если бы мог ожидать, что дома его милая Оттилия согласится с подобными взглядами и если бы, сверх того, не лежал на пути камень преткновения в виде необходимости отречься от своей веры. Он отнюдь не скрыл от прелестной богини, храбро борющейся за его сердце, эти сомнения своей совести. Но насколько легко она устраняла все другие препятствия, настолько трудно ей было преодолеть это последнее. Их тайная беседа закончилась, не приведя к какому-либо согласию в отношении спорного пункта о религии, и когда обе стороны расстались, дело оставалось в таком же положении, как на конференции об определении границ между двумя соседними государствами, где стороны ни на йоту не желают уступить своих привилегий и решение откладывается в долгий ящик, что не мешает представителям пока что жить в мире друг с другом и прекрасно себя чувствовать.

На тайном конклаве * графа известное место и голос имел ловкий Курт. За ужином господин посвятил его в свою любовную историю, коей был крайне обеспокоен; кроме того, вполне могло случиться, что искра любви из сердца девушки воспламенила искру в его собственном сердце, и он уже был не в силах угасить ее пеплом законной любви. Семилетняя разлука, утраченная надежда когда-либо вновь соединиться с предметом первой любви и представившийся случай заполнить сердце новым влечением — вот три решающих обстоятельства, которые легко могут потрясти такое душевное движение, как любовь, и изменить ее направление. Мудрый оруженосец, слушая этот захватывающий рассказ, весь превратился в слух, а так как, очевидно, через узкую калитку слуха, рассказ графа недостаточно быстро доходил до его сознания, то одновременно он раскрыл и широкие ворота рта и с напряженным вниманием впивывал в себя неожданную новость. Выслушав и зрело взвесив все, он сделал заключение, что нужно, не откладывая ни минуты, обеими руками ухватиться за реальную надежду на освобождение и дать принцессе осуществить ее план, не предпринимая самим ничего за и ничего против, а предоставив все на волю неба.

— В своем отечестве, — сказал он, — вас уже вычеркнули из книги живых. А из пропасти рабства нет никакого спасения, если только вы не уцепитесь за любовный канат. Ваша супруга, прекрасная женщина, никогда не вернется в ваши объятия. Если за семь лет тоска по любимому другу не иссушила и не сгубила ее, то время, поверьте, уже одолело ее тоску. Она забыла вас и обнимает в постели другого. Но изменить вере — это довольно жесткий орешек, и вам, наверное, его не разгрызть. Но и этому горю можно помочь. Ни у одного народа на земле нет обычая, чтобы женщина поучала мужчину, каким путем попасть в рай. Она сама должна идти по его стопам и следовать за ним, как облако за ветром, не оглядываясь ни по сторонам, ни назад, как это сделала жена Лота *, за что и была превращена в соляной столб, ибо куда идет муж, там и ее место. И у меня дома жена, и я уверен, господин, будь я в преддверии ада, она не задумываясь последовала бы за мной, чтобы овеять меня опахалом и освежать мою бедную душу прохладой. Поэтому крепко стойте на том, чтобы девушка отказалась

от своего лжепророка. Если она вас любит чистою любовью и преданна вам, то, конечно, охотно сменит свой рай на христианское небо.

Ловкий Курт еще долго разглагольствовал, убеждая своего господина не отвергать любви султановой дочери и забыть все другие обязательства, лишь бы сбросить с себя оковы. Но он упустил из виду, что, выказав веру в преданность собственной жены, он напомнил графу и о преданности его любимой супруги, избавиться от которой он искушал его. Сердце графа сжималось как в железных тисках. Он метался без сна на своем ложе, и мысли его и намерения странным образом переплетались между собой, и только под утро, истомившись, он забылся тревожным сном. Ему приснилось, что из его белой как слоно-вая кость челюсти выпал прекрасный передний зуб, и это его очень огорчило. Но когда он в зеркале стал рассматривать дыру, образовавшуюся на месте выпавшего зуба, чтобы судить, насколько она обезобразила его, то на месте утерянного увидел другой такой же красивый и блестящий, как и остальные, так что потеря была незаметна. Проснувшись, он захотел узнать, что мог означать этот сон. У ловкого Курта за этим дело не стало. Он тотчас же привел цыганку-гадалку, которая за вознаграждение предсказывала судьбу по руке и по лбу, а также владела даром разгадывать сны. Граф подробно рассказал ей свой сон. Сморщенная, смуглая до черноты пифия долго прикидывалась раздумывающей и наконец, открыв свои толстые губы, изрекла:

— Смерть похитила ту, что была тебе всех милее, но судьба скоро возместит тебе потерю.

Теперь было ясно, что предположение мудрого оруженосца не было пустою выдумкой и что добрая графиня Оттилия сошла в могилу от горя и тоски о своем пропавшем любимом супруге. Удрученный вдовец, настолько уверенный в постигшем его несчастье, как если бы получил траурное извещение с черной каймой и печатью, переживал все, что может переживать мужчина, дорожащий своей здоровой челюстью, когда у него выпадает зуб и благодетельная природа намеревается заменить потерю новым, и утешал себя обычной фразой вдовцов:

— Такова божья воля, и я должен покориться ей.

Как только он почувствовал себя свободным и не связанным браком, он поднял все паруса и распустил вым-

пел и флаги по ветру, чтобы поплыть к гавани своего любовного счастья. При следующей встрече он нашел принцессу прекраснее, чем когда-либо, и глаза его жадно искали ее взгляда. Стройная фигура восхищала взор, а легкая, упругая походка казалась поступью богини, хотя она переставляла ноги совсем по-человечески, одну за другой, а не парила над песчаными дорожками, не двигая ногами, по обычаю богинь.

— Бостанги, — спросила она мелодичным голосом, — ты говорил с имамом?

Граф помолчал одно мгновение, потупив ясные глаза, затем скромно приложил руку к груди и опустился перед ней на одно колено. Стоя в такой смиренной позе, он ответил ей довольно решительно:

— Благородная дочь султана, от тебя зависит жизнь моя, но не вера. С радостью готов я пожертвовать для тебя жизнью, но не заставляй меня отречься от веры, с коей так слилась душа, что скорее она расстанется с телом, чем с нею.

Тут принцесса поняла, что ее великолепный план готов рухнуть, и, чтобы поправить дело, прибегла к героическому средству, несомненно действующему безошибочно, а именно — к пресловутому животному магнетизму*. Она сбросила с лица покрывало и в полном блеске красоты предстала перед ним, как солнце на небе в тот момент, когда оно выплыло из хаоса, чтобы осветить мрак земли. Нежный румянец покрыл ее щеки, и ярким пурпуром пылали губы; две прекрасно изогнутые дуги, на которых играл Амур, как Ирис на разноцветных дугах радуги, затеняли полные огня глаза, а два золотых локона ласкали белоснежную грудь. Граф, потрясенный, смотрел на нее и молчал. Но она заговорила первая:

— Смотри, бостанги, разве я не нравлюсь тебе? И разве не стою жертвы, которой требую от тебя?

— Ты прекрасна, как ангел, — отвечал граф с выражением безмерного восторга, — и достойна, окруженная святым сиянием, блистать в преддверии христианского рая, перед которым прелести рая Магомета лишь пустая тень.

Эти слова, сказанные с жаром и видимой убежденностью, нашли свободный доступ к невинному сердцу девушки. Особенно понравилось ей святое сияние, которое, как она полагала, будет ей к лицу. Ее живая фантазия так пленилась этой мыслью, что она потребовала

более точного объяснения. Граф обеими руками ухватился за представившийся случай описать ей христианский рай самыми соблазнительными красками. Он рисовал ей привлекательнейшие картины, какие только подсказывала ему фантазия, и говорил с такой уверенностью, будто только что прибыл из лона вечного блаженства, чтобы выполнить свою миссию по отношению к ней. Поскольку пророку было угодно уделить прекрасной половине рода человеческого весьма скудные радости на том свете, апостольскому проповеднику тем легче было достигнуть своей цели, хотя нельзя утверждать, что он так уж хорошо был подготовлен к этой роли.

Само ли небо покровительствовало обращению юной души, или склонность принцессы ко всему иноземному распространилась и на религиозные понятия европейцев, а может быть, личность проповедника сыграла тут главную роль, — довольно того, что она внимательно слушала, и если бы наступивший вечер не прервал проповедь, то с удовольствием без конца слушала бы своего учителя. Но на сей раз она быстро накинула на лицо покрывало и отправилась в сераль.

Известно, что дети князей обыкновенно весьма понятливы и во всех науках, достойных изучения, делают гигантские успехи, как часто и громко оповещают о том наши журналы, тогда как дети остальных обитателей вселенной движутся карликовыми шагами. Поэтому нет ничего удивительного, что дочь султана Египта за короткое время восприняла основы тогдашнего учения европейской церкви настолько хорошо, насколько ей мог преподавать учитель, не считая маленьких ересей, ненамеренно проскользнувших кое-где, вследствие неведения учителя в делах религии. Эти познания не остались для нее мертвой буквой, наоборот, они пробудили в ней ревностное желание обратиться в новую веру. Итак, план принцессы теперь настолько изменился, что она уже не думала обращать графа, напротив, сама была готова принять его веру — правда, не столько из стремления к религиозному единению, сколько из желания осуществить намеренный ею союз любви.

Теперь все дело было в том, каким образом исполнить это намерение. Принцесса советовалась с графом, а тот на ночном совете обсуждал это важное обстоятельство с ловким Куртом, и слуга стоял за то, чтобы ковать желе-

зо, пока горячо: открыть прекрасной новообращенной положение и происхождение графа и предложить ей бежать с ним, вернуться морем на европейский берег, поселиться в Тюрингии и жить там с женой в святом христианском браке. Граф с шумным восторгом одобрил этот хорошо придуманный план мудрого слуги, будто тот прочел его в глазах господина. В пылу первого увлечения ни тот, ни другой даже не вспомнили о тех затруднениях, которые неизбежно ожидали их в пути. Любовь сносит горы, перескакивает через стены и рвы, перелетает через ущелья и пропасти и переходит через шлагбаумы так же легко, как через соломинку. На ближайшем уроке закона божия граф преподнес своей возлюбленной новообращенной вполне готовое предложение.

— Прекраснейшее отражение пресвятой д е в ы , — обратился он к н е й , — ты избрана небом среди отвергнутого народа, чтобы победить заблуждения и предрассудки и приобщиться к обителю блаженства! Если у тебя есть мужество отказать от своего отечества, то приготовься к близкому бегству. Я повезу тебя в Рим, где живет небесный привратник, наместник святого Петра на земле, которому доверены ключи от райских врат, дабы он принял тебя в лоно церкви и благословил союз наш. Не бойся, могущественная рука твоего отца не достигнет нас. Каждое облако над нашей головой превратится в корабль, на котором небесное воинство, вооруженное алмазными щитами и огненными мечами, будет сопровождать нас; невидимое для глаз смертных, но облеченное силой и властью, оно сохранит и защитит нас. Не скрою от тебя, что, к счастью, по рождению я у себя на родине занимаю наивысшее положение, до какого мог бы меня поднять султан. Я — граф, то есть наследственный бей, управляю страной и людьми. В границах моего графства множество городов и местечек, дворцов и укрепленных горных замков. Рыцари, оруженосцы и воины подчинены мне, к моим услугам — кони и экипажи. У меня на родине ты не будешь заперта в стенах сераля, а будешь жить свободно и властвовать как королева.

Слова графа показали принцессе вестью с неба. Она несколько не сомневалась в их достоверности, и ей, видимо, льстило, что прекрасная горлица совет себе гнездо не со скромным жаворонком, а под крылом орла. Пылкая фантазия переполняла сердце ее таким сладким ожи-

данием, что она согласилась на бегство с той же готовностью, с какой сыны Израиля на исход из Египта *, будто в другой части света, по ту сторону моря, ее тоже ожидал новый Ханаан. Доверяя защите невидимых телохранителей, она тотчас же была готова вместе со своим спутником бежать за крепостную стену замка, если бы граф не убедил ее, что нужны еще некоторые приготовления, дабы иметь полную уверенность в счастливом выполнении задуманного предприятия.

Из всех пиратских налетов на суше и на море ни один не может быть труднее и опаснее, чем похищение из рук повелителя правоверных его обожаемой дочери. Такая хитроумная штука пришла бы в голову только воспаленному воображению Вецеля *, а выполнить ее мог бы разве что Какерлак. Намерение графа Эрнста Глейхенского увезти дочь египетского султана представляло не меньше трудностей, а если допустить, что оба героя соревновались, то отчаянную затею последнего нельзя не признать несравненно более дерзкой, ибо здесь все шло естественным путем и никакая услужливая фея в игру не вмешивалась. И все-таки это предприятие, как и в вышеупомянутом случае, окончилось благополучно. Принцесса наполнила свой ларчик драгоценностями, сменила царские одежды на кафтан и однажды вечером незаметно выскользнула из дворца в сад, чтобы в сопровождении своего любимого, его верного слуги и неповоротливого водоноса пуститься в путешествие на далекий Запад.

Отсутствие принцессы не могло долго оставаться незамеченным. Прислужницы искали ее, как говорится, словно иголку в стогу сена, и когда той нигде не оказалось, смятение охватило весь сераль. Уже давно шли перешептывания о тайных встречах дочери султана с бостанги; из сопоставленных фактов и предположений не получилась, правда, ровная нить жемчуга, но было сделано ужасное открытие, объяснившее истинную причину исчезновения прелестной девы.

Прислужницы, посоветовавшись, сообщили обо всем высшей власти. Славный султан, которому добродетельная Мелексала, если бы она все зрело взвесила, не должна бы причинить такое горе и бежать в погоне за святым сиянием, — повел себя, получив подобное уведомление, как разъяренный лев, который угрожающе трясет рыжей гривой, когда шум охоты и лай собак спугивает его в ло-

гове. Он клялся бородой пророка, что изведет весь сепараль, если к восходу солнца принцесса не будет в его отцовской власти.

В погоне за беглецами, по всем дорогам Великого Каира, во все стороны поскакали мамелюки *, личная стража султана. Тысячи гребцов разрезали широкую спину Нила, чтобы настичь их, если они выбрали путь водой. При таких мерах граф смог бы избежать широко раскинутых по всей стране рук султана, только если бы владел тайной силой, чтобы вместе со своими спутниками стать невидимым, или обладал бы чудесным даром поразить весь Египет слепотой. Но он не владел ни тем, ни другим, и только ловкий Курт принял меры предосторожности, результат которых вполне заменил чудо. Они сделали невидимым караван беглецов, скрыв его во мраке темного погребца в доме великого лекаря Адиллама. Этот иудейский Гермес * не довольствовался тем, что с успехом занимался медициной, он давал еще в рост деньги, полученные в наследство от отца, и почитал Меркурия *, покровителя врачей, купцов и воров. Он вел широкую торговлю с венецианскими купцами, сбывал им пряности и целебные травы, что давало ему большой доход, и не пренебрегал никаким делом, если можно было на нем заработать. За драгоценности из шкатулки принцессы верный оруженосец уговорил честного израэлитя, который за деньги и за то, что стоило денег, готов был на любое дело, не считаясь с моралью, чтобы он доставил графа и трех его слуг на венецианский корабль, грузившийся в Александрии, причем положение и намерения графа не остались для него тайной. От него только предусмотрительно скрыли, что один из предметов контрабанды — дочь его властелина и что ему предстоит способствовать тайному бегству ее из родной страны. Когда еврей увидел отправляемый груз, его поразила красота юноши, но он не заподозрил ничего дурного и подумал, что это графский паж. Меж тем вскоре по городу распространился слух, что принцесса исчезла. Тогда у него открылись глаза, им овладел такой смертельный ужас, что седая борода его затряслась. Купцу расхотелось ввязываться в такое опасное дело, но было слишком поздно. Ради собственной безопасности ему пришлось употребить всю свою хитрость, чтобы благополучно выпутаться из этой истории. Первым делом, он строго-настро-

запретил своим тайным постояльцам выходить из погребца. Лишь когда первая горячка в поисках принцессы поостыла и была потеряна почти всякая надежда найти ее, он бережно упрятал весь караван в четыре травяные тюка¹ и, погрузив их на нильский корабль, надежно и невредимо, под охраной господ бога, доставил груз вместе с накладной в Александрию; как только венецианский корабль вышел в открытое море, всех беглецов вместе и каждого в отдельности освободили из их тесных убежищ. Нельзя точно утверждать, сопровождало ли облако с блестящей небесной гвардией телохранителей, вооруженных огненными мечами и алмазными щитами, качавшийся на волнах корабль, поскольку она невидима, но некоторые признаки ее были налицо. Казалось, все четыре ветра сговорились, чтобы покровительствовать счастливому плаванию: противные сдерживали дыхание, а попутные так весело вздували паруса, что корабль стремительно бороздил мягко колыхавшиеся волны. Едва приветливый месяц во второй раз показал свои подросшие серебряные рожки, венецианский корабль благополучно вошел в гавань родного города.

Бдительный гонец графини Оттилии все еще находилась там. Бесплодность поисков не отбила у него охоты жить на готовом графском содержании и усердно расспрашивать всех прибывающих из Леванта путников. Он как раз находился на своем посту, когда граф с прекрасной Мелексалой сошли на берег. Он так хорошо помнил лицо своего господина, что смело узнал бы его из тысячи незнакомых лиц. И все же иноземная одежда и несколько изменившиеся за семилетнее отсутствие черты вызвали у него на несколько мгновений сомнение. Желая убедиться, действительно ли перед ним его господин, он приблизился к прибывшим чужеземцам и, подойдя к верному оруженосцу, спросил:

— Скажи, приятель, откуда вы прибыли?

Ловкий Курт был рад встретить земляка, заговорившего с ним на его родном языке, но счел опасным пускаться в разговоры с незнакомым человеком и коротко ответил:

¹ Путешествие в травяных тюках практиковалось во времена крестовых походов. Так, например, Дитрих Угнетенный, маркграф Мейсенский, опасаясь тайного преследования короля Генриха VI, намеревавшегося захватить его богатые рудники, вернулся на родину в подобном тюке. (*Прим. автора.*)

— Из-за моря.
— Кто тот величавый человек, которого ты сопровождаешь?
— Мой господин.
— Откуда он приехал?
— С Востока.
— А куда держите путь?
— На Запад.
— Куда именно?
— На родину.
— Где она?
— За сотни миль отсюда.
— Как тебя зовут?
— Удалой головушкой зовут меня люди; почет — мой меч; время — моя жена; поздний рассвет — моя служанка; скромность и честность — мои слуги; ветер крестил мое дитя; костлявый лентяй — мой конь; звон шпор — его бег; адской пастью я кличу собаку; скрип флюгера — мой петух; прыгает в соломе — моя блошка. Ну, теперь, приятель, ты знаешь меня с женой, детьми и всю мою прислугу.

— Ты, я вижу, бездельник.
— Я не бездельник, потому что мне и делать нечего!
— Ответь мне еще на один вопрос.
— Говори.
— Не слышал ли ты на Востоке чего-либо новенького о графе Эрнсте фон Глейхене?
— Почему ты спрашиваешь?
— Потому.
— Потому, посему, а почему — потому?
— Потому что я послан его женой, графиней Оттилией, узнавать по белу свету, жив ли ее супруг и в каком конце земли он находится.

Ответ этот привел ловкого Курта в замешательство и заставил призадуматься.

— Погоди, земляк, — сказал он, — может быть, мой господин что-нибудь знает о нем.

Он тотчас же пошел к графу и прошептал ему на ухо только что услышанную новость, вызвавшую у того одновременно противоречивые чувства: радости и испуга. Он понял, что сон или неправильное толкование обманут его и план женитьбы на прекрасной сарацинке теперь придется скорее всего отменить. Он не мог сразу,

на ходу, сообразить, как ему поступить при таких запутанных обстоятельствах. Однако желание узнать, как обстоят дела у него дома, превозмогли все другие соображения. Он подозвал гонца графини и признал в нем своего старого слугу, который, орошая радостными слезами руку своего господина, обретенного господина, повел длинную речь о том, как обрадуется графиня Оттилия, когда получит счастливую весточку о возвращении любимого супруга из святой земли. Граф приказал слуге следовать за ним в гостиницу, где он, стараясь разобраться в своем смятенном душевном состоянии, принялся серьезно раздумывать над судьбой прекрасной сарацинки. Прежде всего он отправил бдительного слугу гонцом к графине с посланием, в котором правдиво рассказал о своих злоключениях, о рабстве и освобождении от него при содействии дочери египетского султана, которая из любви к нему покинула трон и отечество в надежде, что он женится на ней; о том, как он обещал ей это, введенный в заблуждение привидевшимся сном. Этим письмом он пытался не только подготовить свою супругу к принятию второй жены на графское супружеское ложе, но даже, ссылаясь на особые обстоятельства, получить согласие ее на это.

Графиня Оттилия стояла как раз у окна, в накинutom на плечи вдовьем покрывале, когда посланец в последний раз пришпорил взмыленного коня и рысью поднялся по крутой дороге к замку. Она своими зоркими глазами еще издали узнала его, а так как и он был не близорук, ибо в эпоху крестовых походов таковые вообще были редки, то и он узнал графиню и, высоко подняв над головой дорожную сумку, как флагом помахал ею в знак доброй вести. И она поняла этот знак так же хорошо, будто была знакома с тайнописью, изобретенной в Ханану.

— Ты нашел его, друга моего сердца? — крикнула она навстречу прибывшему. — Скажи, где он сейчас, чтобы я могла поспешить к нему, утереть пот с лица и дать ему отдохнуть от трудного пути в моих верных объятиях?

— К счастью, — отвечал посланец, — супруг вашей милости жив и здоров. Я нашел его в приморском городе Венеции, откуда он послал меня к вам с письмом, написанным его собственной рукой и за его печатью, чтобы известить вас о своем прибытии.

От нетерпения графиня едва была в состоянии сломать печать на письме, а когда она увидела слова, на-

чертанные рукой мужа, у нее захватило дыхание. Трижды прижала она его к своему трепещущему сердцу и трижды коснулась его жаждущими губами, и слезы радости обильным потоком полились на развернутый пергамент, когда она начала читать его. Однако чем дальше, тем скупее текли слезы, а под конец источник их совершенно иссяк. Не все в письме, естественно, могло понравиться бедной женщине. Предложение графа о контракте на раздел его сердца не встретило ее одобрения. Теперь, правда, случаи раздельного обладания все более учащаются и раздельная любовь и раздельная провинция стали отличительными признаками нашего века, но в старину на это смотрели иначе. Потому что тогда всякое сердце отпиралось только одним-единственным ключом, а тот, что отпирал их несколько, считался просто воровской отмычкой. Нетерпимость графини в отношении этого пункта была по крайней мере красноречивым доказательством ее неизменной любви.

— О гибельный крестовый поход, — воскликнула она, — ты единственная причина моего несчастья! Я одолжила святой церкви хлеб, а язычники вернули мне только корки!

Ночью у нее было видение, которое несколько смягчило ее сердце и дало ее мыслям иное направление. Ей приснилось, будто по извилистой крутой дороге, ведущей к замку, идут от святого гроба господня два пилигрима и просят у нее пристанища, и она радушно принимает их. Один из путников сбрасывает с головы капюшон и... оказывается, что это — граф, ее господин, которого она, обрадованная его возвращением, нежно обняла. Дети подошли к нему, и он заключил их в свои отцовские объятия, радуясь, что они так выросли и развились без него. Между тем его спутник открыл дорожный мешок и, достав золотые цепи и прекрасные ожерелья из драгоценных камней, надел их на шею малюткам, которым очень понравились блестящие игрушки. Графиня удивилась щедрости даров и спросила незнакомца в капюшоне, кто он таков, на что тот ответил:

— Я архангел Рафаил*, покровитель любящих, и привел к тебе твоего супруга из далекой страны.

Одежда пилигрима исчезла, и перед ней очутился осиянный ореолом ангел в небесно-голубом одеянии с золотыми крыльями за плечами. На этом она проснулась и,

за отсутствием египетской сивиллы, сама, как могла, растолковала себе этот сон. Она нашла много общего между архангелом Рафаилом и прелестной Мелексалой и не сомневалась, что это принцесса явилась ей во сне в образе ангела. К тому же она рассудила, что без поддержки принцессы ее супруг вряд ли когда-нибудь избавился бы от рабства. Поскольку собственнику, потерявшему вещь, надлежит делиться с честным человеком, нашедшим ее, ибо он мог бы присвоить ее полностью, графиня уже не видела препятствий к тому, чтобы добровольно уступить половину своих супружеских прав. Щедро наградив за службу моряка, не нюхавшего моря, она послала его обратно в Италию и отправила с ним мужу формальное согласие на тройственный брачный союз.

Теперь графа беспокоило только одно, даст ли папа Григорий свое благословение на этот противоестественный брак и будет ли склонен разрешить переплавить форму, сущность и церемонию таинства брака в пользу графа. Ради этого им пришлось совершить паломничество из Венеции в Рим, где Мелексала торжественно отреклась от корана и была принята в лоно церкви. Святой отец до того обрадовался вновь обретенной душе, будто этим разрушил все царство антихриста или подчинил его власти римского трона, и по совершении обряда крещения, на котором ее сарацинское имя заменили ортодоксальным именем Анжелика, велел отслужить торжественную мессу в храме святого Петра. Граф Эрнст решил, что нужно использовать благоприятный момент, прежде чем омрачится хорошее настроение папы. Не откладывая, он подал свою брачную петицию верховному главе церкви, но получил отказ. Благочестие обладателя трона святого Петра было столь строгим, что брачный трилистник он считал более грубой ересью, чем троебожие.

Как ни очевидны были особые причины, приводимые графом, дабы побудить папу сделать для него исключение из общего закона о браке, ничто не помогло. На сей раз ему не удалось уговорить этого владыку примерной святости закрыть глаза своей совести и дать требуемое разрешение, что доставило графу много забот и огорчений.

Тем временем его хитроумный поверенный в делах, ловкий Курт, придумал верный способ, как графу обвенчаться с прекрасной новообращенной, чтобы ни папа, ни все достойное христианство не могли ни слова возразить против этого. Он только не отважился сказать об этом графу, из опасения вызвать его гнев. Наконец он выбрал подходящий момент и обратился к нему со следующими словами:

— Дорогой господин, — сказал он, — не огорчайтесь чересчур упрямством папы. Если не удалось подойти к нему с одной стороны, то надо попытаться подойти с другой. Не одна тропинка ведет в лес. У святого отца слишком чувствительная совесть, и он не хочет разрешить вам иметь двух жен, но и у вас может быть такая же чувствительная совесть, хотя вы всего только мирянин. Совесть что плащ, он прикрывает наготу и притом еще имеет то удобство, что развеивается по ветру. Теперь, когда ветер дует не в вашу сторону, вы должны вывернуть плащ наизнанку. Посмотрите, не состоите ли вы с

графиней Оттилией в запрещенной для брака степени родства? А если это так, что легко можно выяснить, то, поскольку и у вас чувствительная совесть, я считаю, дело ваше в шляпе. Достаньте разводное письмо, и тогда кто может запретить вам жениться на девушке?

Граф слушал мудрого оруженосца до тех пор, пока смысл речи не дошел до его сознания. Тогда он коротко и ясно ответил ему двумя словами:

— Замолчи, негодяй!

И в тот же миг ловкий Курт очутился за дверью и растянулся на полу в поисках нескольких зубов, потерянных при таком поспешном перелете.

— О, мои прекрасные зубы, — воскликнул он за дверью, — вот награда за верную службу и усердие!

Этот монолог о зубах напомнил графу его сон.

— Ах, тот проклятый зуб, что я потерял во сне, — гневно воскликнул он, — причина всех моих невзгод!

Сердце его рвалось на части; с одной стороны — упреки совести в неверности любящей супруге, с другой — запретная любовь к прелестной Анжелике; оно напоминало колокол, стенки которого издают звон, когда он приведен в движение. Больше, чем вспыхнувшее любовное пламя, жгла и мучила его невозможность сдержать данную принцессе клятву и возвести ее на брачное ложе. Все эти тревожнения привели его, между прочим, к правильному выводу, что делить свое сердце надвое — не такая уж большая радость и что любящий мужчина в таких обстоятельствах чувствует себя почти так же, как Буриданов осел * между двумя охапками сена. От всех этих невзгод граф совсем потерял свойственную ему жизнерадостность и стал похож на человека, пресыщенного жизнью, которого гнетет атмосфера пасмурного дня, нагоняя на него хандру. Анжелика заметила, что ее любимый выглядит не так, как вчера и позавчера. Она огорчилась и решила сама попытаться переубедить папу, надеясь добиться большего успеха. Плотно закутав, по мусульманскому обычаю, лицо вуалью, она потребовала, чтобы совестливый папа Григорий выслушал ее.

Пока еще ни один человек в Риме не видел принцессы, за исключением священника Иоанна Крестителя * во время обряда крещения. Папа принял новообращенную дочь церкви с надлежащим почтением и протянул ей для поцелуя вместо надушенной туфли кисть правой руки.

Обворожительная чужестранка слегка приподняла покрывало, чтобы коснуться губами благословляющей руки папы. Затем она заговорила, облекая свою просьбу в самые трогательные выражения. Однако ее вкрадчивая речь, попав в папское ухо, казалось, запуталась в лабиринте внутренних органов верховного владыки церкви, ибо, вместо того чтобы идти к сердцу, вылетела через другое ухо обратно.

Папа Григорий долго исповедовал прелестную просительницу и нашел в конце концов наилучший, по его мнению, способ, как, не преступая законов церкви, исполнить ее желание соединиться с возлюбленным. Он предложил ей небесного жениха, если она решится сменить свое мусульманское покрывало на монашеское. Это предложение внезапно вызвало у принцессы такой ужас ко всем покрывалам на свете, что она тотчас же сорвала свое и, полная отчаяния, бросилась к подножию трона, простерла к папе руки и, заливаясь слезами, стояла на коленях у его святых туфель и заклинала достопочтенного отца пощадить ее сердце и не принуждать отдавать его другому.

Ее красота оказалась красноречивее слов и привела в восторг всех присутствующих, а слезы, сверкавшие в ангельских глазах, падали как капли горячей смолы в сердце святого отца и, воспламенив ничтожные остатки еще тлевшего в нем земного огня, согрели его доброжелательностью к просительнице.

— Встань, возлюбленная дочь моя, — сказал он, — и перестань плакать. То, что предопределено на небесах, свершится на земле. Через три дня ты узнаешь, будет ли твоя первая просьба к святой церкви удовлетворена милосердной матерью божьей или нет.

Затем он созвал конгрегацию всех казуистов * Рима и велел дать каждому из них по небольшому караваю хлеба и кружке вина и запереть их в Ротонде, с предупреждением, что ни одного из них не выпустят оттуда, пока они не решат спорный вопрос единогласно. Покуда у почтенных отцов еще был запас хлеба и вина, в зале происходили такие бурные дебаты, что, соберись все святые в церкви, они едва ли могли бы поднять такой гвалт. Pro et contra¹ всячески взвешивались и колебались, как волны Адриатического моря при штормовом южном

¹ Доводы «за» и «против» (лат.).

ветре. Но стоило заговорить желудку, все стали внимать только ему, и, к счастью, дело было решено в пользу графа, который по этому случаю заказал роскошный обед, пообещав накормить им все казуистическое духовенство, но, конечно, только после того, как с дверей Ротонды будет снята папская печать. Разрешительную буллу * заготовили по всей форме, но за приличную мзду, для каковой цели прекрасная Анжелика, правда без малейшего сожаления, глубоко запустила руку в сокровищницу Египта. Папа Григорий дал счастливой паре свое благословение и милостиво простился с нею. Они немедленно покинули папские владения, чтобы отправиться на родину графа и там совершить бракосочетание.

Когда граф очутился по эту сторону Альп и вновь вдохнул родной воздух отечества, сердце его растопила нежность, и он, вскочив на своего неаполитанца, рысью поскакал вперед, в сопровождении одного только туповатого рейтара, распорядившись, чтобы принцесса на другой день не торопясь выехала вслед за ним под охраной ловкого Курта. Сердце бурно забилося в груди графа, когда он увидел в голубой дали три глейхенских замка. Он думал поразить добрую графиню неожиданностью, но весть о его прибытии словно на орлиных крыльях летела впереди него. Жена выехала ему навстречу с сыном и дочерьми и увидела его на полдороге к замку, на цветущем лугу, который в память этой радостной минуты и по сей день называется «Долиной радости».

Встреча обоих супругов была такой сердечной и нежной, будто ни о каком разделении сердца и речи не было. Графиня Оттилия была образцом кроткой супруги и без рассуждений покорилась господней заповеди: «Да убоится жена мужа своего». Если сердце ее и начинало иногда немного бунтовать, она не била в набат, а накрепко запирала его двери и окна, чтобы никто не мог туда заглянуть и узнать, что там происходит. Она смиряла свои возмущенные страсти перед судом Разума и, покоровшись Рассудку, налагала на себя добровольное покаяние. Она не могла простить себе, что роптала на появление побочного солнца, которому предстояло сиять рядом с ней на ее брачном горизонте, и, чтобы искупить свою вину, велела втайне изготовить трехспальную кровать на крепких сосновых ножках, окрашенную в цвет надежды, с круглым, выпуклым балдахином над ней, в виде церков-

ного свода, украшенным крылатыми херувимчиками с пухлыми щеками. На шелковом покрывале, разостланном, для украшения, поверх пуховых перин, с художественным вкусом было вышито изображение архангела Рафаила, каким он привиделся ей во сне, и графа в одежде пилигрима. Это красноречивое доказательство супружеской предупредительности его нежной подруги тронуло графа до глубины души. Увидев, как она старается украсить его супружескую жизнь, он горячо обнял и расцеловал ее.

— Благороднейшая из ж е н , — воскликнул он, восхищенный, — этот храм любви возвысил тебя над тысячами женщин, он будет славным памятником и сохранит имя твое для потомства; пока сохранится хоть одна щепка от этого ложа, мужчины будут ставить в пример своим женам твое образцовое самопожертвование.

Через несколько дней в замок благополучно прибыла Анжелика и была встречена с большой помпой, как невеста графа. Оттилия приняла ее с открытым сердцем и распростертыми объятьями и ввела в родовой замок, признав совладелицей всех своих прав.

Тем временем двоеженец отправился в Эрфурт к викарию, чтобы назначить день венчания. Благочестивый прелат пришел в ужас, услышав столь кощунственное предложение, и дал графу понять, что он в своей епархии не допустит подобного святотатства. Тогда граф Эрнст предъявил ему оригинал папской грамоты, удостоверенной печатью святого отца в виде рыбы, что означало для него печать молчания. Тут он вынужден был дать согласие, хотя выражение его лица и покачивание головы ясно показывали, что верховный рулевой корабля христианской церкви этим снисхождением пробил огромную брешь в киле и следует опасаться, как бы судно не погрузилось в воду и не затонуло.

Венчание совершилось торжественно и с большим великолепием. Оттилия, бывшая посаженной матерью невесты, приготовила роскошный пир. Графы и рыцари со всей Тюрингии съехались в замок, чтобы отпраздновать эту необычайную свадьбу. Прежде чем граф повел свою прекрасную невесту к алтарю, она открыла свой ларчик с драгоценностями и преподнесла ему в приданое все сокровища, какие у нее еще оставались после расходов, связанных с получением разрешения на брак. А он назначил ей, как свадебный дар, пожизненную ренту.

В день бракосочетания миртовый венок целомудрия обвивал золотую корону на голове дочери султана, и с этим украшением она не расставалась всю жизнь, нося его как знак своего высокого происхождения, поэтому подданные величали ее только королевой, а придворные служили ей и почитали, как королеву. Лишь тот, кто заплатил когда-нибудь пятьдесят полновесных гиней за удовольствие понежиться одну ночь в божественной кровати доктора Грехема в Лондоне, может вообразить восторг, какой ощутил граф Эрнст Глейхенский, когда перед ним открылось эластичное ложе трехспальной постели, чтобы принять новобрачного с обеими женами. После многих бессонных ночей тихая дремота очень скоро смежила веки графини Оттилии, лежавшей рядом с вновь обретенным супругом, а ему была предоставлена полная свобода вместе с милой Анжеликой беспрепятственно подбирать рифму к слову мушируми.

Семь дней длилось его брачное блаженство, и граф Эрнст должен был признать, что эти дни с избытком возместили ему семь мрачных лет, проведенных в башне за железной решеткой в Великом Каире. И это не было пустым комплиментом по адресу обеих жен, ибо поистине правильно основанное на опыте утверждение, что один радостный день может усладить горечь и скорбь целого печального года.

Никто, если не считать самого графа, не плавал в таком блаженстве, как его верный оруженосец, ловкий Курт, отдававший честь богатым яствам и винам своего господина. Он одним духом осушал кубок радости, усердно обходивший слуг. Насытив желудок, он начинал рассказывать о своих приключениях, и тогда все за столом жадно внимали ему. Но когда графское хозяйство вернулось в скромное, будничное русло, он отпросился у господина и отправился в Ордруфф, чтобы навестить там свою жену и осчастливить ее своим неожиданным возвращением. В долгие годы разлуки он честно соблюдал воздержание и теперь мечтал о заслуженной награде за свое примерное поведение, надеясь на счастье обновленной любви. Фантазия яркими красками рисовала ему образ добродетельной Ревекки, и чем ближе он подъезжал к стенам, за которыми она жила, тем ярче становились эти краски. Курт видел перед собой жену во всей ее прелести, восхищавшей его в день их свадьбы. Он видел,

как она, пораженная внезапным возвращением мужа, почти без чувств падает в его объятия от избытка радости.

Убаюканный этими радужными картинками, он не заметил, как добрался до ворот своего родного города, пока вооруженный городской страж не закрыл перед ним шлагбаум и не стал расспрашивать, кто он таков, что за дела у него в городе и мирные ли у него намерения. Ловкий Курт честно ответил на все эти вопросы и осторожно поехал по улице дальше, чтобы конь стуком копыт не выдал раньше времени его прибытия. Закрепив повод у калитки, он бесшумно прокрался во двор, где его прежде всего радостным лаем встретил хорошо знакомый старый цепной пес. Однако он крайне удивился, увидев двух резвившихся в сенях веселых, толстощеких мальчиков, похожих на херувимчиков, украшавших балдахин в глейхенском замке. Прежде чем он успел поразмыслить над этим, из дверей дома осторожно выглянула женщина, чтобы посмотреть, кто пришел. Ах, какой контраст между идеалом и оригиналом! За семь лет зуб времени немилосердно изгрыз ее былую красоту. Однако в основном черты лица настолько сохранились, что хорошо знакомый человек вполне мог узнать ее, подобно тому как узнают прежнюю чеканку на стершейся монете. Радость свидания легко скрыла недостатки внешности, а мысль, что это печаль о нем в его отсутствие избородила морщинами гладкое лицо любимой женщины, размягчила добродушного супруга. Он горячо обнял ее и сказал:

— Здравствуй, милая жена, забудь все свое горе. Смотри, я жив и опять с тобой!

Кроткая Ревекка ответила на эту нежность столь крепким ударом в ребро, что ловкий Курт отлетел к стене, и подняла страшный вой, сзывая слуг, будто он посягал на ее целомудрие. Она ругала и срамила его и вела себя как свирепая фурия. Нежный супруг все же оправдывал эту неприветливую встречу, объясняя ее негодование тем, что он оскорбил свою скромную супругу дерзким поцелуем. Он решил, что она не узнала его. Набрав в легкие воздуха, он пытался вывести ее из этого явного заблуждения, но вскоре понял: жена глуха к его речам и нет здесь никакого недоразумения.

— Бессовестный негодяй! — вопила женщина визгливым голосом, — семь долгих лет ты шлялся по далеким странам и таскался с чужими бабами, а теперь вообра-

жаешь, будто я подпущу тебя к своей непорочной постели? Знай, мы разведены. Разве не вызывала я тебя трижды во всеуслышание к церковным воротам? И разве не объявили тебя мертвым после того, как ты посмел не явиться? И не было ли мне разрешено высшей властью оставить свое вдовство и выйти замуж за бургомистра Виппрехта? Уже шестой год мы живем как муж и жена, и эти два мальчика — благословение нашего брака. И вот приходит смутьян и хочет нарушить мой домашний мир! Если ты сию же минуту не уйдешь отсюда, магистрат прикажет заковать тебя в колодки и выставить к позорному столбу в назидание всем подобным бродягам, злонамеренно покидающим своих жен!

Это приветствие его некогда любимой дражайшей половины было для ловкого Курта равно удару кинжалом в сердце. Желчь его будто прорвалась через плотину и излилась в кровь.

— Ах ты распутная тварь! — вскричал он. — Что мешает мне сейчас же свернуть шею тебе и твоим ублюдкам? Вот как ты хранишь свои обеты? Забыла, как клялась на нашем брачном ложе, что даже смерть не разлучит тебя со мной? Не ты ли сама добровольно обещала, что коли душа твоя расстанется с телом и вознесется к небесам, в то время как я буду томиться в пламени чистилища, ты сойдешь ко мне из райской обители, чтобы овеять мою бедную душу опахалом, пока она не освободится из преддверия ада? Чтоб твой лживый язык почернел, падаль ты этакая!

Примадонна Ордруффа обладала, правда, острым язычком, который ничуть не почернел от проклятий разгневанного экс-супруга, но все-таки мадам Ревекка нашла неудобным продолжать с ним перебранку. Вместо этого она многозначительно кивнула слугам; служанки и работницы набросились на бедного Курта и *brevi manu*¹ вытолкали его из дома. При исполнении этого акта домашнего правосудия хозяйка сама провожала отставленного спутника жизни до ворот, обмахивая его метлой.

Изукрашенный синяками, бедный Курт вскочил на коня и что есть духу помчался по улице, по которой за несколько минут до этого он ехал с такой осторожностью. Пока он скакал в замок своего господина, кровь его не-

¹ Без проволочек (*лат.*).

сколько остыла, и он стал высчитывать, что выгадал и что потерял, и остался доволен итогом, ибо, собственно, потерял всего только надежду наслаждаться на том свете прохладой от обмахивающего его опахала. Он никогда больше не возвращался в Ордруфф и всю жизнь оставался в замке графа Глейхенского, где был очевидцем невероятного события: две дамы без ссор и ревности разделяли любовь одного мужчины и даже под одним балдахинном.

Прекрасная сарацинка была бесплодна. Она любила детей своей подруги и ухаживала за ними, как за своими собственными, разделяя с нею заботы о их воспитании. Она угасла первая из этого счастливого семейного трилистника, в осеннюю пору своей жизни. За ней последовала графиня Оттилия, а через несколько месяцев скончался и опечаленный вдовец, которому стало слишком просторно и одиноко в необъятной кровати. Установленный при жизни графа порядок в брачной постели не потерпел изменений и после их смерти. Все трое покоятся в одной могиле перед алтарем графов Глейхенских в эрфуртской церкви святого Петра на горе, где и сейчас можно видеть их могилу и памятник над ней, на котором высокородные соседи по постели изображены, как и при жизни: справа — графиня Оттилия с зеркалом в руке, символом ее прославленного ума; слева — сарацинка, увенчанная золотой короной, а в середине граф, опирающийся на щит с изображенным на нем леопардом. Знаменитая трехспальная кровать до наших дней хранится как реликвия в старом замке, в так называемых господских покоях, и щепка от нее, если носить ее за планшеткой корсета, обладает якобы силой убивать ревность в женском сердце.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕГЕНДЫ О РЮБЕЦАЛЕ

Легенда первая

Стр. 9. *Парнас* — горный массив Греции; (греч. миф), место, где обитает Аполлон, бог солнца и покровитель искусств, и девять муз.

Стр. 10. *Иафет* (библ.) — один из сыновей Ноя, брат Сима и Хама. Согласно легенде, потомки его населяют Европу.

Эрихтрассе — древне немецкое обозначение Млечного Пути.

Стр. 12. *Венера Медицейская* — древнеримская скульптура богини любви и красоты. Здесь — олицетворение женской прелести.

Стр. 13. *Буколические времена* — патриархальные времена.

Стр. 15. *Тор* (сканд. миф.) — бог грома.

Водан — или Один, общегерманское верховное божество; покровитель военного искусства.

Стр. 16. *Гирифельд* Х. К. А. (1742—1792) — знаменитый устроитель садов, автор пятитомного труда «Теория садового искусства».

Эдем (библ.) — рай.

Стр. 20. *Сад Гесперид* (греч. миф.) — сад на крайнем Западе, где на островах блаженных обитали дочери ночи Геспериды, полу-девы-полуптицы, и где росли золотые яблоки, подаренные Геей на свадьбу Гере.

Неистовый Роланд — герой одноименной поэмы итальянского поэта эпохи Возрождения Л. Ориосто (1474—1533); лишился рассудка от любви к красавице Анджелике.

Амур (римск. миф.) — бог любви; изображался в виде крылатого мальчика с луком и стрелами.

Стр. 24. *Кестнер* А. Г. (1719—1800) — немецкий математик и автор эпиграмм.

Пегас (греч. миф.) — крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

Ньютон Исаак (1642—1722) — великий английский физик и математик.

Стр. 25. *Блендхеймское сражение* — в 1704 г. было переломным в борьбе англичан и их союзников за испанское наследство.

Стр. 26. *Ратибор* — город на Одере в Нижней Силезии.

Легенда вторая

Стр. 30. *Ангел Рафаил* (библ.) — в образе юноши сопровождал Товия, который должен был получить деньги, взятые у его отца.

Стр. 31. *Мастер Хемерлинг* — народное прозвище палача.

Стр. 37. *Радамант* (греч. миф.) — сын Зевса и Европы, брат Миноса; один из трех судей в подземном царстве; нарицательно — мудрый, справедливый судья.

Легенда третья

Стр. 43. *Бюшинг* А. Ф. (1724—1793) — известный немецкий географ и натуралист.

Стр. 44. *Биограф Ганса Губрига* — Х. Ц. Лебер, автор книги «Страдания и радости шестнадцатилетнего старца Ганса Губрига» (1783).

Эскулап (римск. миф.) — бог врачевания. Здесь — врач.

Стр. 45. *Соломон* (библ.) — царь израильского народа; славился умом и справедливостью.

Стр. 50. *Гуфа* — земельная единица меры в средневековой Германии.

Легенда четвертая

Стр. 61. *Мидас* (греч. миф.) — фригийский царь, наделенный по собственной просьбе даром обращать в золото все, к чему ни прикаснется.

Стр. 62. *Щучья печенка* — по библии, обладает магическими свойствами.

Стр. 68. *Валленштейн* Альбрехт (1583—1634) — главнокомандующий императорскими войсками в Тридцатилетней войне (1618—1648).

Штальханч — шведский офицер, герой Тридцатилетней войны.

Легенда пятая

Стр. 69. *Вольтер* М. Ф. А. (1694—1778) — знаменитый французский писатель-просветитель и философ.

Стр. 70. *Роза ветров* — графическое изображение направления ветров.

Стр. 71. *Г...ская мудрость* — Иоганн Христиан Геннинг, автор книг: «О предчувствиях и видениях» (1777) и «Явления духов и ясновидящие» (1780).

Стр. 72. *Россинант* — кличка коня Дон-Кихота; нарицательно — изнуренная лошадь, кляча.

Стр. 73. *Филипп II* (1527—1598) — испанский король; в 1578 г., после смерти португальского короля Себастиана, присоединил Португалию; несколько самозванцев оспаривали у Филиппа право на португальский престол.

Царь Борис — русский царь Борис Годунов (1551—1605).

Гришка Отрепьев — беглый монах, предположительно — самозванец Лжедмитрий I, ставленник польской шляхты на русский престол (1605—1606).

Стр. 75. *Теофраст* — имя Парацельса (1493—1541), знаменитого немецкого врача и естествоиспытателя.

Стр. 76. *Вадемукумские рассказы* — назидательные рассказы из книг, ставших настольными.

Стр. 79. *Лаубан* — город в Нижней Саксонии.

Стр. 81. *Еврей Ефраим* — один из чеканщиков монет при дворе короля Фридриха II.

Стр. 83. *Вечный жид* — по средневековой легенде, человек, обреченный на вечные скитания в наказание за отказ помочь Иисусу.

Стр. 84. *Крез* — легендарный царь Лидии, владевший несметными богатствами; нарицательно — богач.

Стр. 88. *Кассандра* (греч. миф.) — дочь троянского царя, возлюбленная Аполлона, наделенная даром предвидения; пренебрегла любовью бога и была наказана тем, что ее пророчествам никто не верил. Наричательно — человек, предостерегающий об опасности, которому никто не верит.

Стр. 89. *Подземный пожар, который разрушил Лиссабон, а затем и Гватемалу* — землетрясение в Лиссабоне в 1755 г., в Гватемале — в 1776 г.

Пророчества Хевилла. — Книга пророчеств Хевилла вышла во Фрейбурге в 1784 г.

Целлерфельдский пророк — ложно предсказал землетрясение на Гарце в пасхальную неделю 1786 г.

Броккен — вершина Гарца, горного массива Германии, с которой связано множество легенд (например, о шашке ведьм в Вальпургиеву ночь).

Американская война — война за независимость тринадцати английских колоний в Северной Америке против Англии в 1775—1783 гг.

СКАЗКИ

Либуша

Стр. 93. *Дриада* (греч. миф.) — древесная нимфа.

Барды (VII—XV вв.) — кельтские певцы, воспевавшие подвиги богов и героев.

Герцог Чех — предводитель славянского племени, которое в VI в. поселилось в Богемии. По его имени с IX в. стали называться жители этой страны.

Стр. 96. *Дети Эскулапа* — врачи. См. прим. к стр. 44,

Стр. 99. *Треножник дельфийского оракула*. — В дельфийском святилище Аполлона была расщелина в скале, откуда подымались одуряющие пары. Над расщелиной находился золотой треножник, на котором сидела пифия (жрица-вещательница) и в экстазе, одурманенная этими парами, выкрикивала предсказания, которые истолковывались жрецами как воля Аполлона.

Стр. 102. *Гороскопы* — таблицы расположения светил в момент рождения человека; в средние века использовались для предсказания судьбы.

Медя (греч. миф.) — волшебница; знала таинственную силу трав.

Цихим и Охим (библ.) — чудовища.

Стр. 103. *Цирцея* (греч. миф.) — коварная волшебница.

Стр. 104. *Амур* (римск. миф.) — См. прим. к стр. 20.

Несправедливый Набал (библ.) — богатый скотовод, отплативший Давиду за его службу неблагодарностью.

Стр. 108. *Европа* (греч. миф.) — возлюбленная Зевса, которой он явился в виде быка и по морю перевез на остров Крит.

Бык в календаре. — Месяцы в календарях обозначались знаками зодиака, двенадцатью созвездиями, по которым солнце совершает свой видимый путь в течение года. В апреле солнце стоит под знаком тельца.

Стр. 109. *Гидра* (греч. миф.) — чудовище с девятью головами, которые вырастают вновь, едва их отрубят.

Вышеград — часть нынешней Праги на правом берегу Влтавы.

Сарматские князья. — Европейская Сарматия простиралась от Вислы до Дона, от Карпат до Балтийского моря.

Солон (ок. 638 — ок. 559 г. до н. э.) — древнегреческий законодатель и поэт.

Соломон (библ.) — См. прим. к стр. 45.

Стр. 116. *Сыны Германии отплывали за далекий океан* — солда-

ты, проданные немецкими князьями Англии для ведения войны в Северной Америке. См. прим. к стр. 89.

Хлоя — героиня греческого пастушеского романа Лонга (III в.), влюбленная в пастуха Дафниса. Наричательно — влюбленная девушка.

Улисс — Одиссей, один из героев «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, царь острова Итака. *Царица Итаки* — Пенелопа, его верная жена.

Стр. 118. *Фемида* (греч. миф.) — богиня правосудия; изображалась с мечом, весами и повязкой на глазах.

Стр. 120. *Нимрод* — вавилонский бог войны и охоты. Наричательно — искусный охотник.

Ахилл (греч. миф.) — герой «Илиады» Гомера; бесстрашный воин; единственно уязвимым местом была пята, за которую мать держала новорожденного, окуная в священные воды Стикса.

Стр. 121. *Спор из-за яблока* (греч. миф.) — предназначенного прекраснейшей, возник на пиру у Зевса между богинями Герой, Афиной и Афродитой. За решением спора богини обратились к пастуху Парису, младшему сыну троянского царя. Гера обещала ему в награду господство над Азией, Афина — воинскую доблесть и славу, Афродита — обладание красивейшей из женщин. Парис выбрал последнее и присудил яблоко Афродите.

Стр. 127. *Гюон* — герой сказочной поэмы Виланда «Оберон»; получил в подарок от короля эльфов *Оберона* неосушаемый кубок и рог, звуки которого заставляли врагов танцевать.

Стр. 130. *Циклопы* (греч. миф.) — одноглазые титаны, мифические строители и кузнецы; работали в подземной мастерской бога-кузнеца *Вулкана* (римск. миф.) в глубине Этны.

Венера (римск. миф.) — богиня любви и красоты.

Стр. 132. *Выслушайте слова Пржемысла...* — В пророчестве Пржемысла речь идет об образовании Чешского государства (IX—X вв.). В 906 г. при князе Братиславе I Чехия выделилась из Великоморавской державы. Болеслав II (967—999) — внук Братислава I одержал победу над князьями-язычниками Славниковичами, разрушил их главный город Либице и сделал Прагу столицей и христианским центром страны.

Стр. 135. *Гостеприимная царица Дидона* — карфагенская царица Дидона, возлюбленная Энея, бежавшего из разрушенной Трои.

Покровитель радости — здесь Дионис (Вакх), бог вина.

Стр. 137. *Пальмира* — сирийское царство, достигшее расцвета при царице Зиновии, жене Оданата (V в.).

Стр. 138. *Молдова* — другое название реки Влтавы, на которой стоит Прага.

Стр. 139. *Роланд* — франкский маркграф; принимал участие в походе Карла Великого против сарацин в Испанию, где и погиб (778) при отступлении франкских войск. Герой французского эпоса и итальянских рыцарских поэм; идеальный рыцарь-крестоносец.

Карл Великий (742—814) — король франков и Римский император; стремился создать прочное централизованное государство. Правление Карла Великого ознаменовано расцветом культуры (так называемое Каролингское Возрождение).

Голиаф (библ.) — филистимлянский великан, убитый Давидом.

Стр. 140. *Пифагорейское молчание*. — Здесь — созерцательное молчание.

Стр. 141. *Орден тощих братьев* — в средние века шуточное прозвище повешенных.

Стр. 143. *Петрарка Франческо* (1304—1347) — великий итальянский поэт эпохи Возрождения.

Стр. 146. *Нинон де Ланкло* (1615—1705) — французская куртизанка. В числе ее поклонников были такие знаменитости, как Ришелье, Ларошфуко и др.

«Физиогномические фрагменты» — сочинение И. К. Лафатера (1741—1801), где говорится о возможности определить характер человека по чертам лица.

Эндорская волшебница (библ.) — волшебница, которую царь Саул просил вызвать тень пророка Самуила.

Друиды — галльские жрецы; оказывали большое влияние на общественную и частную жизнь народа. В эпоху христианства им приписывалась сила волшебства и пророчества.

Веледа — по Тациту («Германия»), пророчица у древних германцев; участвовала в борьбе против Рима.

Стр. 147. *Д'Аймар* — граф Сен-Жермен, известный французский авантюрист XVIII в.

Цельс А. К. (I в.) — римский писатель, автор знаменитого труда по медицине.

Стр. 148. *Сто фиванских ворот*. — Фивы — египетский город II тысячелетия до н. э.; славился храмами и дворцами, назывался стовратным.

Стр. 150. *Аргус* (греч. миф.) — титан, все тело которого усеяно глазами (олицетворение звездного неба). Наричательное — неусыпный страж, от чьего взора ничто не ускользает.

Стр. 152. *Мальвазия* — сорт вина.

Стр. 153. *Сиракузский философ* — Архимед (287—212 гг. до н. э.).
Королевство Леон — одно из древнейших христианских королевств на северо-западе Испании.

Кольцо Гига — по греческой легенде, волшебное кольцо, делавшее обладателя невидимым. Пастух Гиг нашел это кольцо в пещере и, воспользовавшись его свойствами, завладел престолом государства Лидии.

Фортуатов кошелек — чудесный кошелек с неисчерпаемой казной; принадлежал Фортунату — герою одноименной немецкой народной книги XVI в.

Фляжка святого Ремигия — по преданию, сосуд с неиссякаемым миром, посланный небом Ремигию (437—533), архиепископу Рейнскому, при крещении короля Хлодвига.

Стр. 154. *Асторга* — город в королевстве Леон. См. прим. к стр. 153.

Стр. 155. *Паладин* — сподвижник Карла Великого. Наричательно — благородный приверженец.

Крез. — См. прим. к стр. 84.

Стр. 156. *Гелиогабал* — римский император (218—222); славился деспотизмом и мотовством.

Геллер — мелкая австрийская монета.

Стр. 157. *Мудрейший из царей* (библ.) — царь Соломон. См. прим. к стр. 45.

Стр. 158. *Сарданапал* — ассирийский царь. Наричательно — правитель, сочетающий в себе героизм с утонченной изнеженностью.

Цонф и Гильмар Курас — авторы популярных в XVIII в. учебников по всеобщей истории.

Апиций (I в.) — известный прожигатель жизни в древнем Риме, мнимый автор книги о поваренном искусстве (III в.).

Стр. 159. *Три известные тогда части света* — Европа, Азия и Африка.

Лета (греч. миф.) — река на границе подземного царства. Испив ее воды, усопшие забывали о земной жизни.

Стр. 160. *Сиеста* — послеобеденный отдых.

Стр. 161. *Демогоргон* — таинственное злое божество, повелитель низших духов; в средневековой литературе — бог магии и творческих способностей.

Стр. 163. *Аркадия* — область в древней Греции, родина пастухов и охотников. В литературе XVI—XVIII вв. — патриархальная страна sentimentalной простоты.

Ван-Дейк (1599—1641) — знаменитый фламандский художник.

Адонис (греч. миф.) — прекрасный юноша, любимец богини любви Афродиты и Персефоны, жены бога подземного царства.

Стр. 166. *Грация* (римск. миф.) — богиня красоты, нежности и прелести.

Верная любовь

Стр. 174. *Мальбрук* — персонаж французской солдатской песенки о том, как рыцарь Мальбрук отправился на войну и погиб, а верная жена напрасно ждала его.

Генрих Лев (1129—1195) — герцог Баварии, Саксонии и Брауншвейга; вел многочисленные междоусобные и захватнические войны; совершил паломничество в Палестину.

Стр. 175. *«Силуэты»*. — Имеется в виду книга «Силуэты знаменитых немецких женщин» (1784).

Стр. 176. *Привратники рая* — ангелы.

Стр. 180. *Архангел Рафаил*. — См. прим. к стр. 30.

Стр. 184. *Сенека* (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский философ-стоик.

Стр. 189. *Миннезингеры* (XII—XIII вв.) — немецкие средневековые рыцари-поэты. Здесь — придворные пииты, исполнители рыцарской любовной лирики.

Стр. 193. *Ганимед* (греч. миф.) — юноша необычайной красоты, похищенный Зевсом; виночерпий на Олимпе.

Стр. 194. *Гордиев узел* — узел, замысловато стянутый фригийским царем Гордием. По предсказанию оракула, тот, кто распутает этот узел, станет властелином Азии; Александр Македонский рассек Гордиев узел мечом.

Стр. 195. *Сады Эдема* — райские сады.

Стр. 198. *Пигмалион* (греч. миф.) — скульптор, влюбившийся в созданную им статую прекрасной девушки; по его мольбе Афродита оживила изваяние. Наричательно — человек, влюбленный в свое творение.

Стр. 199. *Тощие коровы фараона поглотили тучных* (б и б л.). — Египетскому фараону, приютившему Иосифа, приснился сон, в котором семь тощих коров поглотили семь тучных. Толкуя этот сон, Иосиф предсказал семь урожайных лет и семь неурожайных.

Стр. 202. *Гименей* (греч. миф.) — божество брака. Наричательно — брак, супружество.

Мелексала

Стр. 204. *Папа, наместник святого Петра на земле...* — По преданию, римская церковь была основана апостолами Петром и Павлом, и считалось, что в Риме учение Христа соблюдается в наиболь-

шей чистоте. Апостол Петр — первый среди апостолов; папа римский, его наместник — первый среди епископов.

Григорий IX (1227—1241) — папа римский; вел многолетнюю борьбу с императором Фридрихом II из-за политического первенства.

Конклав — совет кардиналов, избирающий папу.

Стр. 205. *Фридрих Швабский* — Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250), германский император; боролся с папами Григорием IX и Иннокентием IV.

Варфоломеевская ночь — ночь с 23 на 24 августа 1572 г., когда в Париже произошло избиение гугенотов.

Сирокко — сухой ветер.

Дочери иерусалимские (библ.) — во время Вавилонского пленения сидели и плакали над водами, повесив свои арфы на ивы.

Стр. 206. *Елизавета Святая* (1207—1231) — ландграфиня Тюрингская; известна своим суровым аскетизмом и отказом от привилегий знатности; после смерти причислена к лику святых.

Ленник — обладатель лена, земельного надела, полученного в вечное пользование от сеньора с условием служения ему.

Стр. 207. *Последний крестовый поход немецкого воинства на дальний Запад*. — См. прим. к стр. 116.

Стр. 211. *Небесный Иерусалим*. — Иносказательно — загробный мир.

Птолемаида — христианское государство в Малой Азии, искусственно созданное крестоносцами, защитниками гроба господня.

Стр. 212. *Троя* — древний город в Малой Азии; его мужественная защита против греков воспета в «Илиаде» Гомера.

Ахилл (греч. миф.) — герой Троянской войны; поссорился с Агамемноном из-за пленницы Брисеиды и отказался участвовать в сражениях.

Стр. 214. *Гиппогриф* (греч. миф.) — полуконь-полуптица,

Хюбнер (1668—1731) — автор исторических и географических сочинений.

Мышиная башня — башня на Рейне, где, согласно преданию, был съеден мышами епископ Гатон в наказание за сожжение голодных людей.

Стр. 215. *Галльский герой моряк* — граф Грассе Ф. Ж. П. (1723—1788), французский адмирал, участник войны североамериканских штатов за свою независимость; был взят в плен англичанами в 1782 г.

Стр. 216. *Гог и Магог* (библ.) — земные царства; обольщенные дьяволом, в последние дни мира восстанут на царство Христово и погибнут вместе со своим обольстителем.

Стр. 217. *Целлерфельдский пророк*. — См. прим. к стр. 89.

Стр. 218. *Сын Маноаха* — библейский герой Самсон, обладал чрезвычайной силой.

Одиссей, Пенелопа. — См. прим. к стр. 116.

Стр. 219. *Протей* (греч. миф.) — морское божество. Здесь — Харон, старец, переправляющий через Стикс души умерших в подземное царство.

Авадонн (библ.) — дьявол, сатана.

Стр. 220. *Нения* (римск. миф.) — богиня плача.

«*Органон*» — собрание трудов по логике великого древнегреческого философа Аристотеля (384—322 гг. до н. э.).

Стр. 221. *Гармоника Франклина* — музыкальный инструмент с четырьмя октавами.

Стр. 222. *Абдолоним* — сначала садовник, потом царь финикийского города Сидон.

Стр. 225. *Гуриш* — вечно юные девы, обитательницы мусульманского рая.

Стр. 227. *Саладин* (1174—1193) — сирийский и египетский султан, основатель династии Эйюбидов; боролся против крестоносцев. *Три известные тогда части света.* — См. прим. к стр. 159.

Стр. 228. *Диван* — тайный совет султана в Турции.

Стр. 234. *Пилятр де Розье* (1756—1785) — французский физик, аэронавт; погиб при падении воздушного шара.

Стр. 235. *Эндимион* (греч. миф.) — прекрасный юноша, возлюбленный Селены, богини Луны.

Стр. 237. *Гален* (131 — ок. 200) — знаменитый врач древности, автор сочинений по медицине.

Стр. 238. *Деревянный шахматист* — механизм, в котором во время игры скрывался живой шахматист (начало XIX в.); довольно долго дурачил игроков, но в конце концов был разоблачен.

Стр. 242. *Сиеста.* — См. прим. к стр. 160.

Стр. 245. *Веста* (римск. миф.) — богиня домашнего очага.

Стр. 248. *Конклав* — здесь — просто совет.

Лот (библ.) — праведник, спасшийся при гибели Содома и Гоморры. Жена его, нарушив запрещение ангела, выведшего их, оглянулась на горящие города и обратилась в соляной столб.

Стр. 250. *Животный магнетизм* — по учению Месмера (1733—1815), в человеческом теле есть силы, подобные магнетизму.

Стр. 253. *Исход из Египта* (библ.) — переход евреев из Египта, где они жили в рабстве, в землю Ханаанскую.

Вецель Ф. Г. (1779—1819) — немецкий романист, автор романа «Какерлак, или История одного розенкрейцера прошлого века».

Стр. 254. *Мамелюки* — личная гвардия египетских султанов; набиралась из рабов тюркского происхождения.

Гермес (греч. миф.) — вестник богов, бог всяческого изобретательства. У римлян (*Меркурий*) — бог торговли, покровитель купцов и воров.

Стр. 258. *Архангел Рафаил*. — См. прим. к стр. 30.

Стр. 261. *Буриданов осел*. — Буридану, французскому философу-схоласту XIV в., который был известен своим учением о воле, определяемой разумом, приписывается рассказ об осле, который якобы издох голодной смертью, попав между двумя совершенно одинаковыми охапками сена, не зная, которую из них предпочесть.

Иоанн Креститель (библ.) — Иоанн Предтеча, предшественник Христа. При нем впервые знаком духовного обновления стал обряд крещения, то есть омовения в воде.

Стр. 262. *Конгрегация казуистов* (лат.) — союз, братство приверженцев казуистики, специальной части схоластического богословия и средневековой юриспруденции, применявшей общие догматические положения к отдельным частным случаям (казусам).

Стр. 263. *Булла* — грамота, рассылаемая верующим от имени папы римского.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Каган. Музеус и его сказки</i>	3
--	---

ЛЕГЕНДЫ О РЮБЕЦАЛЕ

Легенда первая	9
Легенда вторая	27
Легенда третья	43
Легенда четвертая	55
Легенда пятая	69

СКАЗКИ

Либуша	93
Оруженосцы Роланда	139
Верная любовь, или Сказка à la Malbrouk	174
Мелексала	204
Примечания	269

Йоганн Карл Август Музеус
СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

Редактор *Л. Микулин*. Художественный редактор *Л. Калитовская*.
Технический редактор *Е. Мулин*. Корректор *Д. Эткина*.

Сдано в набор 19I 1960 г. Подписано к печати 19IV 1960 г.
Бумага 84x108^{7/32} — 8,75 печ. л. = 14,35 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14,59.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 636. Цена 5 р. 15 к.
Гослитиздат, Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат им. Якуба Коласа,
Минск, Красная, 23.